

ISSN 2949-1185

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

2/2024(3)

СЕРИЯ: ЕСТЕСТВЕННЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

0+

Российская Академия Наук
ТРУДЫ

2/2024(3)

Научно-информационный журнал
Основан в 2010 году
Выходит 4 раза в год

Кольского научного центра. Серия: Естественные и гуманитарные науки

Главный редактор
акад. РАН, д. г.-м. н. С. В. Кривовичев

Заместитель главного редактора
к. б. н. Е. А. Боровичев

Редакционный совет:
акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
чл.-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров,
чл.-корр. РАН, д. т. н. А. И. Николаев,
чл.-корр. РАН, д. х. н. И. Г. Тананаев,
д. э. н. Ф. Д. Ларичкин,
д. ф.-м. н. Е. Д. Терещенко,
к. т. н. А. С. Карпов (отв. секретарь)

Редколлегия серии:
акад. РАН, д. г.-м. н. С. В. Кривовичев,
акад. РАН, д. г. н. Г. Г. Матишов,
чл.-корр. РАН, д. б. н. В. К. Жиров,
д. г.-м. н. В. В. Балаганский,
д. г.-м. н. Т. Б. Баянова,
д. и. н. С. Г. Веригин,
д. и. н. И. Ю. Винокурова,
д. ф.-м. н. В. Г. Воробьев,
д. г. н. В. А. Даувальтер,
д. и. н. В. В. Ефимова,
д. и. н. И. Л. Жеребцов,
д. ф.-м. н. В. Е. Иванов,
д. б. н. Л. А. Иванова,
д. ф.-м. н. Б. В. Козелов,
д. г.-м. н. Н. Е. Козлов,
д. б. н. Н. А. Константинова,
д. б. н. П. Р. Макаревич,
д. т. н. Д. В. Макаров,
д. и. н. Е. П. Мартынова,
д. т. н. В. А. Маслобоев,
д. ф.-м. н. И. В. Мингалев,
д. ф.-м. н. О. В. Мингалев,
д. и. н. С. А. Никонов,
д. и. н. И. А. Разумова,
д. и. н. А. А. Селин,
д. и. н. Ю. П. Шабаев,
д. б. н. Н. Ю. Шмакова,
к. ф.-м. н. Ю. В. Балабин,
к. ф.-м. н. В. Б. Белуховский,
к. б. н. Е. А. Боровичев,
к. б. н. Д. А. Давыдов,
к. б. н. Д. Б. Денисов,
к. б. н. И. В. Зенкова,
к. и. н. К. С. Казакова,
к. б. н. Н. Е. Королева,
к. г. н. Д. В. Моисеев,
к. г.-м. н. С. В. Мудрук,
к. ф.-м. н. Я. А. Сахаров,
к. ф.-м. н. К. Г. Орлов,
к. и. н. Е. А. Пивнева,
к. ф.-м. н. Ю. В. Федоренко

Ответственный редактор номера
к. и. н. К. С. Казакова

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН»
(ФИЦ КНЦ РАН)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83506 от 24 июня 2022 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Научное издание

Технический редактор В. Ю. Жиганов
Редактор Е. Н. Еремеева

Подписано к печати 23.06.2024.

Дата выхода в свет 27.06.2024.

Формат бумаги 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16,04. Заказ № 14. Тираж 500 экз.

Свободная цена.

Адрес учредителя, издателя и типографии: Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр
«Кольский научный центр РАН» (ФИЦ КНЦ РАН).

184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14.

Тел.: 8 (81555) 7-53-50; 7-95-95, факс: 8 (81555) 7-64-25.

E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Разумова И. А.	Семейное наставничество.....	5
Бусырева Е. В.	Академическое сообщество Кольского Севера (обзор литературы).....	20
Змеева О. В.	Трудовые мигранты на Мурманстройке: размышления антрополога о численности китайцев.....	30
Ермолаев Д. А.	Последний приют первых мурманчан (к вопросу о первом городском кладбище Мурманска).....	36
Давыдова А. С.	Туризм и паломничество в зарубежной антропологии и социологии: введение в дискуссию.....	47

ИСТОРИЯ

Кожевникова Ю. Н.	Церковное проповедничество в приходах Кольского благочиния в конце XVIII — начале XIX века.....	55
Казакова К. С.	«Каждая пропущенная неделя является невозвратимым ущербом в деле обучения и религиозно-нравственного просвещения...»: документы о работе школ на территории Европейской Арктики в конце XIX века.....	62
Ашихмин А. В.	Министерская канцелярия С. С. Уварова как инструмент управления просвещением в 1830–1840-е годы	72
Шабалина О. В.	Жизненные ипостаси черного гардемарина Николая Вальдмана.....	91
Дубровская Е. Ю.	«Имперское пространство» финляндской столицы и символы революционного времени в политической культуре российских военнослужащих Гельсингфорса весной 1917 года.....	103
Калинина Е. А.	Военизация физической культуры и спорта в 1920-е годы: способы организации, итоги.....	116

АРХЕОЛОГИЯ

Шахнович М. М.	Новые памятники археологии на северном побережье Кандалакшского залива Белого моря.....	122
Лихачев В. А.	Петроглифы Канозера: новые фигуры панели Каменный 4.....	132

Russian Academy of Sciences
TRANSACTIONS

2/2024(3)

Scientific journal
Published since 2010
Publication frequency — four times a year

Kola Science Centre. Series: Natural Sciences and Humanities

Editor-in-Chief

S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy)

Deputy Editor-in-Chief

E. A. Borovichev, PhD (Biology)

Editorial Council:

G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Geography),
V. K. Zhiron, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
A. I. Nikolaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Engineering),
I. G. Tananaev, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Chemistry),
F. D. Larichkin, Dr. Sc. (Economics),
E. D. Tereshchenko, Dr. Sc. (Physics and Mathematics),
A. S. Karpov, PhD (Engineering) — Executive Secretary

Editorial Board:

S. V. Krivovichev, Academician of RAS,
Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
G. G. Matishov, Academician of RAS, Dr. Sc. (Geography),
V. K. Zhiron, Cor. Member of RAS, Dr. Sc. (Biology),
V. V. Balaganskiy, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
T. B. Bayanova, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
S. G. Verigin, Dr. Sc. (History),
I. Yu. Vinokurova, Dr. Sc. (History),
V. G. Vorobjov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
V. A. Dauvalter, Dr. Sc. (Geography),
V. V. Efimova, Dr. Sc. (History),
I. L. Zherebtsov, Dr. Sc. (History),
V. E. Ivanov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
L. A. Ivanova, Dr. Sc. (Biology),
B. V. Kozelov, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
N. E. Kozlov, Dr. Sc. (Geology & Mineralogy),
N. A. Konstantinova, Dr. Sc. (Biology),
P. R. Makarevich, Dr. Sc. (Biology),
D. V. Makarov, Dr. Sc. (Engineering),
E. P. Martynova, Dr. Sc. (History),
V. A. Masloboev, Dr. Sc. (Engineering),
I. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
O. V. Mingalev, Dr. Sc. (Physics & Mathematics),
S. A. Nikonov, Dr. Sc. (History),
I. A. Razumova, Dr. Sc. (History),
A. A. Selin, Dr. Sc. (History),
Yu. P. Shabaev, Dr. Sc. (History),
N. Yu. Shmakova, Dr. Sc. (Biology),
Yu. V. Balabin, PhD (Physics & Mathematics),
V. B. Belakhovskiy, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Borovichev, PhD (Biology),
D. A. Davidov, PhD (Biology),
D. B. Denisov, PhD (Biology),
I. V. Zenkova, PhD (Biology),
K. S. Kazakova, PhD (History),
N. E. Koroleva, PhD (Biology),
D. V. Moiseev, PhD (Geography),
S. V. Mudruk, PhD (Geology & Mineralogy),
Ya. A. Sakharov, PhD (Physics & Mathematics),
K. G. Orlov, PhD (Physics & Mathematics),
E. A. Pivneva, PhD (History),
Yu. V. Fedorenko, PhD (Physics & Mathematics)

Executive Editor

K.S. Kazakova, PhD (History)

Founder — Federal State Budget Institution of Science
Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian
Academy of Sciences”

Mass Media Registration Certificate

ПИ No. ФС77-83506 issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
on June 24, 2022.

Scientific publication

Technical Editor V. Yu. Zhiganov
Editor Ye. N. Yeremeyeva

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia.
Tel.: 8 (81555) 7-93-80. Fax: 8 (81555) 7-64-25.
E-mail: ksc@ksc.ru. www.ksc.ru.

CONTENTS

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Razumova I. A.	Family mentoring.....	5
Busyreva E. V.	Academic community of the Kola North (literature review).....	20
Zmeeva O. V.	Migrant workers at Murmanstroyka: reflections of an anthropologist on the number of Chinese.....	30
Ermolaev D. A.	The last refuge of the first Murmansk residents (on the question about the first city cemetery of Murmansk).....	36
Davydova A. S.	Tourism and pilgrimage in foreign anthropology and sociology: Introduction to the discussion.....	47

HISTORY

Kozhevnikova Yu. N.	Church preaching in the parishes of the Kola deanery in the late 18th — early 19th century.....	55
Kazakova K. S.	“Each missed week is an irreparable damage in the matter of education and religious and moral education...”: Documents on the work of schools in the European Arctic at the end of the 19th century.....	62
Ashikhmin A. V.	Sergey Uvarov's ministerial chancellery as education management tool in the 1830s–1840s.....	72
Shabalina O. V.	Life hipostases of the black naval cadet Nikolai Valdman.....	91
Dubrovskaya E. Yu.	“Imperial Space” of the Finland’s capital and symbols of the revolutionary time in the political culture of Russian servicemen in Helsingfors in the Spring 1917.....	103
Kalinina E. A.	Militarization of physical culture and sports in the 1920s: Methods of organization and results.....	116

ARCHEOLOGY

Shakhnovich M. M.	New archaeological monuments on the northern coast of the Kandalaksha Bay of the White Sea.....	122
Likhachev V. A.	Kanozero rock art complex: New figures of Kamenny 4 panel.....	132

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 929.52(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.001

СЕМЕЙНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО

Ирина Алексеевна Разумова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Аннотация

Понятие «семейное наставничество» имеет два значения: как совокупность формальных и неформальных общественных практик поддержки семьи и как часть культуры семьи по передаче опыта, знаний, образцов поведения и ценностей. Статья выполнена на основе, во-первых, полевого исследования, нацеленного на понимание наставничества городскими жителями разного возраста, образования и профессий, во-вторых на информационных материалах о деятельности государственных и общественных организаций по оказанию поддержки семьям, нуждающимся не только в социальной защите, но и в культурном развитии. Неоднозначность понятия «семейное наставничество» преодолевается за счет общности значений, коренящихся в культуре носителей языка. Автор приходит к выводу, что наставничество правильнее рассматривать не как совокупность практик, а как качество взаимоотношений между «наставляющей» и «наставляемой» сторонами в ходе передачи опыта, норм, ценностей, знаний. Стороны способны меняться местами, хотя семья по отношению к общественным институтам выступает больше в роли того, кого направляют и поддерживают. Информанты независимо от их возраста, образования и специальности на первое место среди наставников в своей жизни, как правило, ставят родителей. Наставничество в семье существует постольку, поскольку семья основывается на доверии и взаимопомощи.

Ключевые слова:

социальная антропология, семья, наставничество, социальная поддержка, представления, практики

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Разумова И. А. Семейное наставничество // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 5–19. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.001.

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY

Original article

FAMILY MENTORING

Irina A. Razumova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, irinarazumova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5960-9772>

Abstract

The concept of “family mentoring” has two meanings: as a set of formal and informal social practices of family support and as part of the family culture for the transfer of experience, knowledge, behavior patterns and values. The article is based on, firstly, field research aimed at understanding mentoring by urban residents of different ages, education and professions, and secondly, on information materials about the activities of state and public organizations to provide support to families in need not only of social protection, but and in cultural development. The ambiguity of the concept of “family mentoring” is overcome due to the common meaning rooted in the culture of native speakers. The author comes to the conclusion that it is more correct to consider mentoring not as a set of practices, but as the quality of the relationship between the “mentoring” and “mentee” parties during the transfer of experience, norms, values, knowledge. The parties are able to change places, although the family, in relation to social institutions, acts more as the one who is guided and supported. Informants, regardless of their age, education and specialty, as a rule, place parents in first place among mentors in their lives. Mentoring in the family exists insofar as the family is based on trust and mutual assistance.

Keywords:

social anthropology, family, mentoring, social support, notions, practices

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Razumova I. A. Family mentoring. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 5–19. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.001.

Введение

Объявление 2023 года в России Годом педагога и наставника вызвало волну общественного интереса к проблемам педагогической и наставнической деятельности, ее значению, наполнению, формам, а также к самому ключевому понятию. Соответственно, 2024 год должен быть ознаменован пристальным вниманием к актуальным вопросам изучения семьи: ее роли в общественной жизни, острых современных проблем, истории, культуры и т. д. Логично обратиться к вопросам о том, как современная семья обеспечивает культурную преемственность, кто ее в этом поддерживает, какую роль здесь играет то, что принято называть «семейным наставничеством». Обзор обширной научной и педагогической литературы, посвященной наставничеству как социальному феномену, его видам, разнообразным наставническим практикам, а также полевое исследование, проведенное в октябре — ноябре 2023 года преимущественно в городах Апатиты и Кировск Мурманской области путем бесед и интервьюирования людей разного возраста и профессий (ПМА1; ПМА2)¹, убедили, что ответы на эти вопросы простыми быть не могут.

Основная проблема заключается в том, что, с одной стороны, современная семья имеет возможность передать большинство своих функций общественным институтам — образования, воспитания, здравоохранения, социальной помощи и охраны материнства и детства, культуры и прочим. Кроме того, тотальное воздействие новейших средств массовой информации и коммуникации по существу насильственно лишает семью возможности выполнять ее базовые социально-культурные задачи. С другой стороны, в современной российской ситуации, когда многие институты сталкиваются с серьезными проблемами, семье все чаще приходится полагаться на саму себя. Это означает возрастание роли семьи в общественной жизни в целом и в социализации молодежи в частности.

Одну из сложных проблем составляет неоднозначность содержания и множественность толкований как общих понятий «наставник», «наставничество», так и частных, в том числе «семейное наставничество». Это сказывается на понимании обозначаемых феноменов и на отношении к ним, следовательно, и на самой социально значимой деятельности.

Возможны как минимум два ракурса изучения и понимания «наставничества». Во-первых, оно является социально-культурным институтом, во-вторых — во многом спонтанной практикой общественного и частного бытия. Как социально-культурный институт наставничество представляет собой педагогическое сопровождение профессиональной деятельности и распространяется на разные сферы общественно-экономической жизни (см., напр.: [1–3]). Оно включается в круг государственных интересов и подлежит официальной регламентации, в том числе корпоративной. Существуют нормы, цели и задачи, требования, права и обязанности участников, разработанные методики, статусы наставника и наставляемого (см., напр.: [3–6]). Успешность или неуспешность этой работы связывается с соблюдением или нарушением ее правил и принципов, с отбором кадров (по должности и волонтерских), с возможностями их обучения.

Наставничество и семья в качестве институтов вполне автономны, хотя и выполняют несколько общих функций: воспитательную, социально-адаптирующую, обучающую и обеспечивающую воспроизводство культуры. Однако семья, призванная удовлетворять слишком много общественных и индивидуальных потребностей, объективно не может справиться со всеми возлагаемыми на нее задачами. Она функционирует сообразно своим возможностям и необходимости — прежде всего как малая группа, наследственная группа или семейно-родственное сообщество. Наставничество в семье, его наличие, особенности и последствия для человека и общества определяются внутрисемейной культурой и собственной культурной политикой — при всей зависимости от внешних социальных

факторов. В этой связи понятие «семейное наставничество» имеет как минимум два значения. С одной стороны, это направленные на семью действия внешних инстанций, государственных и общественных, с другой стороны, это процессы, происходящие в самой семье или семейно-родственной группе, целенаправленные и спонтанные.

Мы обратимся к обоим аспектам семейного наставничества и будем употреблять этот термин, имея в виду, что для лучшего понимания во втором случае удобнее использовать понятие «наставничество в семье». Эта сфера наставничества представляет основной интерес для антропологии семьи. «Внутрисемейное» наставничество опирается на традиции, в том числе этнические и субкультурные. Его корректно рассматривать в контексте этнопедагогики как традиций общественно-семейного воспитания в культуре разных народов [7–9]. Наиболее устойчивые этнические и национальные традиции предписывают старшим в роду и семье (особенно их главам — мужчинам) наставническую, «руководящую и направляющую» роль. Применительно к русской православной культуре как прецедент часто фигурирует «Домострой», который до настоящего времени (больше в виде общих представлений о его содержании) служит ориентиром для многих идеологов семейно-государственного устройства, а также для некоторых типов семей. Вместе с тем в качестве социального субъекта и в зависимости от своего типа и состава современная семья сама делает выбор, чему и как наставлять, кто и кого наставляет, заниматься ли этим вообще, от каких социальных институтов получать или нет наставническую поддержку. На основе данных предпосылок рассмотрим семейное наставничество с общественной и семейной точек зрения.

«Семейное наставничество» как социальная помощь семье

Первый всероссийский форум «Наставник» состоялся в Москве в феврале 2018 года. Он был направлен на развитие профессиональной среды наставничества. Его целью было сформировать государственные программы поддержки наставничества, а также выбрать лучшие практики их внедрения в разных регионах страны. Акцент был сделан на профориентации молодежи, старшеклассников. В выступлениях постоянно звучали мысли о том, что благодаря наставничеству надо решить важные для страны задачи развития производства, а для этого помочь молодежи реализоваться в существующих профессиях и сформировать новый патриотизм, новые ценности, которые будут полезны для технологического рывка².

После этого во всех регионах России начались обсуждения, как сделать наставничество постоянно действующей системой. В частности, в СМИ Мурманской области в августе — сентябре 2019 года активно освещались результаты работы круглого стола с участием сотрудников Центра занятости населения города Мурманска, Главного бюро медико-социальной экспертизы по Мурманской области, психоневрологического диспансера и представителей предпринимательских объединений. На нем ключевыми стали проблемы наставничества при трудоустройстве людей с ограниченными возможностями здоровья³.

На проходившем в 2023 году Петербургском международном экономическом форуме проводилась сессия «Главный после родителей — наставник: создаем в России эффективный институт». Участники обратили внимание и на культурно-идеологический аспект наставничества. Генеральный директор Российского общества «Знание» М. Древаль, подчеркнув государственную важность наставничества, в том числе для защиты и суверенитета страны, «отметил, что наставниками для человека могут стать не только другие люди, но и образы, например, в виде персонажей фильмов, комиксов компьютерных игр. И важно договориться о том, какие положительные образы в первую очередь будут доноситься до аудитории». А исполнительный директор Всероссийского общественного движения наставников детей и молодежи «Наставники России» А. Самтоин не просто напомнил, что первыми наставниками в жизни всегда являются родители, но высказал мысль о том, что будущим родителям необходимо прививать осознание этой миссии во избежание «многих конфликтных историй». Он же подчеркнул, что наставничество является основой патриотического воспитания⁴.

Совмещая производственные и воспитательные задачи, наставничество прямо или косвенно влияет на семью. Оно рассматривается как социальная помощь, поддержка или все чаще как «социально-педагогическое сопровождение» [10–12]. Семейное наставничество понимается

и практикуется в контексте социальной защиты семей, нуждающихся в социальной поддержке, помощи (см., напр., [13]). Такие семьи относят к «группе риска», поскольку возможности их функционирования ограничены, считают находящимися «в социально-опасном положении» или «в сложной жизненной ситуации» [14]. Признаками служат неисполнение обязанностей по жизнеобеспечению детей; наличие семейных установок, которые отрицательно влияют на воспитание несовершеннолетних и вовлекают их в совершение противоправных и антиобщественных действий; жестокое обращение с детьми и нанесение им морального вреда; отсутствие контроля над воспитанием и обучением несовершеннолетних, что может нарушать их права на образование и воспитание или привести к совершению противоправных деяний. «К наставничеству в отношении таких семей чаще всего привлекаются специалисты системы субъектов профилактики; общественные и благотворительные организации; государственные и муниципальные гражданские служащие; представители религиозных конфессий; граждане, имеющие опыт педагогической деятельности и/или опыт воспитания и сопровождения детей» [14: 115]. Помимо этого, к группе риска относятся семьи с низким уровнем доходов, большой иждивенческой нагрузкой, ограниченными ресурсами здоровья членов семьи, нарушением внутрисемейных отношений, низкой педагогической культурой родителей, многодетные и «неполные» семьи, конфликтные, семьи с детьми с нарушениями развития [15: 85]. Добавим, что в эту группу включаются семьи, в которых диагностируется домашнее насилие (физическое, материальное, психологическое и прочее) не только над детьми, но и над стариками, женщинами или в конечном счете над любыми членами группы.

Социальная помощь государственных, областных и муниципальных организаций осуществляется по разным направлениям. Так, ГОБУ «Мурманский центр социальной помощи семье и детям» имеет несколько отделений: для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; социальной реабилитации детей-инвалидов; помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и постинтернатной адаптации со службой телефона доверия. Там же проводятся торжественные мероприятия, посвященные, например, Дню матери⁵.

Значительный объем помощи семьям и детям предоставляется благотворительными фондами, спонсорами, и оказывается он по частной инициативе. Достаточно обратиться к списку благотворительных фондов и организаций Мурманской области, чтобы увидеть масштаб такой общественной деятельности⁶. К ней привлекаются специалисты разного профиля в рамках программ, часто многолетних, направленных на улучшение жизни семей и детей. Городские центры поддержки семьи могут становиться координаторами работы, в которую включаются волонтеры — наставники. Сформировалось понимание наставника как «добровольца», им может быть и социальный служащий или специалист. В различных публикациях повторяется определение: «Наставничество — добровольная деятельность граждан, в том числе должностных лиц, по безвозмездной поддержке семей с детьми, путем оказания им помощи в преодолении трудной жизненной ситуации»⁷. К участию привлекаются не только специалисты, но и люди, имеющие большой положительный опыт семейной жизни. Каждый регион накапливает свой опыт в формировании «семейно-наставнической» среды. Например, автономная некоммерческая организация «Родные люди» в Ульяновске представляет собой объединение психологов, юристов, врачей и родителей для содействия решению проблемы социального сиротства⁸. Разумеется, государственная и грантовая поддержка очень важны для системной работы таких организаций по конкретным программам и проектам. Более того, она может объединить усилия энтузиастов разных регионов России. В октябре 2022 года в Мурманской области началась реализация программы новосибирского проекта «Наставничество» благотворительного фонда «Солнечный город». Проект направлен на индивидуальное сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Программа успешно реализуется в 22 регионах Российской Федерации. Наставники оказывают помощь в развитии потенциала детей, определении жизненных целей. В проекте участвуют молодежь и взрослые на основе неформальных отношений и взаимного интереса. Реализация программы проекта «Наставничество» осуществляется при поддержке Министерства образования и науки Мурманской области и Мурманской региональной общественной организации содействия социальной адаптации и психологической поддержки

детей-сирот «Точка опоры»⁹. Ранее сходный проект «Стартап — школа жизни», нацеленный на социальную адаптацию выпускников и воспитанников детских домов, осуществляла региональная общественная организация «Заполярье без сирот». Для участия отбирались наставники-волонтеры. Они проходили предварительное обучение в «Школе наставничества», для которой было написано учебное пособие совместно с экспертами из МАГУ, органов опеки, учреждений для детей-сирот¹⁰.

Более того, волонтерами становятся семьи, которые после прохождения обучения работают по программам, нацеленным, в частности, на профилактику социального сиротства¹¹ и на обеспечение благоприятных условий для жизни ребенка тем семьям, которые в этом нуждаются¹².

Наставничество и развитие семейной культуры

Социальное сопровождение требуется не только «неблагополучным» семьям, но и нормативным — для предотвращения неблагополучия или, скорее, для удовлетворения потребности в дополнительной поддержке при выполнении жизненно важных функций. Экономисты и педагоги дополнительного образования считают, что анализ российского исторического опыта в области домашнего наставничества, когда детей учили подготовленные педагоги, применим в современных социальных условиях при формировании семейного благополучия. Целями могут быть эмоциональное оздоровление семьи, профессиональный рост ее членов, выявление и развитие творческих способностей детей, использование новых форм и средств социального воспитания. Исследователи так называемых «неполных» семей справедливо полагают, что отсутствие одного из родителей само по себе не может считаться признаком неблагополучия. Однако такие семьи могут испытывать дефицит, например, «мужского воспитания» ребенка, и тогда «семейный авторитетный наставник-мужчина способен оказать поддержку семье и решить ряд вопросов, связанных с ролью и значением мужчины в доме» [13: 84].

Молодым родителям нередко требуется педагогическая подготовка и консультации. Наличие пожилых и больных членов семьи побуждает обращаться к медикам, социальным службам, волонтерам. Наконец, есть благополучные семьи, которые испытывают лишь дефицит культурообмена и общения. Муниципальные и общественные организации социальной помощи способствуют формированию социально-культурной среды, в которой семьи могут общаться, совмещая досуг с развивающими и педагогическими задачами. Так, 23–24 августа 2023 года в Ростове Великом состоялась Сессия Института семейного наставничества с участием родителей, детей, специалистов Центра «Содействие» Ростов, АНО «Моя семья», Государственного музея «Ростовский кремль», молодежных отрядов волонтеров при поддержке Благотворительного фонда «Абсолют-Помощь». Проводились образовательные мероприятия для родителей, мастер-классы, занятия, игровые программы, обсуждались личные кейсы, состоялись интерактивная программа «В стенах древнего кремля» и дискуссионный кино клуб. По мнению организаторов, такой формат мероприятия эффективен как метод оказания психологической помощи и эмоциональной поддержки семье¹³. Более скромные по масштабу акции проводят отдельные учреждения культуры, особенно избравшие «семейный» профиль в работе. Например, библиотеки ЦБС города Апатиты, и особенно Библиотека семейного чтения, практикуют мероприятия, способствующие внутрисемейной и межсемейной интеграции, посвященные культурной жизни и истории семьи, развитию детей, национальным традициям. Результатами являются, с одной стороны, повышение самооценки семей в отношении своей социально-культурной роли и фамильных традиций, с другой стороны, популяризация семейной культуры [16].

Наставнической по принципам работы является и помощь семьям, в которых есть способные дети. По личной и общественной инициативе создаются частные образовательные учреждения, проекты, чтобы восполнить компетенции, недостающие, по мнению родителей, государственным школам, детским садам и даже вузам. Такой стала семейная школа «Галилео» в Мурманске, которую организовали две опытные предпринимательницы и многодетные мамы. Они осознавали «нерентабельность» проекта, но были не удовлетворены системой ЕГЭ, невоспитанностью многих соучеников своих детей, отсутствием в школах безопасной и интеллектуальной среды¹⁴.

Примером вузовского проекта является созданный в 2012 году в Казани «Казанский открытый университет талантов 2.0», который работает с талантливой молодежью и имеет базу данных всех победителей и призеров конкурсных мероприятий. Кроме индивидуально ориентированных занятий с молодежью, Университет Талантов работает с семьями, проводит Республиканские родительские собрания и тренинги для родителей по общению с ребенком. Это называется Университетом Талантов для родителей¹⁵.

«Индивидуальный подход в наставничестве, персонификация и “штучное” возвращение подопечного в профессиональном плане ярко иллюстрируют известные примеры реализации успешного взаимодействия в конструкции “ученик — наставник”» [1: 110], поэтому наставничество как совокупность лично-ориентированных педагогических технологий — важнейшая форма подготовки специалистов в науке, искусстве, спорте, «мастеров» в любом деле. На принципах индивидуального подхода, прямого взаимодействия наставника и подопечного, воспитания уважения к своему делу, творчеству основываются многие учреждения дополнительного образования (в частности, музыкальные и художественные школы). В этом отношении наставничество способствует поддержке и формированию семей высокой культуры.

Наставничество в семье: проблема понимания и индивидуальный опыт

Прежде чем выяснить, что считается наставничеством в семьях, надо было определить в ходе полевой работы, как информанты понимают само «наставничество» и насколько относят его к семейной жизни. Начиная с советского времени, в официальном и «производственном» дискурсах это понятие используется только для обозначения педагогического сопровождения профессиональной деятельности на этапе вхождения в нее молодого специалиста или человека, нового в организации. Наставничество стало стойко ассоциироваться с миром профессий. Его «исконные» смыслы, корнящиеся в русском и других славянских языках, сохранялись преимущественно в религиозной сфере (духовное наставничество, институт наставников) [17] и в классической литературе [18].

Наряду с распространенными значениями: «учитель, руководитель, воспитатель» [19: 345], — есть и более глубокие смыслы понятия «наставник». В словаре В. И. Даля «наставлять» означает «назидать кого, учить, поучать, давать духовные или нравственные наставления» [20, Т. 2: 416], а в словарной статье к слову «путь» находим: «Путевод <...>, наставник, советник, наставитель, учитель»; «Путеводствовать <...> руководствовать, наставлять или поучать» [20, Т. 3: 544]. Наставничество связано с понятием и пониманием «пути» как в христианском его значении (путь к спасению души), так и в универсальном (жизненного пути человека). «Наставить» означало «указать путь <...>, дать верное (в христианском понимании) направление чьей-л. деятельности, мыслям», а наставник — «тот, кто указывает путь, проводник, вожатый» [21: 262–265]¹⁶.

Как показало полевое исследование, «наставничество» и «наставник», понимаясь в общеупотребительном «производственном» смысле, сохраняют значения, связанные с сопровождением на жизненном пути и формированием ценностных ориентиров. Они также ассоциируются с любой помощью и советами. Разнообразие смыслов создает трудности в понимании самих феноменов наставничества и наставника: «Этот человек помогает по всем вопросам в случаях возникновения трудностей. То есть к нему обращаются, просят совета, спрашивают, как бы он поступил. Иногда, этот наставник, может помочь в работе, потом в рамках межличностных отношений» (ПМА1–5); «Безусловно, наставничество в широком смысле — это необходимая помощь человеку. Жизнь настолько сложна и многообразна, что одному человеку очень непросто определиться, например, с выбором профессии, совершенствоваться в даже в любимом деле, порою бытовые проблемы ставят человека в тупик, и без верного наставника (и не одного) ему просто не прожить» (ПМА2–2). В результате понятие оказывается «размытым», как сказала одна из молодых информантов. Наставничество можно отнести к самым разным сферам жизни: «Смотря, что имеется в виду. Наставник на работе, наставник духовный ... наставник ... в образовательной среде. Разные роли бывают. Это может быть старший товарищ, который тебя наставляет по жизни. ... Тот, кому ты доверяешь..., кто-то из родителей или может быть старший приятель» (ПМА1–6). С точки зрения

учителя, наставник — это «человек, у которого можно чему-нибудь научиться, назначенный администрацией помощник в организации учебного процесса, ...старшеклассники, организующие волонтерскую деятельность» (ПМА2–1). Наставничество ассоциируется с «направлением», наставник «ведет за собой», «направляет»: «Ну, семья, естественно, положительное влияние оказала. Потому что направляла по жизненному пути, куда нужно» (ПМА1–8).

Таким образом, семья, родители оказываются в ряду других наставников, но занимают среди них особое место. Функциональное разнообразие наставничества приводит к разграничению наставников «по работе» и «по жизни». К первым относятся наставники на производстве, ко вторым преимущественно родители и другие близкие люди. Учителя в этой своеобразной типологии имеют, скорее, промежуточное положение, в жизни человека главным наставником может стать учитель. Например, наряду с рано утраченными родителями, самыми важными людьми, определившими жизненный путь и нравственные ценности информанта — преподавателя-филолога, стала супружеская пара научных руководителей (ПМА2–2). Большое влияние на формирование личности другого информанта оказала тренер (ПМА1–4). У представителей старшего поколения, большей частью рабочих специальностей, первая ассоциация со словом «наставник»: «это который на работе наставляет человека» (ПМА1–3); «это человек, который передает свой рабочий опыт стажеру» (ПМА1–3). Некоторые поставили образование на первое место в перечне сфер, где есть наставничество. Однако в ходе дальнейшей беседы, почти без исключений, речь непременно заходила о родителях как наставниках и опекунах «по жизни», то есть на всю жизнь и в разных аспектах, а не только на этапах вхождения в специальность: «Наставник по жизни — это родители, мне так кажется... Он (наставник на работе — *И. Р.*) передает всё, что он знает. А родители — они всю жизнь помогают, поддерживают и хотят, чтобы у детей было всё. Знание, образование, всё вот это. Чтобы здоровье. Полностью волнуются за детей» (ПМА1–10).

В большинстве случаев основное место среди наставников все-таки отводится родителям: «Ну, наставником по жизни, обычно идут мама и папа, а по работе наставником кто может быть? Ну, вот, кто обучал» (ПМА1–1); «Да, были (наставники — *И. Р.*), и они, как правило, близкие и друзья. Старше меня были. Жизнь лучше меня знали... Я выделяю родителей, часто спрашиваю по многих вопросам» (ПМА1–6). Родитель может приравниваться к наставнику: «Мне кажется, что любой родитель наставник своему ребенку» (ПМА1–12); «Наставник, в первую очередь, конечно, родитель. По-любому наставник. Во время учебы наставниками были учителя» (ПМА1–15); «В первую очередь, это отец. Ему можно проблемы рассказать. Он поможет найти решения, подскажет» (ПМА1–14). Уход из жизни родителей воспринимается как лишение руководства и помощи в жизни. Замещение может происходить за счет метафизического наставничества, например, обращений к умершим родным, молитв, использования ритуальных предметов: «у меня всегда иконка маленькая. Я беру ее с собой. В любой жизненной ситуации... наверное, вот так. А чтобы к кому-то прийти... Может, была бы мама. Опять я бы к ней...» (ПМА1–13).

Кто и как наставляет в семье

Известно, что осознание роли родительского наставничества приходит с возрастом. Об этом свидетельствовали многие информанты: «В моей жизни наставником была мама и папа. Два человека, которых я слушала, но по глупости делала, как считала нужным» (ПМА1–13); «Постоянно такое с родителями было. В подростковый период меня пытались наставлять. Это, наверное, возрастное. А я принимал всё в штыки... А потом оказалось, что всё, что говорил отец, оно всё так и есть. Когда я это понял, где-то в двадцать — двадцать четыре года, у меня отношение с отцом резко поменялось в лучшую сторону» (ПМА1–14).

К семейным наставникам относятся не только родители, но и другие члены семьи: «Конкретных людей, которых я бы назвала наставником? Первый, кто мне вспоминается — это мой муж. Потому что он ведет меня по жизни. Он мудрее меня во многих планах. Он мне очень помогает. Он совмещает функцию мужа и наставника. Также наставник — моя мама. Она также ведет меня по жизни. Она дает не просто советы. Это помощь ... во всем, скажем так» (ПМА1–11). Статус, возраст

и принадлежность к поколению далеко не всегда имеют значение. Та же информант считает, что в зависимости от ситуации она «наставник для своего мужа, мамы, подруги. Мы друг у друга учимся ... У нас разные поколения. Я более молодое поколение. Если ей (маме — *И. Р.*) что-то нужно конкретное в молодом поколении, в этой стезе, в моей профессиональной, совет. Если мне нужнее совет мудрой женщины, которая прожила не один десяток лет, я, конечно же, пойду к ней за наставлением» (ПМА1–11). Другой молодой информант сказал, что ему приходилось быть наставником своего брата: «Пытался в его тяжелый период направить. Общаться, понять его подростковые проблемы» (ПМА1–4).

Взаимная поддержка, ответственность за члена семьи, который оказался в трудном положении, тоже осмысливается как своего рода «наставничество», так как необходимо руководить действиями того, кто в этом нуждается. Одна женщина рассказала о том, как после смерти матери и тяжелой операции ей помогла пережить беду невестка, двадцатью годами младше: «Я тогда потерялась, накладывалось одно на другое. Она, невестка, мне стала как мать в тот момент. Мы поменялись местами... Она приходила, запрещала мне что-то делать (речь о том, что больная перестала думать о самосохранении — *И. Р.*). ...Вроде смысл жизни-то не потерялся из-за того, что случилось. Я тогда стала себя чувствовать ... к ней ... как к маме... Это, опять, доверие, и я, наверное, почувствовала ... действительно неравнодушна» (ПМА1–13). Заметим, что «доверие», «эмоциональная связь», «личный контакт», эмпатия относятся к типичным особенностям отношений между наставником и подопечным, какой бы из видов наставничества ни характеризовался, включая производственное. Информанты, особенно молодые, неоднократно подчеркивали особое качество отношений в наставничестве: «Наставничество — это про прямой контакт. Это больше ... про эмоциональную связь. Когда ты ее устанавливаешь ... тогда да.... Наставник — это именно человек, к которому можно прийти за советом» (ПМА1–11).

Семейное наставничество присутствует и является успешным в тех семьях, которые основываются на полном доверии. В свою очередь, современная семья, одной из главных функций которой является эмоциональная стабилизация человека, призвана быть именно «зоной ближайшего доверия», в ином случае возникают сомнения в ее функциональности. Семейное наставничество по мере его осознания способствует развитию и личности «наставляемого», и качества семейных отношений именно вследствие роста доверия, и чем раньше это происходит, тем лучше: «Ты слушаешь всегда, но не всегда прислушиваешься к тому, что люди говорят. Спустя время до тебя доходит смысл слов, и ты понимаешь, что человек ... был прав. У меня так постоянно с моим мужем. Я раньше не понимала, что он мой наставник. Хотя я его всегда уважала и считала умным человеком. Не всегда принимала его как учителя по жизни. В какой-то момент я поняла, что он говорит много дельных вещей, на которые я смотрю под другим углом. А он под другим. В каких-то моментах ему действительно виднее. И на опыте жизни понятнее. Раньше я не всегда к этому прислушивалась. А сейчас я стараюсь прислушиваться к каждому слову, но если мне это идет наперекор, то всё равно я проигрываю ситуацию с разных сторон» (ПМА1–11). Если такая рефлексия не формируется, результат наставничества будет или отсроченным до времени «запоздалых сожалений» подопечного с уходом наставника из жизни, или не достигнутым.

Помощь, советы, словесные «наставления» в любой форме, игры с детьми, семейные рассказы — это лишь отдельные формы семейного наставничества. Фактически к нему относится всё, что касается семейного воспитания, развития социальных и бытовых навыков ребенка. Социализация и инкультурация осуществляются целенаправленно или неосознанно. Во втором случае — за счет подражания одних членов семьи другим и далеко не всегда осмысливаемой взаимной адаптации людей, находящихся в тесных и постоянных контактах. Над вопросом о том, всегда ли наставничество осознается и наставником, и подопечным, информанты размышляли: «Если, в общем-то, это происходит ... Отец и сын, мать и дочь. Дочь начинает подражать матери в каких-то моментах. В делах, скажем» (ПМА1–4); «маме и не нужно было что-то потом говорить. Я просто приглядывалась. Вот она капусту квасит, а я приглядываюсь. Я понимала, что мама не вечная, болела. А потом и мне нужно будет самой делать. Да, по маме» (ПМА1 –13) и т. п. Подражание может быть органичным

(следствие совместности) или мотивированным, в частности, сориентированным на авторитетные личности из семейного круга. В свою очередь, «быть примером для подражания» — это одна из семейных ролей. Она сопутствует семейным статусам родителей, прародителей, старших сестер и братьев. Обучать и воспитывать «на личном примере» — одновременно и формальное, и неписаное общепедагогическое правило. Оно включается и в методические рекомендации наставникам на производстве.

С одной стороны, наставничеством в собственном смысле может считаться только целенаправленная деятельность как минимум со стороны того, кто наставляет, но также и того, кому нужен некий опыт. С другой стороны, может не происходить идентификации процесса обучения и воспитания как такового, в том числе «наставнического», или это случается значительно позже. То, что воспринималось, скажем, как «поучение» или «поучительство» (отношение к этим словам у всех информантов негативное), с течением времени понимается как наставничество со стороны старших родственников. Переоценка своей роли относится и к наставникам. Например, информант полагает, что была наставником своих внуков, когда занималась с ними рисованием, письмом, поделками и другим. Однако на вопрос, считала ли она себя наставником в тот момент, уверенно ответила: «Нет, я считала себя бабушкой. Нет, не включала я учительницу. Я просто делала свое. Что я должна делать по отношению к своим внукам» (ПМА1–13).

Обучение и передача профессионального опыта как функция семейных наставников

Есть вид семейной социализации, совмещающий общественно-производственную и семейную ипостаси наставничества. В семьях нередко происходит предпрофессиональная подготовка и повышение профессиональной квалификации работников разных сфер деятельности. При вертикальной преемственности так создаются династии специалистов одной профессии или группы близких профессий. И азы, и тонкости профессии могут перениматься друг от друга членами семьи также по линиям горизонтальных родственных связей, супружества, свойства. Во всех случаях образуется особый социально-культурный феномен — семейное профессиональное сообщество. Его формирование невозможно без семейного наставничества. Приобщение детей к определенной специальности нередко происходит через спонтанное включение в процесс семейной социализации образовательных и воспитательных компонентов, связанных с профессией родителей или прародителей. В играх с детьми используются профессиональные ситуации и предметы, в доме звучат рассказы на профессиональные темы, дети посещают рабочее место родителей, посильно помогают им в работе. В свое время это хорошо показало полевое исследование, выполненное на примере семей, в которых передавались медицинские профессии [22].

Семейное профессиональное наставничество характерно для сплоченных групп, члены которых живут общими интересами. Если у родителей разные профессии, то у детей есть потенциальная возможность приобщиться к элементам обеих из них. В случае разнообразия профессионального состава семьи многое зависит от авторитета и культурного влияния родителя или иного родственника. Профессионально ориентированные семьи имеют свои культурные особенности, специфику образа жизни, коммуникаций¹⁷. Родные общаются между собой как члены профессионального сообщества, что усиливает семейную идентификацию. Семейное профессиональное наставничество в случае успешности служит залогом надежности профессионала. Такой специалист хорошо знаком с трудностями профессии и способами их преодоления, с возможными неординарными ситуациями, он адаптирован к профессиональной среде. Прямому потомку знания передаются более доверительно, и потому они глубокие.

Вместе с тем далеко не все родители желают передать свою профессию детям, считая, что она не оценена по достоинству обществом и государством, не прибыльна, слишком трудна или не соответствует способностям и интересам их ребенка. Последнее подчеркнем, поскольку речь о наставничестве, а не о семейном протекционизме, когда интересы и способности детей не рассматриваются в качестве основания профессионального выбора.

Если люди старшего поколения благодарят родителей за то, что они сформировали у них устойчивую мотивацию к образованию, то многие современные семьи хорошо понимают: не только

уход за детьми и воспитание, но и само обучение находятся в их собственных руках: «У меня есть ребенок. Вот для него буду всегда наставником. Родительские функции это, конечно, накормить, сопли подтереть и спать уложить. Механически уже должны быть. А вот человека научить жить и познать окружающий мир. Это кто-то должен сделать. И не всегда это может сделать школа. Вот это массовое образование. Где-то учитель тебе попадет не очень удачно. Например, по географии, и всё. У тебя выпадет эта область знания. Я буду стараться все эти области знаний заполнить» (ПМА1–14).

Переход к массовому дистанционному образованию вследствие «медико-биологических» («ковидных») ограничений и острая ситуация в системе образования, связанная со снижением его уровня, приводят к тому, что обучением детей занимаются члены семьи. Многие учителя прямо предупреждают родителей об их ответственности за обучение школьников. А домашние могут научить, в первую очередь, тому, что помнят и знают сами, поскольку современные учебники, в том числе в методическом отношении, не говоря уже о языке, от совершенства очень далеки. Тем самым чрезвычайно возросла роль семейного учителя-родителя. Лучше всего передаются знания тех дисциплин, которыми обучающий твердо владеет как профессионал. В таком случае естественным образом происходит профессиональная ориентация ученика в соответствии с родительским опытом. Свобода самоопределения ограничивается познаниями и профессиями родителей, часто — прародителей, у которых больше времени для того, чтобы быть семейными учителями, а также других близких родственников. Чем разнообразнее профессии и образование родных и близких, тем (теоретически) больше шансов, что ученик освоит программу в необходимом объеме предметов. Разумеется, особый случай — дети с рано проявившейся предрасположенностью и способностями к какой-то деятельности: творческой, интеллектуальной или иной. Тогда самая разумная позиция, словами одного из молодых информантов, «следить, чтобы наставник не превращался во вторую личность, скажем так. Причем личность более высокого порядка, которая всё решает за человека. Сложно конечно, потому что всякое может быть... Наставнику тоже нужно за этим смотреть (ПМА1–5).

В текущей ситуации, как показывают наблюдения, во многих семьях дети учатся вместе с родителями и прародителями. Старшие оказываются одновременно учителями и учениками, так как им приходится отчасти восстанавливать, отчасти заново приобретать знания, требуемые современными учебниками, «решешниками» и разнообразными компьютерными программами закрепления и контроля знаний. В этом процессе наставники и наставляемые нередко меняются ролями. Не умеющие как следует читать и писать младшеклассники обучают бабушек устанавливать и использовать компьютерные программы, после чего те тренируют учеников в грамматике, математике и т. д. Потом они вместе читают рассказы из русской классики, учат стихи и выполняют задачи «решешников». Есть бабушки и родители, которые «с нуля» начинают учить английский язык. Происходит «классическое» наставничество с соблюдением индивидуального подхода к подопечному на основании непосредственного контакта, взаимности, в условиях полного доверия и эмоциональной связи.

К сожалению, такая идиллическая картина никак не может наблюдаться во многих семьях по целому ряду как известных объективных, так и далеко не изученных субъективных причин. Особенно это касается семей, которые относятся к категориям нуждающихся в социальной поддержке.

Заключение

Противоречия, заложенные в понятии «семейное наставничество», не являются неразрешимыми, поскольку ключевое слово содержит комплекс значений, коренящихся в культуре носителей русского языка. Они сохраняются вопреки тому, что меняется актуальное словоупотребление, «мода на слова». В наставничество вложены смыслы, которые позволяют относить его к самым разным комплексным практикам социализации и инкультурации (воспитания), и это понятие имеет ряд коннотаций нравственного, «духовного», оценочного свойства, относящихся к базовым национально-культурным ценностям. Именно поэтому многие информанты, включая молодежь, независимо от уровня образования и профессии, склонны размышлять над значением и слова, и феномена, хотя в официальной культуре то и другое приобрело конкретный узкий смысл. Люди просто разграничивают наставничество «по жизни» и «по работе (учебе)».

Судя по общению с информантами, а также по многочисленным научным, педагогическим текстам, документам, наставничество правильнее рассматривать не как совокупность практик, а как качество взаимоотношений между «наставляющей» и «наставляемой» сторонами в процессе передачи знаний, ценностей и опыта. И в этом процессе стороны меняются местами.

«Семейное наставничество» в виде социальной поддержки и «наставничество в семье» разграничиваются, во-первых, там, где интересы семьи ситуативно не согласуются с интересами институтов общества, во-вторых, когда исключительное значение для семьи имеет преемственность сугубо родственных, интимных связей и ценностей, «потаянного знания». Представляется, что в текущей социальной ситуации семья способна быть не только реципиентом общественной помощи, то есть «подопечной», но и «наставить». По крайней мере, сейчас российские семьи, помогая себе, пытаются помочь оказавшейся в трудной ситуации системе образования. И очень важно, что есть семьи, в которых сохраняются нематериальные ценности, почти утраченные в обществе.

Список сокращений

АНО — автономная некоммерческая организация
ГБОУ — государственное областное бюджетное учреждение
ЕГЭ — единый государственный экзамен
МАГУ — Мурманский арктический государственный университет
ПМА — полевые материалы автора
ПМЭФ — Петербургский международный экономический форум
ЦБС — централизованная библиотечная система

Примечания

¹ Сбор материала осуществлялся в октябре — ноябре 2023 года в Апатитах и Кировске Мурманской области методом устного интервьюирования при участии О. В. Змеевой и В. В. Стрельникова (ПМА1), а также в Петрозаводске и Санкт-Петербурге методами беседы и письменного интервьюирования (ПМА2). Информанты: ПМА1 — 1 Анна, 49 л., образование среднее специальное; 2 Николай, 27 л., образование среднее специальное; 3 Василий, 65 л., образование среднее специальное; 4 Николай, 28 л., образование среднее специальное; 5 Андрей, 27 л., образование высшее; 6 Марина, 28 л., образование высшее; 7 Екатерина, 14 л., 8 Наталья, 18 л., студентка колледжа; 9 Сергей, 70 л., образование среднее профессиональное; 10 Ольга, 69 л., образование среднее профессиональное; 11 Светлана, 23 г., образование среднее профессиональное; 12 Мария, 69 л., образование среднее специальное; 13 Елена, 60 л., образование среднее профессиональное; 14 Антон, 35 л., образование высшее, учитель; 15 Павел, 67 л., образование среднее профессиональное; ПМА 2 — 1 Елена, 1958 г. р., образование высшее, учитель; 2 Татьяна, 1941 г. р., образование высшее, к. филол. н.

² См.: На ВДНХ ЭКСПО проходит первый Всероссийский форум «Наставник» // Сайт ВДНХ, 13.02.2018. URL: <https://expo.vdnh.ru/press/news/na-vdnkh-ekspo-prokhorit-pervyy-vserossiyskiy-forum-nastavnik/> (дата обращения: 10.02.2024); Соловьева О. Кремль воскрешает советских «наставников» // Газета «Экономика». Интернет-версия 14.02.2018. URL: https://www.ng.ru/economics/2018-02-14/100_nastavniki.html (дата обращения: 10.02.2024); Итоги Первого всероссийского форума «Наставник». Дайджест Академии Росатома. Март, 2018. pdf. URL: https://rosatom-academy.ru/upload/iblock/6c7/Дайджест_март_2018.pdf?ysclid=lshksyu5ff196680766 (дата обращения: 10.02.2024).

³ Алексей Савинцев выступил за создание института наставничества в Заполярье // Сетевое издание «Новости Мурманской области». 29.08.2019. URL: <https://novosti-murmanskoy-oblasti.ru/20035-aleksey-savincev-vystupil-za-sozдание-institut-a-nastavnichestva-v-zapolyare.html> (дата обращения: 09.02.2024); Наставничеству жизненно важна региональная поддержка // Сайт «Гражданское общество Мурманской области». URL: <https://obshestvo51.ru/news/1275> (дата обращения: 09.02.2024).

⁴ На ПМЭФ обсудили создание института наставничества. URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/17/nstvn/> (дата обращения: 02.02.2024).

⁵ Государственное областное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Мурманский центр социальной помощи семье и детям». URL: <https://mcspsd.ru/наставничество> (дата обращения: 02.02.2024).

⁶ Благотворительные фонды Мурманска и Мурманской области — На благое: благотворительные фонды России. URL: <https://nablago.ru/murmanskaya-oblast?ysclid=lsi8mnz7o4700752296> (дата обращения: 03.02.2024).

⁷ См., напр.: Забабурина О. А. Наставничество — как стиль жизни // Муниципальное бюджетное учреждение «Комплексный центр социального обслуживания населения» Усть-Таркского района Новосибирской области. URL: <https://ustkcon.ru/novosti/otdelenie-psikhologo-pedagogicheskoy-pomoshchi-seme-i-detyam/shkola-schastlivoj-semi/358-proekt-shkola-schastlivoj-semi-nastavnichestvo-kak-stil-zhizni?template=accessibility> (дата обращения: 03.02.2024). Центр реализует проект «Школа счастливой семьи».

⁸ АНО «Родные люди» в Ульяновске. URL: <https://rodlydy.ru/about> (дата обращения: 03.03.2024).

⁹ О старте программы «Наставничество» // Пресс-центр Министерства образования и науки Мурманской области. 20.10.2022. URL: <https://minobr.gov-murman.ru/press/news/469192/> (дата обращения: 02.02.2024).

¹⁰ Жители Мурманска хотят стать наставниками для сирот // Агентство социальной информации. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/10/29/murmansk-startap-shkola-zhizni-nastavnik/> (дата обращения: 12.02.2024).

¹¹ Социальное явление, когда при живых родителях дети не имеют семьи из-за лишения родителей прав, их отказе от детей, в случаях длительного нахождения на лечении, в местах лишения свободы, и если они безвестно отсутствуют.

¹² В Мурманской области появились семьи-волонтеры // Агентство социальной информации URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/11/19/v-murmanskoj-oblasti-poyavilis-semi-volontery/?ysclid=lsi2fzarwz503729751> (дата обращения: 12.02.2024).

¹³ Сессия Института семейного наставничества // Муниципальное учреждение Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие» г. Ростов. 25.08.2023. URL: <https://rostzentr.edu.yar.ru/newsitem.html?id=991> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁴ Коляда А. Знания детей требуют ответственности взрослых: о частных образовательных проектах в Мурманской области // Goarctic. Портал о развитии Арктики. 1.09.2021. URL: <https://goarctic.ru/news/znaniya-detey-trebuyut-otvetstvennosti-vzroslykh-o-chastnykh-obrazovatelnykh-proektakh-v-murmanskoj-oblasti/> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁵ Университет талантов. URL: <https://utalents.ru/news/2017/05/13/zadacha-roditelya-stat-nastavni-kom-dlya-rebenka>; Токарев А. «Задача родителя — стать наставником для ребенка». URL: <https://utalents.ru/news/2017/05/13/zadacha-roditelya-stat-nastavnikom-dlya-rebenka> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁶ Такое же толкование: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 23. М.: Наука, 1996. С. 72–73. Согласно этимологическому словарю русского языка, значения слова «ставить»: «направлять», «удерживать», «поднимать вверх» «восстанавливать». См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. Т. III. СПб.: Азбука, 1996. С. 742. Подробнее вопрос о лексических значениях «наставничества» был рассмотрен в диссертации: Лапко О. Ю. Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920–1930-х годов: дис. ... к. филол. н. // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-voploshchenie-nastavnichestva-v-russkoi-proze-1920-1930-kh-godov> (дата обращения: 06.02.2024).

¹⁷ О зависимости культуры семьи от ее профессионального состава см.: Разумова И. А. Профессиональный статус семьи и личности сквозь призму семейного фольклора // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения — 99»). Петрозаводск, 2000. С. 252–260; Разумова И. А. Семья и профессия: пространство взаимодействия // Частное и общественное: гендерный аспект. Материалы 4-й международной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН 20–22 окт. 2011 г. Т. 2. Ярославль: ЯрГПУ, 2011. С. 339–343.

Список источников

1. Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и новые реалии // Народное образование. 2019. № 5. С. 109–115.

2. Гринько Е. Н. Наставничество и наставник как социокультурные феномены // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 10–25. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-10>.
3. Кларин М. В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2016. № 4. С. 92–112.
4. Кеменев Д. А. Закономерности наставничества как факторная обусловленность его институционализации на государственной службе // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 228–241. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-228-241.
5. Югфельд Е. А. К вопросу о феномене наставничества: исторический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf>.
6. Васильева О. Ю., Басюк В. С., Иванова С. В. Наставничество: вчера, сегодня и завтра // Педагогика. 2023. Т. 78, № 8. С. 5–17.
7. Анкваб М. Ф. Теоретические подходы к организации семейного воспитания в народной педагогике // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 197–199.
8. Неустроева А. Н. Образовательная экосистема вуза и идеалы наставничества как ее ресурс // Педагогика. 2023. № 8. С. 94–102.
9. Рудова А. И. Идеи народной педагогики в формировании личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2000. № 3. С. 46–49.
10. Байбородова Л. В., Лебедева Т. С., Тарханова И. Ю. Социально-педагогическое сопровождение проблемных семей: учебное пособие. Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2015. 183 с.
11. Ковалева Н. В., Деткова И. В., Леонтьева А. В. Наставничество как процесс сопровождения детей и подростков «групп риска». М.: Майкоп, 2019. 180 с.
12. Голованов В. П., Жимаева Е. М., Машкова Д. В. Социально-педагогическое сопровождение семейного воспитания ребенка // Социально-политические исследования. 2022. № 4 (17). С. 63–69. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-63-79.
13. Дюжева М. Б., Дюжева А. А., Тарасова Т. Н. Наставничество как метод формирования семейного благополучия // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2013. № 31. С. 78–87.
14. Богдановская В. И., Школьникова Е. В. Об организации наставничества в отношении семей с детьми, находящихся в социально опасном положении, в Республике Хакасия // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 2А. С. 112–126. DOI: 10.34670/AR.2021.36.92.015.
15. Клюкина Э. С. Семья и социальные системы ее поддержки // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. С. 80–87.
16. Сулейманова О. А. Семейные реликвии как социальная собственность // Наука и бизнес на Мурмане. Научно-практический альманах. 2009. № 2 (67). С. 49–53.
17. Кузнецова Н. Ю., Ружинская И. Н. Религиозная жизнь русского социума в диалоге «наставник — ученик» (по материалам личной переписки народника А. С. Пругавина и Е. В. Молоствовой) // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5. С. 618–629. DOI: 10.7256/2454-0609.2016.5.19783. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19783.
18. Лапко О. Ю. Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2009. 18 с.
19. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М.: Русский язык, 1989.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. Ф. П. Филина. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 327 с.
22. Орлова М. А. Профессиональная социализация в семье: проблемы и аспекты // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2008. С. 191–205.

References

1. Gasparishvili A. T., Kruhmaleva O. V. Nastavnichestvo kak social'nyj fenomen: sovremennye vyzovy i novye realii [Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and new realities]. *Narodnoe obrazovanie* [Public education], 2019, no. 5, pp. 109–115. (In Russ.).
2. Grin'ko E. N. Nastavnichestvo i nastavnik kak sociokul'turnye fenomeny [Mentoring and mentor as sociocultural phenomena]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Society], 2023, no. 1, pp. 10–25. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-10>. (In Russ.).
3. Klarin M. V. Sovremennoe nastavnichestvo: novye cherty tradicionnoj praktiki v organizatsiyah XXI veka [Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the 21st century]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice], 2016, no. 4, pp. 92–112. (In Russ.).
4. Kemenev D. A. Zakonomernosti nastavnichestva kak faktornaya obuslovlennost' ego institucionalizatsii na gosudarstvennoj sluzhbe [Patterns of mentoring as a factor determining its institutionalization in the public service]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2019, Vol. 14, no. 4, pp. 228–241. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-228-241>. (In Russ.).
5. Yugfel'd E. A. K voprosu o fenomene nastavnichestva: istoricheskij aspekt [On the issue of the phenomenon of mentoring: a historical aspect]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science: Pedagogy and Psychology], 2022, Vol. 10, no. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf> (accessed 10.12.2023). (In Russ.).
6. Vasil'eva O. Yu., Basyuk V. S., Ivanova S. V. Nastavnichestvo: vchera, segodnya i zavtra [Mentoring: yesterday, today and tomorrow]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2023, Vol. 78, no. 8, pp. 5–17. (In Russ.).
7. Ankvab M. F. Teoreticheskie podhody k organizatsii semejnogo vospitaniya v narodnoj pedagogike [Theoretical approaches to the organization of family education in folk pedagogy]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, Culture, Education], 2023, no. 1 (98), pp. 197–199. (In Russ.).
8. Neustroeva A. N. Obrazovatel'naya ekosistema vuza i idealy nastavnichestva kak ee resurs [The educational ecosystem of the university and the ideals of mentoring as its resource]. *Pedagogika* [Pedagogy], 2023, no. 8, pp. 94–102. (In Russ.).
9. Rudova A. I. Idei narodnoj pedagogiki v formirovanii lichnosti [Ideas of folk pedagogy in the formation of personality]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2000, no. 3, pp. 46–49. (In Russ.).
10. Bajborodova L. V., Lebedeva T. S., Tarhanova I. Yu. *Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie problemnykh semej* [Social and pedagogical support for problem families]. Yaroslavl', Izdatel'stvo "Kancler" [Chancellor Publishing House], 2015, 183 p. (In Russ.).
11. Kovaleva N. V., Detkova I. V., Leont'eva A. V. *Nastavnichestvo kak process soprovozhdeniya detej i podrostkov "grupp riska"* [Mentoring as a process of accompanying children and adolescents at risk]. Moscow, Maykop Publ., 2019, 180 p. (In Russ.).
12. Golovanov V. P., Zhimaeva E. M., Mashkova D. V. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie semejnogo vospitaniya rebenka [Socio-pedagogical support for family education of a child]. *Social'no-politicheskie issledovaniya* [Socio-political Research], 2022, no. 4 (17), pp. 63–69. DOI: 10.20323/2658-428X-2022-4-17-63-79. (In Russ.).
13. Dyuzheva M. B., Dyuzheva A. A., Tarasova T. N. Nastavnichestvo kak metod formirovaniya semejnogo blagopoluchiya [Mentoring as a method of creating family well-being]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii* [Personality, Family and Society: Issues of Pedagogy and Psychology], 2013, no. 31, pp. 78–87. (In Russ.).
14. Bogdanovskaya V. I., Shkol'nikova E. V. Ob organizatsii nastavnichestva v otnoshenii semej s det'mi, nahodyashchimsya v social'no opasnom polozhenii, v Respublike Hakasiya [On the organization of mentoring for families with children in a socially dangerous situation in the Republic of Khakassia]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Modern Studies], 2021, Vol. 10, no. 2A, pp. 112–126. DOI: 10.34670/AR.2021.36.92.015 (In Russ.).

15. Klyukina E. S. Sem'ya i social'nye sistemy ee podderzhki [Family and social systems of its support]. *Regional'noe soobshchestvo v period social'nyh transformacij: Kol'skij Sever, nachalo XXI veka* [Regional community in the period of social transformations: Kola North, beginning of the XXI century], Apatity, Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo centra RAN [Publishing House of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2007, pp. 80–87. (In Russ.).
16. Sulejmanova O. A. Semejnye relikvii kak social'naya sobstvennost' [Family heirlooms as social property]. *Nauka i biznes na Murmane. Nauchno-prakticheskij al'manah* [Science and Business in Murman. Scientific and practical almanac], 2009, no. 2 (67), pp. 49–53. (In Russ.).
17. Kuznecova N. Yu., Ruzhinskaya I. N. Religioznaya zhizn' russkogo sociuma v dialoge “nastavnik-uchenik” (po materialam lichnoj perepiski narodnika A. S. Prugavina i E. V. Molostvovoj) [Religious life of Russian society in the “mentor-student” dialogue (based on personal correspondence between populist A. S. Prugavin and E. V. Molostvova)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: scientific research], 2016, no. 5, pp. 618–629. DOI: 10.7256/2454-0609.2016.5.19783. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19783. (In Russ.).
18. Lapko O. Yu. *Hudozhestvennoe voploshchenie nastavnichestva v russkoj proze 1920–1930-h godov: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk* [The artistic embodiment of mentoring in Russian prose of the 1920s–1930s. PhD (Philology) dis. abstract]. Moscow Pedagogical State University, 2009, 18 p. (In Russ.).
19. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij yazyk, [Russian language], 1983, 816 p. (In Russ.).
20. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 volumes]. Moscow, Russian language [Russkij yazyk], 1989. (In Russ.).
21. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries], Issue 10. Moscow, Nauka [Science], 1983, 327 p. (In Russ.).
22. Orlova M. A. Professional'naya socializaciya v sem'e: problemy i aspekty [Professional socialization in the family: problems and aspects]. *Naselenie Kol'skogo Severa v period social'nyh transformacij: problemy i praktiki kul'turnoj adaptacii* [Population of the Kola North during the period of social transformations: problems and practices of cultural adaptation]. Apatity, Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Publishing house of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences], 2008, pp. 191–205. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Разумова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Information about the author

I. A. Razumova — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024; одобрена после рецензирования 01.03.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 19.02.2024; approved after reviewing 01.03.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 001.89(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.002

АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО КОЛЬСКОГО СЕВЕРА (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Елена Владиславовна Бусырева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, ebusyreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Аннотация

В статье представлен обзор публикаций, посвященных истории становления и развития академической жизни на Кольском Севере и сотрудникам Кольского научного центра. В постсоветское время тематика публикаций значительно расширилась, прежде всего, за счет разнообразия типов источников и развития антропологических аспектов изучения академической науки. Тем не менее многие вопросы еще недостаточно изучены. Одним из перспективных направлений автор считает изучение истории и культуры академических семей.

Ключевые слова:

академическое сообщество, Кольский Север, научные организации, Кольский научный центр

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Бусырева Е. В. Академическое сообщество Кольского Севера (обзор литературы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 20–29. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.002.

Original article

ACADEMIC COMMUNITY OF THE KOLA NORTH (LITERATURE REVIEW)

Elena V. Busyreva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, ebusyreva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2054-2910>

Abstract

The article provides an overview of publications devoted to the history of the formation and development of academic life in the Kola North, and about the employees of the Kola Scientific Center. In post-Soviet times, the subject of publications has expanded significantly, primarily due to the diversity of types of sources and the development of anthropological aspects of the study of academic science, however, many issues have not yet been sufficiently studied. The author considers the study of the history and culture of academic families to be one of the promising directions.

Keywords:

academic community, Kola North, scientific organizations, Kola Science Center

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Center "Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences". No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Busyreva E. V. Academic community of the Kola North (literature review). *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 20–29. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.002.

В этом году отмечается трехсотлетие Российской академии наук. Традиционно РАН пользуется заслуженным уважением. И в советский, и в постсоветский периоды считалось престижным быть причастным к академическому сообществу. По воспоминаниям автора, в советское время в городе Апатиты люди с гордостью говорили: «Я работаю в академии» (в те годы — КФАН СССР).

Причем далеко не всегда это были научные сотрудники, но они считали себя причастными к академическому сообществу, так как работали в Академгородке, вносили свой вклад в общее дело развития советской науки.

С социально-антропологической точки зрения академическое (или научное) сообщество включает сотрудников научно-исследовательских институтов, то есть совокупность людей, занимающихся наукой как видом профессиональной деятельности. Они имеют соответствующее образование, а также разделяют «большую часть символично-нормативного комплекса» общности [1: 51]. В академическое сообщество включают также преподавателей и студентов высших учебных заведений. Главными особенностями академического образа жизни являются стремление к знаниям и постоянное обучение. Академический образ жизни предполагает не только получение формального образования, но и самообразование, чтение книг, участие в научных исследованиях и конференциях. Кроме того, академическое сообщество рассматривается как культурная среда, объединяемая общими повседневными практиками, передающимися как традиция в значительной мере на неформальном уровне, в ходе повседневных взаимодействий [2: 134, 137]. Быть причастным к академическому сообществу — значит развиваться в различных сферах жизни, иметь высокие нравственные и этические стандарты. Специфика академического сообщества состоит в том, что оно представляет собой коллективы (или это могут быть отдельные представители), которые «связаны обменом результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию научного знания. При этом поддержание устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри научного сообщества обеспечивается использованием единого профессионального языка и научного аппарата (понятий, инструментов, процедур наблюдения или вывода) и каналов получения или передачи информации (научных изданий, научных конференций и т. д.)» [2:140–141]. Известные российские социологи П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова полагают, что «важным элементом профессиональной культуры выступает способность вырабатывать знания и умения» [3: 3–17]. Французский социолог Пьер Бурдьё утверждал, что социальные отношения в обществе определяются не только экономическими факторами, но и культурными и символическими ресурсами (капиталами). Именно этим отличается академическое сообщество: культурный капитал включает в себя различные виды «легитимного знания» (звания, дипломы) и ЗУНы (такой взгляд разделяют П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова); символический капитал создается из сложившейся репутации и престижа в глазах общества [4].

В настоящее время антропология академической жизни является перспективным направлением социально-антропологических исследований¹. Начинает оно развиваться и в ЦГП КНЦ РАН.

В статье приводится краткий историографический обзор литературы, посвященной жизни академического сообщества. Для историографии советского периода в целом характерно изучение истории становления научных организаций при Академии наук. Первые издания, освещающие жизнь ученых в районе Хибин, появились еще в 1920-х годах. Эти публикации, принадлежащие академику А. Е. Ферсману, содержат информацию об экспедициях на Кольский Север, об открытиях природных ресурсов Хибин, об истории формирования научного сообщества². Кроме того, его работы дополнены этнографическими данными [5: 220, 237]. Как известно, А. Е. Ферсман заложил основы развития академической жизни на территории нынешней Мурманской области. В 1929 году по его инициативе было принято решение об организации в Хибинах Горной научной станции «Тиэтта»³, которая способствовала бы изучению природных ресурсов края и его промышленному освоению [5: 219]. И благодаря деятельности А. Е. Ферсмана в 1930 году научная станция была создана (с 1934 года — Кольская база АН СССР). Во многом благодаря тому, что А. Е. Ферсман был выдающимся популяризатором науки, он и его сподвижники «сформировали и закрепили имидж центральной части Кольского полуострова как пространства академической науки» [6: 27]. В этом сыграл определенную роль один из соратников А. Е. Ферсмана — Б. М. Куплетский. Совместно с другими геологами он, начиная с 1921 года, принимал участие в экспедициях в Хибинских и Ловозерских тундрах, результаты которых были опубликованы в научных статьях в 1922–1937 годах¹ [7: 99].

С 1960-х годов публикации, посвященные региональным научным центрам, в том числе КФАН, получили свое дальнейшее распространение [8: 152]. В этих работах, как правило, говорилось о проблемах организации академической работы, об основных направлениях научной деятельности и достижениях исследователей [9: 409]. Обращается внимание на рост численности научно-исследовательских кадров [9: 413]. Есть статьи, посвященные сотрудникам Кольского филиала, опубликованные в местной прессе⁴. В публикациях 1970–1980-х годов преобладает изложение истории организационных аспектов научного процесса, определяемых деятельностью партийных комитетов по науке [8: 155]. Подчеркивается роль ученых-коммунистов в научно-исследовательской работе (в частности, говорится, что академик А. В. Сидоренко, возглавлявший КФАН с 1952 по 1961 год, избран делегатом XXIII съезда КПСС [9: 464]). Также публикуются работы, посвященные тем, кто стоял у истоков создания академической жизни на Кольском Севере, например, А. Е. Ферсману и его коллегам⁵.

Источником по истории академической жизни советского времени могут выступать мемуары. Сейчас уже трудно согласиться с мнением известного советского этнографа С. А. Токарева: «Исключить надо из историографического обзора по этнографии и всякую вообще мемуарную литературу. Хотя во многих мемуарах... можно найти немало ценных бытовых черточек». Он считал, что мемуары могут интересовать лишь тогда, когда они дают биографические сведения о лицах, оставивших свой след в науке [10: 8].

В постсоветское время отношение к мемуарной и биографической литературе изменяется. Особое место занимают мемуары об известных представителях академического сообщества. Появляются публикации, посвященные анализу биографий и мемуаров видных ученых Кольского научного центра РАН. Некоторые воспоминания содержат истории семей, в которых приверженность профессии становилась наследственной [11: 8]. В частности, сотрудники ЦГП КНЦ РАН И. А. Разумова и А. Г. Саморукова проанализировали книгу И. Д. Батиевой «Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни» о жизни и деятельности ее мужа, видного ученого — геолога и минералога И. В. Белькова, более двадцати лет возглавлявшего Геологический институт КФАН СССР; а также мемуарно-автобиографическую книгу кандидата геолого-минералогических наук Е. Б. Халезовой «Дорога длиною в жизнь», посвященную матери автора, химику и минералогу И. Д. Борнеман-Старынкевич, которая являлась основателем и руководителем химико-аналитической лаборатории горной научной станции «Тизтта» Кольской базы Академии наук СССР с 1932 по 1936 год.

В статье «Хроника жизни ученого-геолога как исторический и социально-антропологический источник» И. А. Разумова и А. Г. Саморукова подчеркивают, что воспоминания И. Д. Батиевой не только являются источником по истории геологических исследований советского времени, но и раскрывают повседневную жизнь академического сообщества [11: 5–6]. В мемуарах И. Д. Батиевой И. В. Бельков предстает гармоничной личностью, в которой «таланты ученого, организатора, наставника, художника, семьянина, отца сочетались с высокой культурой, интеллигентностью и жизнестойкостью» [11: 21].

Исследование «Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой» состоит из двух частей: первая часть содержит анализ автобиографии автора воспоминаний; вторая часть посвящена семейной истории. Авторы подчеркивают, что воспоминания имеют как документальный, так и художественный признаки [12: 34]. В статье отмечается, что автобиографии пишутся людьми, имеющими определенный жизненный опыт. Их отличие от биографий в том, что они имеют «открытый финал», так как это «собственное жизнеописание» [12: 37, 41]. Авторами анализируется как экспедиционная, так и семейная жизнь Е. Б. Халезовой. Эта двойственность жизни — кочевой, профессиональной, и домашней — является характерной чертой автоописания [12: 42, 44]. И. А. Разумова и А. Г. Саморукова отмечают и литературный дар автора мемуаров [12: 45].

Во второй части исследования анализируются воспоминания Е. Б. Халезовой об истории семьи. Подчеркивается, что семья, основанная на «групповой солидарности, представляющая “высокую” культуру и работающая ей во благо, была и остается оплотом национальной общности». И. А. Разумова отмечает значение семейной памяти в преемственной солидарности родственного профессионального

сообщества [13: 6]. Также обращается внимание на то, что в качестве социально-антропологического источника книга Е. Б. Халезовой показывает влияние социальных изменений на семью, в том числе на женщин, принадлежащих к научной среде [13: 15–16].

В 2020 году вышел ряд публикаций о сотрудниках Кольского научного центра. Например, в журнале «Вестник Кольского научного центра» была напечатана статья О. В. Шабалиной, посвященная юбилею «гуманитария широкого профиля» Е. Я. Пации. В статье приводятся сведения из биографии Е. Я. Пации, рассказывается о ее деятельности, направленной на создание музейной экспозиции, о ее вкладе в сохранение саамской культуры. Евгения Яковлевна возглавляла Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера с 1997 года. Постановление Президиума АН СССР № 10101-10115-516,1 о создании Музея-архива было подписано в 1980 году. Однако у Кольского филиала не было «выставочных площадей, где могли бы разместиться экспонаты», поэтому экспозиция развернулась лишь в 1997 году уже в составе Международного центра науки, культуры и образования (МЦНКО) КНЦ РАН [14: 65–66].

В том же году в журнале «Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования» были опубликованы статьи, посвященные 90-летию создания старейшего регионального академического центра России. Некоторые публикации представляют собой анализ воспоминаний. В статье о сотруднике ЦГП КНЦ РАН Р. А. Кравченко-Бережном (1926–2011) И. А. Разумова подчеркивает исключительное значение эго-документов, то есть мемуаров, автобиографий, дневников, писем [15: 104]. Автор знакомит с биографией Р. А. Кравченко-Бережного, обращает внимание на его образованность, интеллигентность и литературный дар. Анализируя дневник, который Роман Александрович вел, будучи подростком, И. А. Разумова отмечает насыщенность его фактами, что позволяет считать автора «летописцем Кременца в 1941–1944 годы» [15: 105]. Значение дневника подтверждается тем, что он «оказался в числе документов Нюрнбергского процесса». В настоящее время его оригинал хранится в Госархиве Российской Федерации [15: 106]. Также анализируются и другие произведения Р. А. Кравченко-Бережного. Подчеркивается, что его сочинения обладают большим культурно-образовательным потенциалом [15: 113]. В статье также представлены отзывы российских и зарубежных читателей на книгу «Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века», размещенные в интернете. Интересен тот факт, что Р. А. Кравченко-Бережной — физик. В 1955 году сразу после окончания физического факультета Львовского университета он был приглашен на работу в Геологический институт председателем Президиума КФАН СССР А. В. Сидоренко (будущим академиком и Министром геологии СССР). В 1961 году Р. А. Кравченко-Бережной становится кандидатом физико-математических наук. Кроме того, он хорошо владел несколькими европейскими языками, поэтому с «1988 года занимался научно-организационной деятельностью по международному научно-техническому сотрудничеству, а с 1995 года начал работать в должности главного специалиста в Центре гуманитарных проблем» [16: 19–20].

Также в журнале «Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования» за 2020 год представлены еще три статьи, рассказывающие о старейших сотрудниках Кольского научного центра. Одна из них основана на биографическом интервью сотрудника ИХТРЭМС кандидата технических наук Б. И. Гуревич. После окончания Московского химико-технологического института в 1954 году Б. И. Гуревич начала свою работу в КФАН [17: 120]. Как известно, в советское время после окончания вуза было обязательное трудовое распределение. В статье авторы отметили жизнелюбие и человечность, высокие моральные принципы Б. И. Гуревич, а также «верность» выбранному направлению научной деятельности, которому она отдала более 65 лет [17: 125–126].

Другие две публикации авторы посвятили своим отцам. Первая — о сотруднике Геологического института, кандидате геолого-минералогических наук В. А. Припачкине. В 1960 году он приехал на север по предложению своего сокурсника (учились вместе в Воронежском университете) П. М. Горяинова, который уже работал в Геологическом институте Кольского филиала Академии наук [18: 138]. Особенность статьи состоит в том, что она повествует не об основной деятельности В. А. Припачкина, а о его увлечениях спортом, художественной самодеятельностью [18: 137]. Вторая статья посвящена сотруднику Горного института, доктору технических наук В. М. Бусыреву, который приехал на работу в Кольский филиал Академии наук в 1956 году по приглашению директора

Института химии М. Д. Фугзана [19: 132]. В тот год в составе ИХТРЭМС М. Д. Фугзан организовал группу горного дела, преобразованную впоследствии в ГоИ. Статья, в основу которой легли воспоминания В. М. Бусырева, носит биографический характер.

Постсоветский период отличается значительным расширением тематики публикаций о жизни российских академических сообществ. Помимо увеличения количества воспоминаний появились работы, посвященные различным аспектам повседневной жизни научного сообщества, в том числе конкретным способам существования научных сотрудников в новых условиях. Опубликованы также исследования соционормативной культуры, ритуалов и повседневных практик, сформированных академическим сообществом [2: 140]. В частности, в статье О. А. Бодровой и И. А. Разумовой рассказывается о традициях празднования Нового года сотрудниками заполярного научного сообщества с самого начала его существования, со времени «Тизтты» 1930-х годов до новогодних торжеств в КНЦ и его институтах в 2010-е годы. В частности, традицией были балы-маскарады. В конце 1950-х годов появилась традиция отмечать Новый год в сопровождении оркестра, под музыку которого танцевали участники праздника [20: 412].

Среди работ по антропологии российской науки появляются публикации, рассказывающие о повседневной жизни ученых на отдыхе. Например, О. И. Секенова пишет о высоком статусе, «элитарности» академических санаториев в советское время, куда стремились попасть представители иных социальных групп [21: 39]; а работы Н. Л. Пушкаревой направлены на изучение гендерных проблем, в том числе раскрывающих повседневную жизнь женщин-ученых [22: 10–20].

В 2000-х годах продолжают исследования по истории Кольского научного центра, в том числе по истории создания МЦНКО/ЦГП КНЦ РАН. Значительный вклад в изучение истории регионального академического центра как научной организации внесли сотрудники ЦГП В. П. Петров, Е. И. Макарова, Е. Я. Пация, О. В. Шабалина, А. Г. Саморукова, А. Д. Токарев, С. А. Дюжилов и другие⁶. Основу большинства публикаций составили архивные документы, хранящиеся в фондах Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН и научного архива ФИЦ КНЦ РАН.

В публикациях об академической жизни часто звучат актуальные вопросы, связанные с проблемой оценки «эффективности» научного труда. В постсоветское время академическое сообщество подвергается болезненной трансформации ценностей. Как отмечает социолог А. Ю. Долгов, некоторые представители академической бюрократии ставят превыше всего экономические интересы, что «создает значительные ограничения для развития науки» [23: 7]. Многие ученые видят серьезную и актуальную проблему в том, что в настоящее время фундаментальные исследования (монографии) считаются второстепенным делом по сравнению с небольшой статьей, опубликованной в журнале, входящем в список ВАК или Scopus [24: 221], тогда как «для гуманитария предпочтительнее написать монографию, чем статью» [16: 7]. Член-корреспондент РАН Н. Б. Вахтин считает, что «чиновники от науки» слишком озабочены «повышением эффективности»: «Нужно три статьи в год! Нет, четыре! Нет, в “Скопусе”! Нет, в Web of Science!» [25]. Подобное мнение о «показателях эффективности» высказывает и И. А. Разумова [16: 301].

Коллективная монография, опубликованная к юбилею ЦГП КНЦ РАН, посвящена истории создания гуманитарного подразделения в составе Кольского научного центра РАН. В книге представлены этапы становления ЦГП КНЦ, различные направления гуманитарных исследований, отмечены яркие личности, а также роль объективных и субъективных факторов в развитии тех или иных направлений. Обращается внимание на то, что сотрудники организации не только выполняли научно-исследовательскую работу, но и занимались просветительской деятельностью [16: 19].

Несмотря на значительное расширение тематики работ об академическом сообществе в постсоветское время, остается еще немало «белых пятен». Так, при анализе российских публикаций, посвященных научному сообществу, можно заметить, что академической семье практически не уделялось внимания. Вопрос об особенностях жизни академической семьи если и возникал, то исключительно в гендерном аспекте. Между тем традиционные семьи, принадлежащие к академической среде, как можно предположить, имеют свои функциональные отличия, характеризуются высоким уровнем образования и культуры, и поэтому представляется необходимым исследовать и популяризировать их опыт.

Список сокращений

КФАН — Кольский филиал Академии наук, 1949–1988 годы

ЗУНЫ — общепринятое в педагогике обозначение: знание, умение, навыки

ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Кольского научного центра Российской академии наук

ИХТРЕМС — Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

ГоИ — Горный институт

Примечания

¹ См., напр.: Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. 376 с.; Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. 2 / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. 333 с.; За синей птицей. Памяти Г. А. Комаровой / под ред. Э. Б. Гучиновой и В. А. Шнирельмана. М.: ИЭА РАН, 2022. 544 с.

² См., напр.: Ферсман А. Е. Три года за полярным кругом: Очерки научных экспедиций в Центральную Лапландию 1920–1922 годов. М.; Петроград: Молодая гвардия, 1924. 80 с.; Ферсман А. Е. Горная Хибинская станция «Тиэтта» // Природа: популярный естественно-исторический журнал. 1930. № 9. С. 903–908; Ферсман А. Е. Академия наук в Хибинской тундре: от лопарской вежи до дворца науки // Хибиногорский рабочий. 1934. 29 сент.; Куплетский Б. М., Полканов А. А. Геологический очерк Хибинского массива // Путеводитель геол. экскурсий. Петроград, 1922; Куплетский Б. М. К петрографии Хибинских тундр // Труды Геологического и минералогического музея Российской академии наук. Т. 4, № 3–4. Л., 1924; Куплетский Б. М. Хибинские и Ловозерские тундры // Карело-Мурманский край. 1927. № 3; Куплетский Б. М. К минералогии Хибинских тундр // Доклады Академии наук СССР. Л., 1930; Куплетский Б. М. Петрографический очерк Хибинских тундр // Минералы Хибинских и Ловозерских тундр / под ред. А. Е. Ферсмана. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937.

³ Тиэтта — от саам. «наука» [26: 18].

⁴ См., напр.: Кондратович И. И. в газете «Полярная правда» о геологе О. Б. Дудкине (08.06.1969) и «Рядовые науки» (08.07.1969), Щепкина А. в газете «Кировский рабочий» о геологе И. В. Белькове (09.12.1969).

⁵ См., напр.: Кошечкин Б. И. Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 152 с.

⁶ См., напр.: Петров В. П., Виноградов А. Н., Усов А. Ф., Саморукова А. Г., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Кольский научный центр. Летопись 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 320 с.; Шабалина О. В. Материалы Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера МЦНКО КНЦ РАН как источники по истории науки // Альманах «Музеи РАН». М.: Научный мир, 2000. С. 187–200; Пация Е. Я., Петров В. П. Научно-исследовательская и просветительская деятельность музея «Истории изучения и освоения Европейского Севера России» // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2004. С. 159–166; Саморукова А. Г. Кольская база Академии наук СССР в первые послевоенные годы // Кольский Север XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. С. 15–22; Бодрова О. А., Стогова Я. А. Летопись Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты, 2011. С. 56–61; Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН (1974–2012) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 24–36; Разумова И. А., Петров В. П. Становление и развитие гуманитарного направления исследований в Кольском научном центре РАН // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 37–45; Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. К 20-летию Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН: история становления и развития // Труды Кольского научного центра РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2014. Вып. 5. С. 196–209 и др. публикации.

Список источников

1. Щепанская Т. Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // Антропология профессий / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 50–100.
2. Комарова Г. А. Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле // Политическая концептология. 2011. № 1. С. 133–150.
3. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 3–17.
4. Пьер Бурдьё: французский социолог, чья теория меняет наше понимание общества. URL: <https://nauchniestati.ru/spravka/burde-per-francuzskij-socziolog> (дата обращения: 27.02.2024).
5. Змеева О. В. От стационарных поселков до промышленных городов: историко-этнографический профиль региона // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. С. 177–239.
6. Змеева О. В. Ферсман на Кольском полуострове: экспедиционная работа и формирование историко-этнографического профиля региона // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. С. 20–29. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.002.
7. Шабалина О. В. Личные документы персонального фонда геолога Б. М. Куллетского Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. 98–103. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.009.
8. Шабалина О. В. Исследования истории научного освоения и изучения Европейской Арктики, в т. ч. Кольского полуострова. Историографические аспекты // Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления / под общей редакцией И. А. Разумовой. Апатиты: Издательство Кольского научного центра РАН, 2023. С. 151–192.
9. Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. 522 с.
10. Токарев С. А. История русской этнографии. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1966. 455 с.
11. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Хроника жизни ученого-геолога как исторический и социально-антропологический источник // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 20. 2021. С. 5–25. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.1.20.001.
12. Разумова И. А., Саморукова А. Г. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 1. Автобиография // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 32–48. DOI: 10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003.
13. Разумова И. А. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 2. Генеалогия и история семьи // Труды КНЦ РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 5–19. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.001.
14. Шабалина О. В. «...Я — музейный работник, я выработала в себе это призвание» (к юбилею Евгении Яковлевны Пации) // Вестник Кольского научного центра РАН. Вып. 2. 2020 (12). С. 58–68. DOI: 10.37614/2307-5228.2020.12.2.007.
15. Разумова И. А. Литературное наследие Р. А. Кравченко-Бережного: историко-культурное значение и общественный резонанс // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. С. 103–117. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.008.
16. Разумова И. А. Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления / под общей редакцией И. А. Разумовой. Апатиты: Издательство Кольского научного центра РАН, 2023.
17. Казакова К. С., Шабалина О. В. «Мое отрицательное счастье...»: воспоминания Б. И. Гуревич // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. С. 118–126. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.009.

18. Припачкин П. В. Герой своего времени (вспоминая Валентина Андреевича Припачкина) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. С. 137–153. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.011.
19. Бусырева Е. В. Воспоминания одного из первых сотрудников Горно-металлургического института КФАН СССР // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. С. 127–138. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.010.
20. Бодрова О. А., Разумова И. А. Новогодние елки в заполярном академическом центре // Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной. М.: Нестор-История, 2022. С. 409–420. DOI: 10.31754/4469-2068-6.45.
21. Секенова О. И. Историки на отдыхе: повседневная жизнь санаториев ЦЕКУБУ и Академии наук в 1920–1960-х гг. // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. Вып. 3 (3). 2020. С. 39–50.
22. Пушкарева Н. Л. «Работать больше других»: повседневность российских научных работниц и мотивация отрицания успеха // История повседневности. Вып. 2 (22). 2022. С. 10–20. DOI: 10.35231/25422375-2022-2-10.
23. Долгов А. Ю. Академическая жизнь как область социологического исследования // Социальные и гуманитарные науки. Социология. 2018 С. 6–10. <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-zhizn-kak-oblast-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 03.03.2024).
24. Пулькин М. В. «ВАКовские» журналы и научное сообщество: проблемы взаимоотношений // Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 221–237.
25. Что такое академическая наука // Грамота. 2024. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/chto-takoe-akademicheskaya-nauka> (дата обращения: 03.03.2024).
26. Шабалина О. В., Иванова М. В. «...От лопарской вежи до дворца науки»: источники по истории организации и строительства «Тизтты» (ХИГС — КБАН СССР) из фондов Музея-архива ЦПП КНЦ РАН // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. С. 8–19. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.6.19.001.

References

1. Shchepanskaya T. B. *Konstruktsii gendera v neformal'nom diskurse professiy* [Constructions of gender in the informal discourse of professions. Anthropology of professions]. Saratov, Scientific book, 2005. pp. 50–100. (In Russ.).
2. Komarova G. A. Nauchnoye soobshchestvo kak mezhdistsiplinarnoye issledovatel'skoye pole [Scientific community as an interdisciplinary research field]. *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2011, no. 1, pp. 133–150. (In Russ.).
3. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Mir professiy kak pole antropologicheskikh issledovaniy [The world of professions as a field of anthropological research]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2008, no. 5, pp. 3–17. (In Russ.).
4. *P'yer Burd'ye: frantsuzskiy sotsiolog, ch'ya teoriya menyayet nashe ponimaniye obshchestva* [Pierre Bourdieu: French sociologist whose theory changes our understanding of society]. (In Russ.). Available at: <https://nauchniestati.ru/spravka/burde-per-francuzskij-socziolog>.
5. Zmeeva O. V. Ot stantsionnykh poselkov do promyshlennykh gorodov: istoriko-etnograficheskiy profil' regiona [From station villages to industrial cities: historical and ethnographic profile of the region. *Naselenie Kolskogo poluostrova mezhdv dvumia mirovimi voynami: vzgl'ad istorikov i antropologov* [Population of the Kola Peninsula between the two world wars: the view of historians and anthropologists]. Moscow, Nauka, 2022, pp. 177–239. (In Russ.).
6. Zmeeva O. V. Fersman na Kol'skom poluostrove: ekspeditsionnaya rabota i formirovaniye istoriko-etnograficheskogo profilya regiona [Fersman on the Kola Peninsula: expeditionary work and the formation of a historical and ethnographic profile of the region]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities studies], 2020, Issue 19, pp. 20–29. (In Russ.).

7. Shabalina O. V. Lichnyye dokumenty personal'nogo fonda geologa B. M. Kuplet'skogo Muzeya-Arkhiva istorii izucheniya i osvoyeniyay evropeyskogo severa Tsentra gumanitarnykh problem Barents regiona Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Personal documents of the personal fund of geologist B. M. Kuplet'sky Museum-Archive of the History of the Study and Development of the European North of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Series: Natural and Human Sciences], 2022, no. 1, pp. 98–103. (In Russ.).
8. Shabalina O. V. Issledovaniya istorii nauchnogo osvoyeniya i izucheniya Yevropeyskoy Arktiki, v t. ch. Kol'skogo poluoostrova. Istoriograficheskiye aspekty [Research into the history of scientific development and study of the European Arctic, incl. Kola Peninsula. Historiographical aspects. *Gumanitarnyye issledovaniya v Kol'skom nauchnom centre RAN: istoriya i osnovnyye napravleniya* [Humanitarian research at the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: history and main directions]. Apatity, Publishing house of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 151–192. (In Russ.).
9. Komkov G. D., Levshin B. V., Semenov L. K. *Akademiya nauk SSSR. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Academy of Sciences of the USSR. Brief historical sketch]. Moscow, Nauka, 1974, 522 p. (In Russ.).
10. Tokarev S. A. *Istoriya russkoy etnografii. Dooktyabr'skiy period* [History of Russian ethnography. Pre-October period]. Moscow, Nauka, 1966, 455 p. (In Russ.).
11. Razumova I. A., Samorukova A. G. Khronika zhizni uchenogo-geologa kak istoricheskiy i sotsial'no-antropologicheskiy istochnik [Chronicle of the life of a geoscientist as a historical and socio-anthropological source]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2021, Issue 20, pp. 5–25. (In Russ.).
12. Razumova I. A., Samorukova A. G. Zhanrovo-vidovyye osobennosti knigi vospominaniy Ye. B. Khalezovoy. Chast' 1. Avtobiografiya [Genre-species features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 1. Autobiography]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2022, Issue 22, pp. 32–48. (In Russ.).
13. Razumova I. A. Zhanrovo-vidovyye osobennosti knigi vospominaniy Ye. B. Khalezovoy. Chast' 2. Genealogiya i istoriya sem'i [Genre-species features of the book of memoirs by E. B. Khalezova. Part 2. Genealogy and family history]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Seriya: Yestestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Proceedings of the KSC RAS. Series: Natural and Human Sciences], 2022, Issue 1, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.).
14. Shabalina O. V. "...Ya — muzeynyy rabotnik, ya vyrabotala v sebe eto prizvaniye" (k yubileyu Yevgenii Yakovlevny Patsii) ["...I am a museum worker, I have developed this calling in myself" (for the anniversary of Evgenia Yakovlevna Patsia)]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2020, Issue 2 (12), pp. 58–68. (In Russ.).
15. Razumova I. A. Literaturnoye naslediyе R. A. Kravchenko-Berezhnogo: istoriko-kul'turnoye znacheniyе i obshchestvennyy rezonans [Literary heritage of R. A. Kravchenko-Berezhny: historical and cultural significance and public resonance]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2020, Issue 19, pp. 103–117. (In Russ.).
16. Razumova I. A. Gumanitarnyye issledovaniya v Kol'skom nauchnom tsentre RAN: istoriya i osnovnyye napravleniya [Humanitarian research at the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: history and main directions]. Apatity, Publishing house of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.).
17. Kazakova K. S., Shabalina O. V. "Moye otritsatel'noye schast'ye...": vospominaniya B. I. Gurevich ["My negative happiness...": memories of B. I. Gurevich]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2020, Issue 19, pp. 118–126. (In Russ.).

18. Pripachkin P. V. Geroy svojego vremeni (vspominaya Valentina Andreyevicha Pripachkina) [Hero of his time (remembering Valentin Andreevich Pripachkin)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2020, Issue 19, pp. 137–153. (In Russ.).
19. Busyreva E. V. Vospominaniya odnogo iz pervykh sotrudnikov Gorno-metallurgicheskogo instituta KFAN SSSR [Memories of one of the first employees of the Mining Institute of KBASUSSR]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2020, Issue 19, pp. 127–138. (In Russ.).
20. Bodrova O. A., Razumova I. A. Novogodniye yolki v zapolyarnom akademicheskom tsentre [New Year trees in the polar academic center]. *Prekrasneyshey: sbornik pamyati Yeleny Dushechkinoy* [For the most beautiful: collection in memory of Elena Dushechkina]. Moscow, Nestor-Istoria, 2022, pp. 409–420. (In Russ.).
21. Sekenova O. I. Istoriki na otdyke: povsednevnyaya zhizn' sanatoriyev TSEKUBU i Akademii nauk v 1920–1960-kh gg. [Historians on vacation: daily life at the TSEKUBU sanatoriums and the Academy of Sciences in the 1920s–1960s]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics], 2020, Issue 3 (3), pp. 39–50. (In Russ.).
22. Pushkareva N. L. “Rabotat' bol'she drugikh”: povsednevnyy zhizn' rossiyskiykh nauchnykh rabotnits i motivatsiya otritsaniya uspekha [“To work more than others”: everyday life of Russian female scientific workers and the motivation for denying success]. *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life], 2022, Issue 2 (22), pp. 10–20. (In Russ.).
23. Dolgov A. Yu. Akademicheskaya zhizn' kak oblast' sotsiologicheskogo issledovaniya [Academic life as an area of sociological research]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Sotsiologiya* [Social and Humanitarian Sciences. Sociology], 2018, pp. 6–10. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskaya-zhizn-kak-oblast-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (accessed 03.03.2024).
24. Pulkin M. V. “VAKovskiy” zhurnaly i nauchnoye soobshchestvo: problemy vzaimootnosheniy [“VAK” journals and the scientific community: problems of relationships]. *Antropologiya akademicheskoy zhizni: traditsii i innovatsii* [Anthropology of academic life: traditions and innovations. Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. Moscow, 2013, pp. 221–237. (In Russ.).
25. *Chto takoye akademicheskaya nauka. Gramota* [What is academic science. Gramota]. (In Russ.). Available at: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/chto-takoe-akademicheskaya-nauka> (accessed 03.03.2024).
26. Shabalina O. V., Ivanova M. V. “...Ot loparskoy vezhi do dvortsa nauki”: istochniki po istorii organizatsii i stroitel'stva “Tietty” (KHIGS — KBAN SSSR) iz fondov Muzeya-arkhiva TSGP KNTS RAN [“...From the Lapp Tower to the Palace of Science”: sources on the history of the organization and construction of “Tietta” (HIGS — KBAN USSR) from the funds of the Museum-Archive of the Barents Centre of the Humanities of the KSC RAS]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskiy akademii nauk. Gumanitarnyye issledovaniya* [Proceedings of the KSC RAS. Humanities Studies], 2020, Issue 19, pp. 8–19. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Бусырева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Busyreva — PhD (History), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 01.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 930.253(98)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.003

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ НА МУРМАНСТРОЙКЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГА О ЧИСЛЕННОСТИ КИТАЙЦЕВ

Ольга Васильевна Змеева

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, zmeyeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Аннотация

Проблему представляет различие исторических подходов к использованию и интерпретации статистических данных, касающихся разных аспектов принятия кадровых решений на строительстве конкретных железнодорожных объектов и в целом при изучении истории трудовых миграций. Впервые приводятся детализированные сведения о численности китайских подданных, нанятых для участия в строительстве Мурманской железной дороги в 1916 году. Они отражают системную организацию и последующую реализацию групповой транспортировки граждан Китая из Харбина в Архангельск. Впервые в научный оборот введены документы статистического характера из фондов Национального архива Республики Карелия, связанные с наймом трудовых мигрантов-китайцев на Европейском Севере России в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова:

китаец, трудовой мигрант, Мурманская железная дорога, Северо-Запад России, 1916 год, кадровые решения, интерпретация, статистика

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Змеева О. В. Трудовые мигранты на Мурманстройке: размышления антрополога о численности китайцев // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 30–35. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.003.

Original article

MIGRANT WORKERS AT MURMANSTROYKA: REFLECTIONS OF AN ANTHROPOLOGIST ON THE NUMBER OF CHINESE

Olga V. Zmeeva

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, zmeyeva@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3909-1582>

Abstract

The problem is the difference in historical approaches to the use and interpretation of statistical data concerning various aspects of personnel decision-making during the construction of specific railway facilities and, in general, when studying the history of labor migration. For the first time, detailed information is provided on the number of Chinese nationals hired to participate in the construction of the Murmansk railway in 1916. They reflect the systematic organization and subsequent implementation of group transportation of Chinese citizens from Harbin to Arkhangelsk. For the first time, statistical documents from the funds of the National Archive of the Republic of Karelia related to the hiring of Chinese labor migrants in the European North of Russia during the First World War have been introduced into scientific circulation.

Keywords:

Chinese, migrant worker, Murmansk Railway, North-West of Russia, 1916, staff matters, interpretation, statistics

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Zmeeva O. V. Migrant workers at Murmanstroyka: reflections of an anthropologist on the number of Chinese. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 30–35. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.003.

Введение

Один из разделов «Краткого очерка постройки железной дороги на Мурман...», опубликованного в Петрограде в 1916 году, посвящен решению рабочего вопроса. Подготовка к летнему строительному сезону 1916 года сопровождалась, с одной стороны, потребностью большего привлечения рабочих, а с другой стороны, осложнением поиска рабочей силы, так как «ближайшие ее источники и рынки были использованы»¹. В результате часть необходимых трудовых ресурсов была организованно заимствована у других работодателей в отдаленных от места строительства районах Российской империи и даже у соседних государств. Так, на Европейском Севере оказалась одна из самых экзотических групп рабочих — китайцы.

В представляющем собой своего рода сводный официальный отчет «Кратком очерке...» указано, что «Управление постройки решило нанять в Китае до 10 000 человек маньчжурских рабочих-землекопов»². Эта однажды заявленная цифра («до десяти тысяч человек») впоследствии стала перемещаться из одного исторического исследования в другое. Одни специалисты, занимающиеся историей строительства железной дороги от Петрограда до Мурмана, не подвергают ее сомнению, отсылая читателя к архивным документам. Е. К. Арьева в диссертации³ дважды указывает на количество нанимаемых граждан Китая: «...Для китайских рабочих, которых было завербовано 10 тысяч человек...»⁴, и далее: «Кроме того, летом 1916 г. в Маньчжурии было нанято 10 тысяч рабочих-китайцев»⁵. А. А. Голубев в монографии «История строительства Мурманской железной дороги» подтверждает: «В середине 1916 г. агентами Управления на строительство дороги было привлечено 10 тысяч маньчжурских рабочих-землекопов» [1: 117]. Другие авторы, также ссылаясь на архивные источники, корректируют цифру общего количества нанятых китайцев. П. В. Федоров привел такие сведения: «Всего их с 23 мая по 25 июля 1916 г. было отправлено из Харбина 9246 человек» [2: 159]. Е. Ю. Дубровская и Н. А. Кораблев обратили внимание читателя на указанную в литературе численность китайских рабочих (10 тысяч человек), при этом уточнив: «...По данным государственного контроля, на линию их [китайцев — О. З.] прибыло только 8,5 тыс. человек» [3: 110, сноска 391].

В статье «Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны» в части, посвященной вербовке китайцев на строительство Мурманской железной дороги, авторы М. В. Ходяков и Ч. Чжао, ссылаясь на материалы правления КВЖД, приводят иные данные: «...с января по июль 1916 г. из Харбина было перевезено для нужд Мурманской железной дороги 7754 рабочих» [4: 22]. Далее они подвергают сомнению и эту цифру: «Видимо, количество китайцев, в итоге прибывших на Мурман, было еще меньше, так как приводимые данные не учитывают заболевших и снятых с поездов в пути, бежавших и т. д.» [4: 28, сноска 94]. Более того, М. В. Ходяков и Ч. Чжао критически отнеслись к общепринятой в исторических работах цифре («10 тысяч маньчжурских рабочих-землекопов»), назвав приведенные сведения «удобными» [4: 21]. Авторы совершенно справедливо указали на проблему «круглого числа» и использования обозначаемых в таком случае данных о количестве нанятых на Мурманстройку китайцев. Тем самым они заострили вопрос о достоверности приведенных сведений.

Сомнения подобного рода могут быть разрешены при дополнительном детализированном сравнении документов, осевших в разных архивных учреждениях. В Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) сохранились уникальные документы, в которых подробнейшим образом представлены сведения о найме, транспортировке и работе китайцев при строительстве Мурманской железной дороги. Цель настоящей статьи — на материалах одного архива систематизировать имеющиеся сведения о планировавшемся и реализованном найме китайских рабочих на Мурманстройку.

Планирование: десять — пятнадцать — двадцать тысяч человек

Одним из самых крупных значений, которое фиксируется на страницах документов, является предполагаемое число наемных работников из Китая. Адресованный начальникам жандармских полицейских Управлений железных дорог Циркуляр от 22 апреля 1916 года, копия которого была отправлена и в Петрозаводское отделение, объявлял: «Полевое строительное Управление Штаба Верховного Главнокомандующего предполагает нанять в Китае и перевезти, в обслуживаемый названным Управлением район, для земляных и лесных работ 20000 китайцев и корейцев»⁶.

Обсуждение найма потенциального китайского рабочего контингента происходило в срочном порядке. Начальником Управления работ по постройке Петрозаводск-Сорокской и Мурманской

железных дорог 8 мая 1916 года был составлен рапорт о предоставлении вагонов для перевозки китайских рабочих. Из содержания следует, что еще 25–26 апреля Управление «...имело честь испрашивать <...> разрешение на наем от 10 до 15 тысяч китайских рабочих для постройки линии Сорока-Кандалакша»⁷.

Материалы телеграфных сообщений первых чисел мая 1916 года подтверждают информацию о все еще планируемых, а не утвержденных цифрах нанимаемых работников из Китая. В тексте телеграммы, отправленной из Петрограда в транзитные города, через которые должны следовать поезда с китайскими гражданами, сообщалось о необходимости в кратчайшие сроки, а именно в течение июня, перевезти из Харбина в Архангельск «...до пятнадцати тысяч китайских рабочих»⁸. Это количество указано в качестве «потребности» Мурманской железной дороги, что еще раз свидетельствует о том, что в апреле 1916 года руководство обсуждало разные вопросы: об испрашиваемом или желательном количестве трудовых мигрантов из Китая, о необходимой или разрешенной их численности. Последнее предполагало возможный диапазон запрашиваемого, поскольку было обусловлено предварительными расчетами, ориентированными на возможности железной дороги обеспечить беспересадочную транспортировку тысяч рабочих из Харбина до Архангельска в ограниченный срок.

Принятие решения: десять тысяч человек

Цифра десять тысяч человек появляется в документах неоднократно. Сопровождающие ее тексты показывают, что решение о численности китайских рабочих, которых было запланировано нанять, было принято. Об этом же, кстати, свидетельствует и текст официального отчета, упоминаемого выше «Краткого очерка...». Факту принятия решения во всех случаях сопутствовало обоснование указанных цифр. Основными аргументами служили причины найма китайцев. В самом общем виде они заключались:

- в огромном спросе российского рынка труда (в том числе и промышленного) на китайскую рабочую силу;
- в положительном предшествующем опыте использования китайцев на железнодорожных работах;
- в стереотипных представлениях о «выдающихся качествах» выходцев из Китая (трудопособности, выносливости, способности к кооперации, потребности в обособленности и пр.);
- в миграционных потребностях иностранных граждан, связанных с перемещением на территорию России.

За указанием причин принятия Управлением работ решения о найме определенного количества китайских граждан последовательно выстраивалась процедура реализации плана. Для начала подтверждалось количество требуемых для Мурманстройки китайцев. В документах оно подкреплялось формулировками, не вызывающими сомнения не только в принятом решении, но и в начальных действиях по его реализации: «Строительное Управление организует наемку в Китае 10.000 туземных рабочих»; «...В порядке исключительной срочности Мурманской ж.д. Строительному Управлению пришлось прибегнуть к применению на постройке желтого труда, для чего испрошено надлежащее разрешение и командированы агенты Управления для наемки и доставки из Харбина в Архангельск 10.000 китайцев»⁹.

Собственно на этом этапе формулировалось детализированное задание о найме рабочих. Назначался человек, ответственный за организацию приема и отправку китайцев в Россию. 7 мая 1916 года был командирован агент М. Ф. Черниковский «для организации найма и отправки из Харбина до Архангельска китайских рабочих в количестве до 10.000 человек, необходимых для работ по постройке Мурманской ж.д.»¹⁰. Как заведующий наемкой китайских рабочих М. Ф. Черниковский, в частности, был обязан телеграфировать о каждой партии нанятых и отправленных им рабочих «с указанием, какого числа, в каком поезде и в сопровождении каких агентов Управления работ она отправлена»¹¹. Далее представлены расчеты, в том числе отражающие информацию о крупных расходах Управления на транспортировку каждого китайского гражданина, а также обязательства российского работодателя перед китайской стороной о возвращении иностранных граждан на родину.

Итак, установленную цифру в десять тысяч человек, нанимаемых в Китае для отправки на Мурманстройку, трудно назвать «удобной» или просто «круглой». Архивные материалы подтверждают, что количество нанимаемых китайцев было не только запланировано Управлением

работ, но и статистически выверено. Более того, это решение подтверждалось подсчетом финансовых расходов на транспортировку одного китайского гражданина на место работ, а по завершении контракта — на отправку его на родину. Что еще важнее, были определены временные и материальные затраты, которые требовались на беспересадочную перевозку одной партии иностранных рабочих, нанимаемых лишь на один строительный сезон: с мая-июня по октябрь-ноябрь 1916 года.

Реализация решения: отправлено из Харбина 9246 человек, прибыло в Архангельск 8587 человек

Железнодорожная перевозка рабочих была строго регламентирована. Поскольку рабочие отправлялись партиями — большими группами, исчисляемыми сотнями людей, то на пути следования обеспечивались места остановки поездов, определялись станции, где им предоставлялось горячее питание, а также были сформированы промежуточные пункты медицинского осмотра.

Исходя из предлагаемых обстоятельств и утвержденной схемы транспортировки людей из Харбина в Архангельск, агенты вынуждены были в кратчайший срок обеспечить организацию найма, перемещения в пункты сбора, медицинского осмотра, распределения нанятых рабочих по партиям, контроль отправки каждой партии в железнодорожных составах и т. д. Производился подробнейший учет каждой отправленной партии сначала из китайских провинций в Харбин, а затем из Харбина до Архангельска (с местами остановок и пунктами промежуточного медицинского осмотра). Среди общего числа законтрактрованных граждан после медицинского осмотра выявлялись больные, которых исключали из общего числа нанятой партии, часть нанятых рабочих бежала.

В НА РК сохранились «Сводные ведомости», которые содержат информацию о количестве партий рабочих, отправленных из Харбина в Архангельск, о численном составе каждой отправленной из Харбина и прибывшей в Архангельск партии, а также фамилии сопровождающих каждой группы рабочих (таблица).

Количество китайских подданных, отправленных из Харбина в Архангельск
(с 23 мая по 25 июля 1916 года)¹²

№№ партии	Фамилия сопровождающих	Отправлено из Харбина	Прибыло в Архангельск
1	Крылов	326	293
2	Жидовцев	302	271
3	Антонов	330	251
4	Анучин	316	253
5	Золонко	163	121
6	Василевский	314	257
7	Баковкин	323	307
8	Синицын	214	204
9	Зафатаев	316	243
10	Самсонович	217	201
11	Звейнок	315	243
12	Замковой	315	289
13	Гловацкий	315	303
14	Кузнецов	629	597
15	Москвин	629	603
16	Яржиновский	518	484
17	Юройц	630	608
18	Козлов	186	177
19	Хоменко	293	284
20	Щепилов	454	468
21	Каркудинский	741	716
22	Прокофьев	826	806
23	Сухотин	574	608
<i>Всего</i>		9246	8587

Из Харбина в Архангельск железнодорожным путем в период с 23 мая по 25 июля 1916 года было отправлено 23 партии рабочих-китайцев¹³. Общее количество нанятых во всех партиях составляло 9 246 человек. По прибытии в Архангельск практически все группы потеряли по пути часть рабочих (одни заболели и их снимали с поезда на станциях, другие бежали, третьи уходили на новые работы и их перенимали другие работодатели). Общее количество прибывших в Архангельск рабочих составило 8 587 человек. Последняя цифра округляется до 8600 человек в «Справке о найме китайцев и обеспечением их санитарной помощью», составленной Управлением работ по постройке Петрозаводск-Сорокской и Мурманской железных дорог 8 октября 1916 г. На основании этого документа становится известно, что прибывшие партии китайцев отправлены на участки: «С 16 июня до 16 августа с/г прибыло в Архангельск и отправлено далее к месту работ около 8.600 рабочих-китайцев, которые распределены по линиям следующим образом: 3.500 человек размещены на четырех участках от Кандалакши до Колы, остальные 5.100 человек на участках от Сороки до Кандалакши»¹⁴.

Заключение

В настоящей работе систематизированы данные о количестве рабочих, нанятых Управлением работ по постройке Петрозаводск-Сорокской и Мурманской железных дорог. Представляется, что заявленное в статье М. В. Ходякова и Ч. Чжао [4: 21–22] расхождение сведений о численности китайцев, привлеченных к работам на Мурманстройке, не стоит рассматривать как искажающее реальность. Все количественные данные, на которые ссылаются историки в публикациях разных лет, соответствуют различным этапам планирования числа наемных работников из Китая, принятия решения и его реализации. Руководством планировалось нанять от десяти до двадцати тысяч китайских граждан, Управление приняло решение о привлечении десяти тысяч иностранных рабочих, из Харбина было отправлено в составе 23 партий 9246 человек, а в Архангельск прибыло 8587 человек, последние и были направлены непосредственно на места работ. В этой статье мы намеренно не останавливались на определении этнической принадлежности нанимаемых граждан Китая, не учитывали их профессиональный статус, а также различные места выхода трудовых мигрантов, указанные в опубликованных работах и архивных материалах. Все эти аспекты станут предметом наших следующих публикаций.

Разнообразие количественных данных отражает разные стадии процесса привлечения иностранных граждан — трудовых мигрантов из Китая на Мурманстройку. Цели работ историков, ранее приводивших обобщенные цифры найма (десять тысяч человек), не предполагали конкретизации численности китайских поданных на строительстве отдельной железной дороги. Эти сведения объективно отразили принятое Управлением работ решение о найме китайцев и, вероятно, указали на общую статистику фактического перемещения массы рабочих из Китая на Европейский Север России. В данном случае мы столкнулись не с фальсификацией или неоправданным обобщением данных, а с разными подходами исследователей к использованию и интерпретации статистики: генерализующим (синхронизирующим разные этапы рассматриваемого процесса) и детализированным (процессуальным).

Настоящая статья нацелена как на выявление важных аспектов в принятии кадровых решений при строительстве крупнейшего объекта в Европейской России начала XX века, так и на акцентирование проблемы различия подходов к статистическим сведениям при изучении истории трудовых миграций.

Список сокращений

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
НА РК — Национальный архив Республики Карелия
с/г — сего года

Примечания

¹ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 70.

² Там же. С. 70.

³ НА РК Ф. Р–1178. Оп. 14. Д. 7/37. Арьева Е. К. История сооружения Мурманской (Кировской) железной дороги: дис. ... канд. истор. наук. Петрозаводск, 1955. 273 л.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/29. Л. 109.

⁷ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 70/561. Л. 5.

⁸ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 70/561. Л. 11.

⁹ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 70/561. Л. 3, 18.

¹⁰ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 70/561. Л. 2.

¹¹ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 70/561. Л. 9.

¹² Таблица составлена на основании данных: НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 72/587. Л. 40–41 об.

¹³ Особого внимания заслуживают сведения о численности рабочих в партиях № 20 и 23. По приведенным данным, из Харбина в первом случае отправлено на 14 человек меньше, чем их прибыло в Архангельск, а во втором — на 34 человека меньше. Возможно, увеличение численности рабочих по прибытии в Архангельск в этих двух партиях связано с возвращением убежавших рабочих или с тем, что на промежуточных станциях ранее были оставлены заболевшие или отставшие от своего поезда, подобранные следующими группами. Кроме того, отметим, что в другой таблице этого дела [см.: НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 72/587. Л. 50–54] не совпадают фамилии сопровождающих у партий № 11 (здесь — Звейнок, далее — Звейнев), № 17 (здесь — Юройц, далее — Юрайн), № 20 (здесь — Щепилов, далее — Шепилов). Вероятно, в одной из таблиц допущены опечатки.

¹⁴ НА РК Ф. 320. Оп. 3. Д. 104/813. Л. 56.

Список источников

1. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
2. Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 392 с.
3. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
4. Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.

References

1. Golubev A. A. *Murmanskaya zheleznyaya doroga. Istoriya stroitel'stva (1894–1917 gg.)* [Murmansk Railway. The history of construction (1894–1917)]. Saint Petersburg, 2011, 205 p. (In Russ.).
2. Fedorov P. V. *Severnyj vektor v rossijskoj istorii: centr i Kol'skoe Zapolyar'e v XVI–XX vv.* [The Northern Vector in Russian History: the Center and the Kola Arctic in the XVI–XX centuries]. Murmansk, 2009, 392 p. (In Russ.).
3. Dubrovskaja E. Yu., Korablev N. A. *Kareliya v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914* [Karelia during the First World War: 1914–1918]. Saint Petersburg, 2017, 432 p. (In Russ.).
4. Hodyakov M. V., Chzhao Ch. *Trudovaya migraciya kitajcev v Rossiju v gody Pervoj mirovoj vojny* [Chinese labor migration to Russia during the First World War]. *Novejshaya istoriya Rossii* [The Newest History of Russia], 2017, no. 1, pp. 7–30. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Змеева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Zmeeva — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 94(470.21) «19»
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.004

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ПЕРВЫХ МУРМАНЧАН (К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ ГОРОДСКОМ КЛАДБИЩЕ МУРМАНСКА)

Дмитрий Анатольевич Ермолаев

Государственный архив Мурманской области, Мурманск, Россия, erm-da@yandex.ru

Аннотация

Первое кладбище Мурманска было устроено на склоне сопки между второй и третьей террасами будущего города. Действовало оно недолго, всего несколько лет, но на это время пришлось масштабные потрясения, преобразившие страну и не раз круто менявшие судьбу только что возникшего за полярным кругом поселения. В статье на основании доступных автору источников (главным образом документов Государственного архива Мурманской области) впервые предпринята попытка изложения истории кладбища, рассказано о выдающихся личностях, нашедших там упокоение, прослежены наиболее характерные причины смертности в Мурманске в тот период, приведены воспоминания старожилов.

Ключевые слова

Мурманск, кладбище, склон сопки, место упокоения, эпидемия, антисанитария, могилы, британский участок

Для цитирования

Ермолаев Д. А. Последний приют первых мурманчан (к вопросу о первом городском кладбище Мурманска) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 36–46. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.004.

Original article

THE LAST REFUGE OF THE FIRST MURMANSK RESIDENTS (ON THE QUESTION ABOUT THE FIRST CITY CEMETERY OF MURMANSK)

Dmitry A. Ermolaev

State Archive of the Murmansk Region, Murmansk, Russia, erm-da@yandex.ru

Abstract

The first cemetery of Murmansk was built on the slope of a hill between the second and third terraces of the future city. It did not operate for long, only a few years, but during this time there were large-scale upheavals that transformed the country and more than once radically changed the fate of the newly established settlement in the Arctic Circle. The article, based on sources available to the author (mainly documents from the State Archive of the Murmansk Region), is the first attempt to present the history of the cemetery, talks about the outstanding personalities who found rest there, traces the most characteristic causes of mortality in Murmansk at that time, and presents the memories of old-timers.

Keywords:

Murmansk, cemetery, hillside, resting place, epidemic, unsanitary conditions, graves, British site

For citation:

Ermolaev D. A. The last refuge of the first Murmansk residents (on the question about the first city cemetery of Murmansk). *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 36–46. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.004.

Хоронить умерших в черте будущего Мурманска стали, вероятно, еще в 1915 году, когда началось масштабное строительство порта и железной дороги. Где именно обретали почившие последнее пристанище, доподлинно неизвестно. Возможно, именно там, где находилось позже первое мурманское кладбище. То есть на косогоре между второй и третьей террасой города, в районе улицы Капитана Буркова, давно уже не существующего парка аттракционов и главной городской лестницы, поднимающейся от Мурманского колледжа искусств к первой школе.

Вскоре после официальной церемонии закладки Романова-на-Мурмане, состоявшейся, как известно, 21 сентября (4 октября по новому стилю) 1916 года, министр путей сообщения Александр Трепов докладывал императору Николаю Второму, что «в черте будущего города имеется недурная березовая роща и протекает узким лесистым оврагом ручей. Мною вменено в обязанность строительному

управлению тщательно оберегать от порубок как эту рощу, так и вообще лес, расположенный на живописных местах, пригодных для устройства здравниц и поселений» [цит. по: 1: 24]. На одном из таких лесистых участков, примыкавших к находившемуся ниже конгломерату поселков, из которых впоследствии образовался Мурманск, и появилось кладбище.

Данные о том, почему было выбрано именно это место, на сегодняшний день отсутствуют. Однако положение кладбища кажется странным, поскольку оно находится на возвышенности, что, очевидно, должно было привести (и приводило, о чем ниже) к проблемам санитарного характера. Это, в свою очередь, позволяет выдвинуть гипотезу о стихийном возникновении первого места упокоения мурманчан, с которым впоследствии были вынуждены смириться городские власти. Но пока это только версия, не подтвержденная источниками. Во всяком случае, документы свидетельствуют о том, что уже в конце 1916 года умерших жителей только-только возникшего поселения погребали «на городском кладбище г. Романова» (рис. 1).

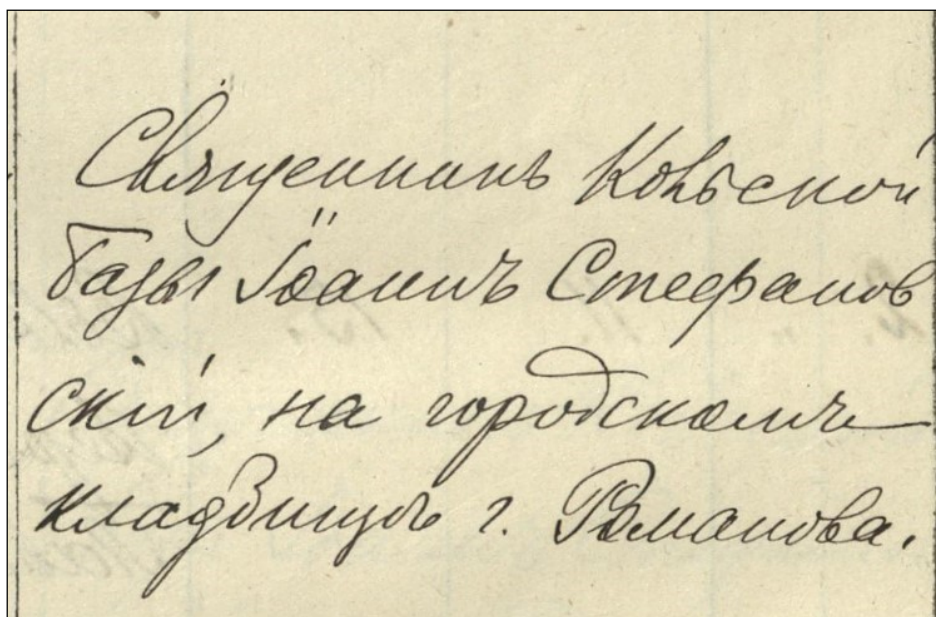

Рис. 1. Одна из первых сохранившихся записей о погребении на городском кладбище города Романова. 29 декабря 1916 года¹

На «неправильное» расположение кладбища строители города обратили внимание очень скоро. На межведомственном совещании по рассмотрению и согласованию плана Мурманска и вопросам благоустройства, состоявшемся 5 октября 1917 года, архитектор Павел Алешин, разработывавший проект городской планировки, особо подчеркнул, что предполагаемый к сооружению «Мурманский собор будет построен на доминирующей над Мурманском высокой горе, помещающейся выше нынешнего кладбища, которое переносится на территорию к югу от жилого района. На месте же старого кладбища будет разбит парк с монументом в память тех первых тружеников по сооружению Мурманска — города, порта, железной дороги, трудами которых положено начало развития края» [1: 45].

В общем, так уж получилось, что в городе, возникшем в условиях Первой мировой войны, где благоустройство и нормальная жизнь были как бы отложены до ее окончания, где почти всё, включая население, имело временный характер, временным очень скоро стало считаться и место упокоения мурманчан.

«Правильное» кладбище планировалось обустроить на южной оконечности города, за Варничным ручьем в районе, примыкающем к современным «Мурманск Моллу» и Мурманской ТЭЦ. Место, отведенное под него, находилось, как сообщал позднее заведующий санитарно-эпидемиологическим

подотделом мургубздравотдела Головин, «на плоскогорье подошвы горы со скатом плоскости в западном, северном и восточном направлении. Почва болотистая, покрытая толстым слоем торфа, и под торфом песок и камень, почвенная вода встречается на глубине 5–6 четвертей аршина»².

Главной проблемой нового кладбища было отсутствие подъездных путей. Выдающийся градостроитель, профессор Григорий Дубелир, работавший над созданием самого северного в мире заполярного мурманского трамвая, в пояснительной записке к его проекту подчеркивал, что «в будущем возможна постройка ответвления... по направлению к кладбищу»³. Но из-за охвативших страну исторических катаклизмов масштабные планы так и не воплотились в жизнь. Трамвай в Мурманске не появился, и о рельсах к предполагаемому месту последнего приюта горожан оставалось только мечтать. Более того, из-за болотистой почвы туда долгое время не удавалось провести даже грунтовую дорогу. Отсутствие нормального сообщения, естественно, тормозило перенос кладбища, хотя такие попытки предпринимались неоднократно.

27 августа 1918 года Управление строительных работ сообщило в Городостройку, что «переноска кладбища в настоящее время невозможна из-за недостатка рабочей силы»⁴. В марте 1919 года к новому кладбищу решили для начала хотя бы проложить дорогу, но и это мероприятие осталось незавершенным⁵. В августе 1919 года начальник города Мурманска (была в ту пору такая, совершенно официальная должность) Иван Сербинов отметил, что «вопрос уже подобающе решен и кладбище может быть перенесено только зимой»⁶, когда низменный участок местности у ручья замерзнет и будет легче оборудовать подъезд⁷. Но и следующей зимой кладбище перенесено не было.

Между тем, проблемы из-за размещения кладбища на склоне сопки постепенно встали, что называется, в полный рост. 2 августа 1919 года начальник Александровской уездной милиции Василий Сметанин пояснял по этому поводу, что «в г. Мурманске кладбище устроено не в надлежащем месте, на горе, сток воды из которого идет по направлению к населенным местам, что без сомнения загрязняет почву и питьевую воду, а это крайне вредно для здоровья жителей. А потому является необходимым нынешнее кладбище загородить и закрыть, и отвести под кладбище соответствующее своему назначению низменное место по усмотрению санитарной комиссии, при участии духовенства и милиции»⁸.

В дальнейшем ситуация только усугублялась. «Ввиду того, — информировал 28 января 1922 года, в разгар бушевавшей тогда в губернском центре эпидемии тифа, заведующего мурманским губздравотделом Николая Борисова один из сотрудников отдела⁹, — что на кладбище гор. Мурманска почва не позволяет рыть глубоких могил и потому до настоящего времени трупы хоронят не по указанному правилу глубины, а посему прошу вас — дайте от себя соответствующее распоряжение о том, чтобы кладбище гор. Мурманска обрыли бы кругом канавой и сделали сток воды в одно место, то есть ниже кладбища вырыть яму, в которую можно было бы провести весь сток воды из кладбища. А если таковой невозможно вырыть и кладбище останется в таком виде, как и сейчас, то весной вода из кладбища будет протекать везде, и будет попадать в те колодцы и водокачки, которые снабжают водой весь Мурманск и, в конце концов, может вызвать эпидемию заразы какой угодно»¹⁰.

10 февраля 1922 года завгубздравотделом Борисов предложил «обратить внимание на благоустройство кладбища»¹¹. В частности, он ходатайствовал о его огораживании, поясняя, что оно «является угрозой эпидемии, в особенности при наступлении весны»¹². Что, впрочем, не смогло сколь-нибудь серьезно изменить ситуацию.

Антисанитарное состояние кладбища до поры до времени не приводило к его закрытию. И, конечно, не останавливало естественного хода вещей. Мурманчане или, как их тогда называли, мурманцы уходили в мир иной, и их продолжали хоронить на склоне между террасами. Поскольку основное количество умиравших было православными, то и напутствовали их в последний путь по православному обряду. К месту погребения покойников в условиях неблагоустроенных, а порой и вовсе труднопроходимых мурманских коммуникаций тех лет доставляли с помощью лошадей¹³.

Самым известным человеком, похороненным на первом мурманском кладбище, стал Главный начальник Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда судов Казимир Кетлинский, застреленный неизвестными лицами 28 января 1918 года. В метрической книге мурманской Свято-Никольской церкви отдельно указано, что местом упокоения гланамура является именно городское

кладбище¹⁴ (рис. 2). Это, в свою очередь, вступает в противоречие с мемуарами дочери Кетлинского Веры Казимировны, известной советской писательницы, утверждавшей, что отца закопали прямо возле их дома в районе Военно-морской базы¹⁵. А также с легендой о том, что на могилу Кетлинского якобы наткнулись при строительстве в тридцатые годы минувшего века Дома межрейсового отдыха моряков Тралового флота¹⁶. В данном случае предпочтение, на наш взгляд, следует отдать официальному документу, каковым является метрическая книга.

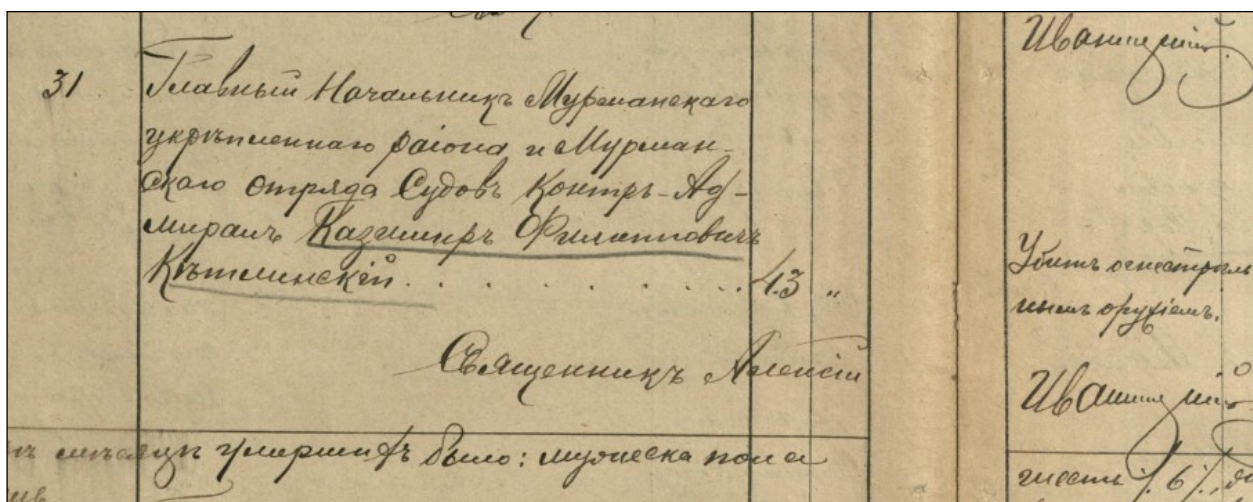

Рис. 2. Запись в метрической книге об убийстве адмирала К. Ф. Кетлинского¹⁷

По метрическим книгам и материалам отдела записи актов гражданского состояния, в которых сохранена информация об умерших, можно проследить некоторые особенности мурманской жизни тех лет. К ним относится и высокая младенческая смертность (мурманские бараки-чемоданы были мало приспособлены для женщин и детей), и эпидемии «инфлюэнции» и сыпного тифа в зимний период 1919–1920 и 1921–1922 годов, и регулярно встречающиеся смерти от цынги¹⁸.

Политические и военные события отразились в записях о похоронах сербских воинов, как православных представителей союзных сил, датских добровольцев, штурмана Андрея Семеновича Субботина, убитого при потоплении парохода «Федор Чижов» немецкой подводной лодкой в мае 1918 года, жертв антибелогвардейского переворота 21 февраля 1920 года¹⁹.

Одним из тех, кто погиб в ходе «мурманской революции», как именовали тогда переворот, стал Андрей Федорович Палатников, в 1918 году заведовавший отделом народного просвещения Мурманского краевого совета, затем бывший редактором газеты «Мурманский вестник», а впоследствии командовавший взводом военной милиции, предназначенным для поддержания порядка, охраны складов и ночного патрулирования в Мурманске [2: 327]. О его похоронах последовало особое распоряжение от Ивана Александрова, ставшего после смены власти председателем президиума временного мурманского исполкома²⁰.

К социально-бытовым особенностям мурманского бытия тех времен можно отнести заканчивавшиеся порой летальным исходом «отравления древесным спиртом», «отравления денатуральным спиртом» и другими спиртосодержащими жидкостями, гибель от огня (пожары нередко случались в Мурманске в первые годы его существования), смерти, произошедшие в результате уголовных преступлений²¹. Особняком здесь стоит убийство 26 февраля 1921 года 18-летней конторщицы 26-летним сотрудником особого отдела, который после этого застрелился сам²².

Следует отметить, что имеющиеся в архиве материалы о людях, похороненных на первом мурманском кладбище, до мая 1920 года представлены только метрическими книгами и касаются, за считанными исключениями, лишь православных. Где хоронили протестантов, мусульман, проживавших в городе китайцев и корейцев — непонятно. Возможно, на том же кладбище, фиксируя

эту информацию в других, не известных пока источниках или не фиксируя вовсе. Только начиная с мая 1920 года, после перехода функции ведения учета умерших от православной церкви к светским властям, в записях мурманского ЗАГСа появляется информация о погребениях на кладбище людей разных национальностей и вероисповеданий²³.

К оборудованию нового кладбища городские власти всерьез приступили в 1922 году. На заседании мургубвоенревкома 6 января 1922 года представителю отдела коммунального хозяйства Зимину было предложено «подыскать более удобное место для кладбища». Собственно, искать ничего не приходилось, поскольку место у южной оконечности Мурманска близ Варничного ручья оставалось единственной альтернативой склону сопки. В отличие от предыдущих попыток переноса кладбища, эта увенчалась успехом. Прежде всего потому, что пути сообщения между городом и кладбищем были, наконец, проведены.

В июне 1922 года появилось обязательное постановление коммунального отдела Мурманского губернского исполкома, в котором до сведения населения доводилось следующее: «§ 1. Предлагается всем гражданам, проживающим в гор. Мурманске, похороны умерших на старом кладбище (на горе) с момента объявления настоящего постановления ни в коем случае не производить. Лица, замеченные в нарушении настоящего постановления, будут привлекаться к ответственности по закону. § 2. Впредь похороны умерших производить на новом кладбище, которому присвоено наименование «новое». § 3. За отведением места для могил в каждом случае обращаться в губкомхоз. Лица, производящие похороны без ведома комхоза, будут привлекаться к ответственности. § 4. Кладбище находится в южной части города в районе Халдеева мыса, за Варничным ручьем, куда проходит узкоколейная железная дорога из центра города по Варяжскому проспекту, а также грунтовая, выходящая с улицы Красного флота. § 5. Наблюдение за выполнением настоящего постановления возлагается на губмилицию»²⁴ (рис. 3).

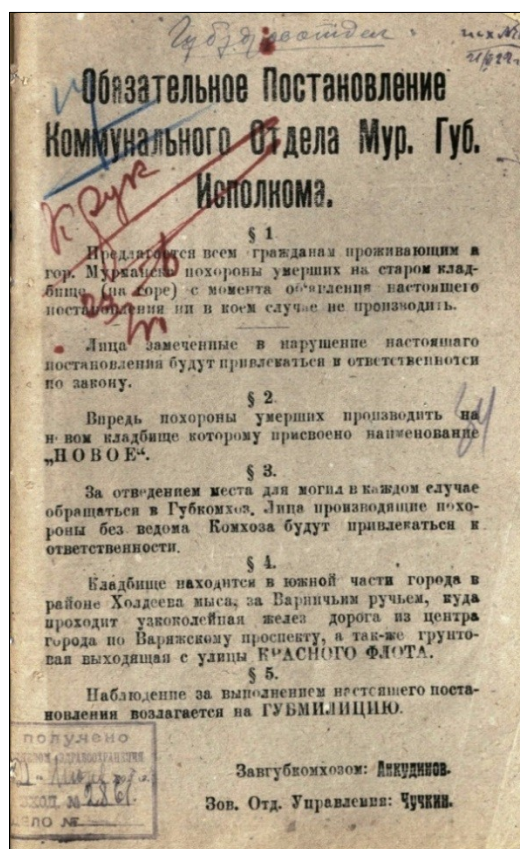

Рис. 3. Обязательное постановление коммунального отдела Мургубисполкома о переносе кладбища. 1922 год²⁵

16 августа 1922 года на новом городском кладбище было совершено первое погребение. К октябрю 1922 года на нем имелось уже около 40 захоронений. Вскоре обнаружили там и свои санитарные проблемы. «По концам кладбища имеются канавы для стока почвенной воды, и вода из них течет в овраг Варничного ручья, — указано в одном из отчетов. — Устранить загрязнение Варничного ручья сточной водой с кладбища можно только перенесением кладбища в другое место, устроить же сток в другое место не позволяет наклон почвы»²⁶. Но так как кладбище находилось на окраине, а не в центре, власти города на какое-то время с этим смирились.

Несмотря на строгие запреты, на протяжении еще как минимум нескольких лет на старом кладбище продолжали погребать мурманчан. А поскольку жизнь в Мурманске имела тогда несколько анархический характер, строгий учет и контроль только налаживались, порой похороны совершались родными и близкими усопших самостоятельно, без какого бы то ни было уведомления властей и, соответственно, без получения официального разрешения.

Дошло до того, что 28 июля 1923 года отдел коммунального хозяйства разместил в газете «Полярная правда» сердитое объявление, еще раз объяснив непонятливым гражданам, что «существующие в гор. Мурманске два кладбища находятся в непосредственном ведении Мурманского откомхоза, который один и имеет право отводить места на кладбищах под могилы, предоставляя желающим пользоваться его услугами за плату по производству самих похорон. В последнее время наблюдались случаи, когда граждане города Мурманска хоронили умерших на кладбищах самовольно, не доводя до сведения откомхоза, причем нарушалась симметрия кладбищ и трупы закапывались недостаточно глубоко. Откомхоз предупреждает, что за самовольные похороны он будет привлекать виновных к законной ответственности»²⁷.

Отдельно следует упомянуть о наличии на первом кладбище британского участка, где в ходе интервенции хоронили подданных Соединенного Королевства²⁸. Самой видной фигурой из иностранцев, обретших последний приют на склоне мурманской сопки, стал майор Фосетт, сыгравший важную роль в подписании 2 марта 1918 года «Словесного соглашения о совместных действиях англичан, французов, русских по обороне Мурманского края», явившегося предвестником будущей интервенции. Затем он вошел в состав Мурманского военного совета и представлял в нем английские вооруженные силы [3: 13].

Упокоился там и лейтенант Пламpton, убитый мурманскими уголовниками 25 декабря 1918 года. На том же мурманском кладбище, но в другом месте закопали и тела его убийц, приговоренных к расстрелу. Британская газета *Hartlepool Northern Daily Mail* информировала читателей, что расстреливали их «на голом холме над кладбищем мрачным январским утром, вскоре после рассвета. Британцы и русские стреляли вместе при свете электрических фонарей. Было сделано три залпа. Впоследствии тела захоронили в могилах, изготовленных отделением саперов в промерзшей земле при помощи взрывчатки»²⁹.

В 1925 году «британское правительство, желая сконцентрировать разбросанные могилы британских солдат в Мурманске», обратилось к губернским властям с просьбой «о предоставлении... земельного участка размером 70 × 112 футов в арендное пользование на общих основаниях для перенесения останков погребенных на нынешнем Британском кладбище британских солдат». Изначально предполагалось, что этот участок будет отведен на новом городском кладбище³⁰.

Положительному решению этого вопроса, вероятно, способствовали и непрекращающиеся жалобы на антисанитарное состояние старого кладбища вообще и его британского участка в частности. Так, 27 мая 1926 года мурманский горсовет предложил «отместхозу совместно с губздравотделом проработать вопрос о ликвидации старого английского кладбища ввиду антисанитарии такового, служащего источником заражения подземных вод питающихся колодцев»³¹.

Решение о переносе британских могил подтвердили и центральные власти. «Что касается британского кладбища в Мурманске, — пояснял 17 марта 1927 года управделами Управления уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел при правительстве РСФСР Колчановский, — то, в связи с предполагаемой перепланировкой города, кладбище придется перенести в другое место, вне пределов города». Далее он подчеркнул, что останки погребенных солдат будут перемещены согласно существующим в СССР санитарным нормам³².

Работы по оборудованию нового британского кладбища, находящегося, если иметь в виду современную городскую географию, на Планерном поле, за торгово-развлекательным комплексом Plazma, вблизи корпусов акционерного общества «Норд-Вест Ф. К.», состоялись в 1930–1931 годах. Всего было перенесено на новое место 40 могил³³.

К середине 1920-х годов город начал активно расти, обступая территорию кладбища по сторонам³⁴. Похороны на склоне сопки прекратились. Если объединить данные доступных источников и попробовать спрогнозировать информацию о погребениях, оставшихся за их рамками, получится, что количество захоронений на первом городском кладбище приближается к тысяче³⁵. Разумеется, эта цифра очень неточна и ее необходимо корректировать. Представляется, однако, что, учитывая отсутствие до мая 1920 года информации по людям неправославных вероисповеданий, число погребений может быть и больше.

Дальнейшая судьба старого кладбища оказалась печальной. Уже в 1930-е годы его район частично подвергся застройке. Еще десятилетие спустя от кладбища уже мало что оставалось. Ситуацию, какой она была в первые послевоенные годы, в очерке «Мой Мурманск» описал известный мурманский писатель Борис Блинов [4], учившийся тогда в практически примыкавшей к кладбищу первой мурманской школе:

«Мы поднимались вверх и по склону сопки добирались до школы, — вспоминал он. — Сопка была пустыня, мох, кустики ягод попадались по дороге, но приметней были надгробные камни и сами гробы, вымываемые по весне ручьями. На середине пути, примерно там, где сейчас колесо обозрения, находилась высокая стела из белого камня с выбитым на ней именем английского лейтенанта и годом смерти — 1919. Потом откуда-то возник слух, что лейтенант этот знатного происхождения, чуть ли не королевской крови.

Много позже Александр Сергеевич Храповицкий³⁶ прояснил непонятную тогда картину. «В начале 20-х здесь находилось городское кладбище. На склоне сопки, в которую упирается сейчас улица Воровского, существовал овраг, и могилы располагались по бокам этого оврага. Стояли на могилах и христианские кресты, и магометанские полосатые столбы с полумесяцем и доски с иероглифами, окрашенные в желтый и синий цвета. Много было в городе тогда татар, китайцев.

Склон сопки использовался и для захоронения убитых иностранцев, высадившихся в Мурманске в 1918 году. Это кладбище существовало и в 20-е годы. В 1925–1927 годах по просьбе родственников могилы иностранцев были вскрыты, прах перекладывался в оцинкованные гробы, которые отвозили на стоящий в порту пароход. Проводились работы ночами».

Откуда взялись гробы теперь понятно, но с перезахоронением иностранцев далеко не все ясно. Я не подвергаю сомнению слова Александра Сергеевича, но то, что видел сам, этому несколько противоречит. Когда в начале пятидесятых строили новую, еще деревянную лестницу на гору, ученики первой школы помнят, какое количество черепов, останков обнаруживалось едва ли не в каждой яме. Вместе с костями по всему склону валялись части амуниции, шинельного сукна, ремней с пряжками, ботинок — все явно не нашего производства. Видимо, какая-то часть останков действительно была перенесена на английский пароход или кладбище “интервентов”, которое находится на территории совхоза “Полярный”, но только часть.

Нам, школьникам, предоставлялась полная возможность обращаться с останками по своему усмотрению и, надо сказать, никакого почтения к “врагам” мы не испытывали. Так нам было внушено и так мы поступали. Запоздалое раскаяние не оправдывает нашего пренебрежения» [5: 27–28].

Положение, сложившееся в конце 1950-х годов, кратко обрисовал в интервью мне известный мурманский журналист Василий Белоусов. Мы говорили на другую тему — о мурманских стилягах. «Стиляги всегда околачивались в центре, — рассказывал Василий Сергеевич. — На Пяти углах, в сквере у ДК Кирова, на лестнице у первой школы. На склоне, где теперь колесо обозрения, тоже собирались. Выпьют и начнут показывать себя. Там было кладбище, могилы. Частенько, особенно по весне, кусок земли отвалится и станет видна крышка гроба. На нее ставили бутылку, стаканы, клали закуску. Там стояли сараи и за сараями снизу не видно. А в солнечные дни, на припеке — очень даже комфортно можно было разместиться. Пустые бутылки и остатки закуски забирали бичи, а стаканы не трогали, они оставались до следующего раза. Такой был обычай»³⁷.

В 1967 году деревянную лестницу между улицами Воровского и Капитана Буркова сменила каменная, бетонная (рис. 4). В 1970-е годы на территории бывшего кладбища появился парк аттракционов с колесом обозрения (рис. 5). На рубеже 1970–1980-х годов по обеим сторонам главной городской лестницы поднялись девятиэтажки [6: 121].

Память о кладбище сохранялась лишь в воспоминаниях старожилов. *«Здесь много святых мест для меня, — писала мурманчанка Фиала Гафарова. — Вот спуск от первой школы, лестница. Здесь был похоронен мой дед, Ишмухамедов Сулейман. В 1921 году в Поволжье был сильный голод он вместе с семьей приехал в Александровск, ныне Полярный, Архангельской губернии. Так его дочь и сын (мои мама и дядя) оказались в Заполярье. Дядя, Ишмухамедов Исхак, впоследствии стал первым учителем мусульманской школы»* [6: 121].

С уходом людей старшего поколения память о первом месте упокоения мурманчан стиралась, гасла, исчезала. Сегодня уже мало кто помнит о том, что было прежде на склоне сопки между двумя террасами.

Вот так частично застроенное, частично разоренное потомками тех самых мурманчан, которые были там похоронены, исчезло с лица земли самое старое мурманское кладбище. К концу 60-х годов ушедшего столетия пропали его последние следы. Сегодня уже ничего не напоминает о том, что когда-то здесь было место упокоения первооткрывателей областного центра. Но, как известно, прошлое живет, пока существует память о нем. Так будем помнить. И, поднимаясь по главной городской лестнице или проходя по улице Капитана Буркова, поклонимся мысленно людям, с которых начинался Мурманск.

Рис. 4. Главная городская лестница, проходящая по территории первого городского кладбища. 1970-е годы

Рис. 5. Парк аттракционов на месте первого мурманского кладбища. 1980-е годы

Список сокращений

ГАМО — Государственный архив Мурманской области

Губкомхоз — губернский отдел коммунального хозяйства

ДМО — Дом межрейсового отдыха моряков Тралового флота

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ТЭЦ — теплоэлектростанция

Примечания

¹ ГАМО. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2. Л. 57. Запись в метрической книге от 29 декабря 1916 г.

² Глубина примерно от 88 до 105 см. См.: ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 2. Л. 182.

³ Научно-справочная библиотека ГАМО. Эскизный проект электрического трамвая в г. Мурманске. Пояснительная записка. Л. 21 об.

⁴ ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 1. Л. 118.

⁵ ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁶ ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁷ ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 2. Л. 182.

⁸ Там же.

⁹ Подпись неразборчива.

¹⁰ ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 2. Л. 84, 84 об.

¹¹ ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 14. Л. 32 об.

¹² ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

¹³ ГАМО. Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 25. Л. 308.

¹⁴ ГАМО. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2. Л. 119.

¹⁵ «За нашим домом среди низкорослых березок у края глубокой ямы стоял гроб, покрытый красным флагом. Я смотрела на этот длинный ящик и не верила, что там навсегда скрыт мой папа. Наша непоседливая

мама как встала у гроба, крепко стиснув наши руки, так и застыла — не шевелясь, не плача. Отпел, откадил свое священник. Матросский оркестр заиграл “Вы жертвою пали...”. Потом были речи, в них повторялось — контрреволюция, провокация, происки, — а мне все казалось, что надо встряхнуться, очнуться от этого ужаса — и все будет по-прежнему» [5: 197].

¹⁶ «При сооружении первого ДМО произошел такой случай, о котором рассказал Борис Ошерувич, он тогда был прорабом этой стройки: “Экскаватор рыл котлован под северную часть будущего здания. Вдруг машине стало что-то мешать. Решили, что это очередной валун — из тех, что часто попадаются в северном грунте. Когда “валун” немного откопали, оказалось, что это ящик. Раскрыли ящик — там цинковый гроб. Вскрыли его, а там гроб деревянный. И в нем в полной парадной форме лежит адмирал. Выяснилось, что это контр-адмирал Кетлинский, бывший командир крейсера “Аскольд”. Именно он привел в Мурманск этот военный корабль в 1917 году и затем был назначен Гланамуром. Адмирала перезахоронили”. А куда — неизвестно». [6: 70].

¹⁷ ГАМО. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2. Л. 119.

¹⁸ ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 95. Л. 97–99; ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 89. Л. 388.

¹⁹ ГАМО. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2. Л. 123; ГАМО. Ф. И-38. Оп. 1. Д. 6. Л. 38; ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 85. Л. 103; ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 89. Л. 327.

²⁰ ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 89. Л. 321.

²¹ ГАМО. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2. Л. 57 об.

²² ГАМО. Ф. Р-1648. Оп. 1. Д. 17. Л. 26–27 об.

²³ ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 95. Л. 121.

²⁴ ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАМО. Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 2. Л. 182 об.

²⁷ Полярная правда. 1923. 28 июля. С. 4.

²⁸ До недавнего времени в районе бывшего британского участка первого мурманского кладбища находилась двухметровая бетонная стела. В 2018 году ее перенесли к современному месту расположения британских захоронений. По одной версии, она представляет собой памятник погибшим британцам, по другой — является реперным знаком, установленным когда-то геодезистами. Есть и иные предположения, подтвердить или опровергнуть которые из-за отсутствия документов затруднительно, а потому оставим эту тему будущим исследователям.

²⁹ Расследование этого преступления стало одним из самых громких уголовных дел в Мурманске в годы Гражданской войны. См. Ермолаев Д. А. Покушение на высшую силу // Мурманский вестник. 2018. 6 сент. URL: <https://www.mvestnik.ru/our-home/pokushenie-na-vysshuyu-silu/> (дата обращения: 02.04.2024).

³⁰ ГАМО. Ф. Р-114. Оп. 1. Д. 51. Л. 22.

³¹ ГАМО. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

³² ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 189. Л. 47.

³³ ГАМО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 12. Л. 48; ГАМО. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 3. Л. 64, 65; ГАМО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 189. Л. 48.

³⁴ ГАМО. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 63. Л. 65 об.

³⁵ ГАМО. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 2; ГАМО. Ф. И-38. Оп. 1. Д. 5, 6; ГАМО. Ф. И-136. Оп. 1. Д. 89, 95; ГАМО. Ф. Р-1648. Оп. 1. Д. 17, 23, 26.

³⁶ Храповицкий А. С. (02.08.1916 — 25.02.1992) — почетный гражданин Мурманска, изобретатель, рационализатор, краевед, спортсмен. Жил в Мурманске с 1930 года.

³⁷ Из архива автора.

Список источников

1. Мурманск: начало пути. 1916–1940 гг.: Сборник документов / сост. С. А. Заборщикова и др. Мурманск: Тореал, 2016. 402 с.
2. Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев. Сборник документов / сост. Е. А. Волосникова и др. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2006. 339 с.

3. Федоров П. В. Кладбища Мурманска. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1995. 52 с.
4. Блинов Б. Н. Мой Мурманск // Мурманский берег. 1993. № 2. С. 27–28.
5. Кетлинская В. К. Вечер. Окна. Люди. М.: Молодая гвардия, 1974. 560 с.
6. Киселев А. А. Мурманск в истории улиц и площадей. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 2006. 301 с.

References

1. *Murmansk: nachalo puti. 1916–1940 gg.* [Murmansk: the beginning of the journey. 1916–1940]. Murmansk, Toreal, 2016, 402 p. (In Russ.).
2. *Grazhdanskaya voyna na Murmane glazami uchastnikov i ochevidtsev. Sbornik dokumentov* [The civil war in Murman through the eyes of participants and eyewitnesses. Collection of documents]. Murmansk, Murmanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2006, 339 p. (In Russ.).
3. Fedorov P. V. *Kladbishcha Murmansk* [Cemeteries of Murmansk]. Murmansk, Murmanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1995, 52 p. (In Russ.).
4. Blinov B. N. *Moy Murmansk* [My Murmansk]. *Murmanskiy bereg* [Murmansk coast], 1993, No. 2, pp. 27–28. (In Russ.).
5. Ketlinskaya V. K. *Vecher. Okna. Lyudi* [Evening. Window. People]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1974, 402 p. (In Russ.).
6. Kiselev A. A. *Murmansk v istorii ulits i ploshchadey* [Murmansk in the history of streets and squares]. Murmansk, Murmanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2006, 301 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Ермолаев — начальник Отдела научного использования и публикации архивных документов Государственного архива Мурманской области.

Information of the author

D. A. Ermolaev — Chief of Department of Scientific Use and Publications of Archival Documents, State Archive of Murmansk region.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 11.04.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 001.891.3
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.005

ТУРИЗМ И ПАЛОМНИЧЕСТВО В ЗАРУБЕЖНОЙ АНТРОПОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ: ВВЕДЕНИЕ В ДИСКУССИЮ

Алена Сергеевна Давыдова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, a.davidova@ksc.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>*

Аннотация

В статье представлены основные зарубежные концепции, позволяющие рассмотреть туризм с позиций двух наук — антропологии и социологии. Исследования ученых позволяют погрузиться в интересную дискуссию о том, как изучался туризм. Отдельно рассматривается продолжающееся до настоящего момента обсуждение связи туризма с паломничеством. Дихотомия паломник/турист признается многими учеными устаревшей, но в ряде исследований, тем не менее, выступает как концептуальная основа.

Ключевые слова:

туризм, паломничество, антропология, социология

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Давыдова А. С. Туризм и паломничество в зарубежной антропологии и социологии: введение в дискуссию // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 47–54. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.005.

Original article

TOURISM AND PILGRIMAGE IN FOREIGN ANTHROPOLOGY AND SOCIOLOGY: INTRODUCTION TO THE DISCUSSION

Alena S. Davydova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity,
Russia, a.davidova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7967-5953>*

Abstract

The article presents the main foreign concepts that allow us to consider tourism from the perspective of two sciences — anthropology and sociology. Research allows you to dive into interesting discussions about how tourism has been studied. Separately, the discussion of the connection between tourism and pilgrimage, which continues to this day, is considered. The pilgrim/tourist dichotomy is recognized by many scientists as outdated, but in a number of studies it nevertheless acts as a conceptual basis.

Keywords:

tourism, pilgrimage, anthropology, sociology

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Davydova A. S. Tourism and pilgrimage in foreign anthropology and sociology: Introduction to the discussion. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 47–54. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.005.

Введение

Отношение к туризму как к прикладной и междисциплинарной области исследований привело к тому, что различные науки сделали его предметом своих интенсивных научных изысканий [1]. В свою очередь, такие науки, как антропология и социология, способствовали теоретическим и методологическим разработкам в области исследований туризма в уникальном формате [2]. Хотя эти науки имеют много общего, у них разные дисциплинарные традиции. Исследования антропологов

посвящены человеческой культуре и культурному разнообразию, тогда как социологи занимаются исследованием общества, его структурой, социальным поведением, практиками и социальными институтами. При этом провести четкую границу между вкладом антропологии и социологии в изучение туризма непросто [2–4]. Во вступлении к книге «Исследование туризма: антропологические и социологические начала» Д. Нэш [4] предлагает рассматривать антропологический и социологический подходы к туризму вместе, утверждая, что эти две дисциплины имеют схожую историю развития методологии его изучения, которая значительно пересекается и представляет собой взаимопроникновение обеих наук. Обратимся к истории исследований туризма в конкретных областях знаний и наиболее популярным концепциям.

Исследования туризма

В конце XIX века путешествия утратили свой аристократический характер и стали определять себя, по существу, как буржуазный опыт. Достижения в области транспортных и коммуникационных технологий, а также популяризация досуга как формы проведения свободного времени привели к увеличению количества поездок и разнообразию направлений для путешествий. За относительно короткий период времени того, кого ранее называли путешественником, стали называть туристом. Социологи не оставили без внимания ни эти изменения, ни их социальные последствия. Однако это не означает, что туристический феномен сам по себе занял центральное место в исследованиях тех, кого сейчас мы называем отцами-основателями социологии. Статус туризма как «социального факта *sui Generis*»¹ по выражению Э. Дюркгейма, возник не сразу. В течение значительного периода времени существовал разрыв между значениями туризма как социального явления и как самостоятельного объекта социологической рефлексии.

Д. Макканел объяснял незаинтересованность социологов в исследованиях туризма тем, что он плохо вписывается в категории социологии, такие как институты, классы, урбанизм, девиация. Не ограничивается он и каким-либо «большим нарративом» — ни капитализмом, ни социализмом, ни модерностью, ни постмодерностью. Туризм словно плавно проходит сквозь все сферы общества, и его можно изучать как многомерное и самостоятельное явление [5].

В этом смысле не удивительно, что преобладающие в самом начале подходы строились вокруг оппозиции между тем, что было, вероятно, подлинным поиском неизведанного (путешествие), и тем, что можно назвать туризмом (когда предполагалось, что туризм — это заранее запланированные каникулы). Здесь можно выделить два подхода, которые появились в 1960-х годах. 1. Для Г. Энценбергера, ученика Т. Адорно и М. Хоркхаймера, туризм — наряду с кино, радио, телевидением, модой и религией — следовало понимать как один из основных продуктов индустрии, которая была призвана поощрять эскапизм и ностальгию [6]. 2. Д. Бурстин же утверждал, что на смену индивидуальным путешественникам, исследователям и романтикам пришли массовые туристы, стремящиеся насладиться заранее сфабрикованными событиями, так как они, не покидая “bubble of protection”², который обеспечивается отелем и организованным туром, «изолируют» себя от окружающего мира [7]. В том и другом вариантах отчетливо прослеживается противопоставление туризма путешествию. В этом плане путешествие рассматривалось как нечто более подлинное.

В 1970-е годы социологи и антропологи стали рассматривать туризм как самостоятельное явление [4], но в большинстве своем исследования были посвящены изучению влияния туризма на принимающие сообщества. Отмечались, в основном, отрицательные последствия туризма, когда последний рассматривался как синоним эксплуатации, воплощение разрушительной силы общества потребления и угроза балансу принимающих сообществ [8; 9]. Надо отметить, что до этого момента упор был сделан исключительно на экономической составляющей туризма [8; 10; 11] и его элементах, которые рассматривались гуманитарными науками в ряде других контекстов [12: 9].

Активному развитию интереса к исследованиям туризма как самостоятельной области способствовал тот факт, что в 1976 году старые границы между культурами, национальностями, этнической принадлежностью, религиями и регионами во многих странах стали открытыми, и у туристов появилось много возможностей проникнуть в разные уголки нашей планеты. Достопримечательности оказались отличной символической заменой ценностей, отношений

и событий, которые формируют значение мира туриста. В настоящий момент туристы продолжают путешествовать повсюду, рассказывают о полученном опыте в Сети (что предполагает публичную передачу опыта): они буквально трогают, нюхают, фотографируют, обсуждают достопримечательности и рассказывают об увиденном всем, кто захочет их слушать.

Приблизительно в тот же период начинают развиваться ранние теории туризма: первая была развита антропологом Н. Грабурном [13] и социологом Д. Макканеллом [5], которые стремились понять происхождение туризма и его символическое значение, а вторая была выдвинута Д. Нэшем [14] и Т. Нуньесом [15], в ней основное внимание уделялось социальным, политическим, экономическим и экологическим последствиям развития туризма [см. также 16; 17]. Остановимся подробнее на первой.

Д. Макканелл указал, что турист как концепт подразумевает два смысла: 1) «реальный человек» и 2) «модель для современного человека в целом». Д. Макканелл, опираясь на структурную антропологию К. Леви-Стросса и теорию примитивной религии Э. Дюркгейма, рассмотрел туризм как символ отчуждения от повседневной, современной жизни: «Современные люди считают, что реальность и подлинность находится где-то в другом месте: в других исторических периодах и культурах, в более чистом и простом образе жизни» [5: 42].

Теория Д. Макканела частично является реакцией на более раннюю, уже упомянутую, работу Д. Бурстина [7], для которой туризм, по сути, является отклонением от нормы, тривиальной, легкомысленной, поверхностной и опосредованной деятельностью. Д. Бурстин с сожалением пишет о том, что ранее путешествия были индивидуальным, кропотливым и образовательным трудом, а в настоящее время современные (массовые) туристы — не более чем гедонисты, не способные непосредственно ощутить реальность, следовательно, они получают удовольствие от надуманных впечатлений, достопримечательностей и «псевдособытий», созданных индустрией туризма и СМИ. В дополнение к сказанному в вышеупомянутой научной дискуссии того времени Э. Коэн указывал, что большинство туристов просто хотят хорошо провести время, то есть путешествовать ради удовольствия. И лишь немногие из неинституционализированных разновидностей путешественников (он называет их независимыми) ищут смысл в своей жизни, путешествуя по миру, населенному так называемым Другим [18].

Главная особенность концепции туризма Н. Грабуерна заключается в том, что он противопоставлен повседневности. Ключевое отличие состоит в понимании цели туризма, который должен обновить человека для мира повседневной жизни, так как позволяет уйти от работы и дома, расслабиться, удалиться от всего мирского, например от постоянно звонящего телефона [13]. Исходя из данной модели, сидеть дома и не работать считается неподходящим для нормальных людей, как и не уезжать на время отпуска куда-нибудь, будто что-то контрастирующее может происходить только вдали от дома, иначе это «вообще не отпуск». Само слово «отпуск» происходит от латинского «vacare», что означает «оставить свой дом пустым» и подчеркивает тот факт, что мы не можем нормально отдыхать дома. К людям, оставшимся дома и не уехавшим, могут относиться с пренебрежением, считать их заскорузлыми. Те, кто не путешествуют, расцениваются как люди, находящиеся в неблагоприятном положении. Более снисходительно относятся к престарелым людям, детям, бедным, всем тем, кто не может, по понятным и очевидным для социума причинам, осуществить поездку. Здесь интересным является отношение к работе, включающей в себя обязательные поездки. «Почему-то нельзя путешествовать, когда мы работаем, так же, как нельзя работать, когда мы путешествуем» [13: 19]. При этом человек, сидящий дома и занимающийся творческой деятельностью (реконструкция дома, переделка сада или приусадебного участка, серьезное занятие рисованием, письмом, занятиями спортом), разделяет некоторые ценности туризма в этом рекреационном процессе, который является необычным и представляет добровольный выбор со стороны «отдыхающего». Даже отправка детей в лагерь может считаться отпуском для некоторых родителей. Хотя это и не туризм в модальном смысле, но кемпинг, аренда коттеджа у озера или посещение родственников, которые живут далеко, функционируют как виды туризма, пускай их рейтинг на шкале отпуска, включающий новизну и сложность, может быть не таким высоким.

В качестве небольшого итога можно подчеркнуть, что туристы занимают в социальной теории привилегированное положение, поскольку в их коллективных действиях и мыслях явно выражена интенция развития человечества в целом (а не только своекорыстие, «действие», «потребность в достижении» и т. д.), и в этом процессе они не просто пассивные экспериментальные субъекты. По мнению Д. Маккалена, это «последний оставшийся класс, который демонстрирует осознание себя» (consciousness-for-self) [5: 18].

«Турист — наполовину паломник, если паломник — наполовину турист» [19: 20]

На метафорическое определение туристов как паломников во многом повлияла работа антропологов Виктора и Эдит Тернер “Image and pilgrimage in Christian culture”, в которой фраза: «Турист наполовину паломник, если паломник наполовину турист» — стала общеизвестной [19]. Они объясняли это тем, что паломничество, как и туризм, организовано, бюрократизировано и использует ту же инфраструктуру, что и туристические агентства. Они видели очевидные связи между туризмом и паломничеством в качестве как путешествия, так и опыта общения, хотя они различают обязательный характер многих традиционных ритуалов и добровольный характер туризма.

Ученые, исследующие туризм, связанный с религией, по своей сути признают, что многочисленные споры, возникшие вокруг дихотомии паломников и туристов, на сегодняшний день являются весьма актуальными, более того, она представляет собой наиболее обсуждаемую тему, касающуюся религии и туризма в современной литературе [20].

Есть ряд исследователей, предполагающих, что туризм развился из паломничества. Во многом эта точка зрения обусловлена тем, что в средневековой Европе путешествия обычно совершались в основном в религиозных целях, как паломничества, так и крестовые походы; для обычных людей путешествие было трудным и опасным, и даже для правящих классов, которые путешествовали по государственным причинам, поездки требовали больших усилий и защиты [13]. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что паломничество трактовалось ранее как «путешествие, которое совершалось по причинам, связанным с религиозными жертвами» [21: 71]. Б. Пфаффенбергер [22] считает, что современный туризм происходит из давней традиции религиозного паломничества. В то же время ученый выступает против разделения путешествующих на серьезных (благочестивых) паломников и фривольных (гедонистических) туристов. В своем исследовании двух важных и недавно возникших течений паломничества на Шри-Ланке Пфаффенбергер, изучив появление в одних местах веселой и шумной сингальской молодежи, а в других — богатых тамильских индуистов, интересующихся храмовой архитектурой, раскрывает истинный смысл такого поведения в рамках коренных способов паломничества Шри-Ланки.

К. Палмер придерживается мнения, что необходимо отделить паломничество от туризма, а сделать это можно, изучив буквальное использование этих слов [21]. Однако это нам даст лишь ассоциации со словами, а не описание реальных практик и вкладываемый в них культурный смысл. По словам К. Тернбулла, туристы путешествуют в «гедонистических целях», и их опыт относится к взаимодействию с культурным наследием. Паломники же, наоборот, приобретают «чувство принадлежности к религиозному или духовному наследию, а не к культурному» [23: 14].

Интересно, что термин «турист» появился только в начале девятнадцатого века на английском и французском языках, но тип людей, которых можно определить как тех, кого большинство из нас назвало бы туристами, а также их действия, появился задолго до этого. В специальном выпуске «Летописи исследований в области туризма» об отношениях между паломничеством и туризмом В. Смит утверждает, что «встречи с туристами могут быть столь же неотразимыми (как паломничество) и почти духовными в личном смысле» [24: 2]. Исследовательница считает социальное одобрение наиболее важным фактором, отличающим туристов от паломников. Ее наблюдения, аналогичные исследованиям В. Тернера и Э. Тернер [19], показывают, что с точки зрения туризма (внешне) нет никакой разницы между туристами и паломниками: они одинаково проводят свободное время и в большинстве случаев используют одну и ту же инфраструктуру. Паломничество и туризм, с ее точки зрения, могут быть концептуализированы как «две параллельные, взаимозаменяемые дорожки» [24: 15].

Н. Грабурн, в дюркгеймской традиции [25], сопоставляет туризм с трехсторонней структурой обрядов перехода В. Тернера, определяя поиски туриста как «погоню за “священным” (неординарным), отдельно от “обычного” (обыденного)». Важно отметить, что туристов часто метафорически сравнивают с паломниками, которые находятся в «священном путешествии». Туризм рассматривается как светский и универсальный эквивалент религии, действующей в «не такое» время: «даже когда роль туриста и паломника объединены, они обязательно различаются, но образуют континуум неразделимых элементов» [25: 16].

Наиболее логичной в данной дискуссии кажется точка зрения Даниэла Х. Олсона [26]: споры о сходстве и различии между паломниками и туристами возникли из-за того, что многие ученые упустили из виду тот факт, что объекты сравнения — паломник и турист — изучались и продолжают изучаться как идеальные типы, как социально сконструированные предложения «или-или», которые не отражают современную реальность. По сути, ученые и богословы взяли характеристики «идеального» паломника и «идеального» туриста, поместили на шкалу в противоположных концах спектра, что значительно сокращает количество интерпретаций мотивов и целей путешественников и сильно проблематизирует их.

Со временем многие исследователи стали указывать на то, что использование термина «паломник» для описания современных путешествий лучше всего использовать в метафорическом смысле для обозначения туристов, которые путешествуют с целью формирования идентичности [27]. Дихотомия паломника и туриста — устаревший аргумент [28]. Согласимся с тем, что было бы недалеко от истины не признавать, что какое-то определенное поведение человека можно прямо и без оговорок определить как поведение туриста или же паломника. Например, могилы Элвиса Пресли и Джима Моррисона являются туристическими достопримечательностями, где явно присутствует массовый туризм. При этом визиты в Грейсленд и Пер-Лашез гораздо более разнообразны, чем это может показаться на первый взгляд. Рядом с миллионами поклонников таланта короля рок-н-ролла и туристов существуют определенные группы посетителей, для которых религиозный (паломнический) фактор фактически является ведущим мотивом. Грейсленд или Пер-Лашез представляют собой — хотя бы для определенных групп — храмы, которые не секулярны по своей сути и в которые они, следовательно, приезжают, по мнению Д. Олдермана [29], в качестве паломников. «“Типологии” могут определять закономерности, но их следует рассматривать как описывающие различные туристические практики, а не типы людей, как принятые роли, а не социальные категории» [30: 59–60]. Индивидуальная и социальная идентичность в контексте религиозного туризма динамична, изменчива, подлежит обсуждению и меняется в зависимости от обстоятельств, контекста и места людей.

Итак, непрекращающаяся научная дискуссия по поводу дихотомии паломник/турист, помимо того что является чрезвычайно интересной и дает нам новые векторы для размышлений и исследований, в то же время затрудняет разработку четкого инструментария, особенно на этапе операционализации и интерпретации понятий, а соответственно, и разработки опросника. И даже после удачно спроектированной программы исследования могут возникнуть трудности разного характера. Для многих респондентов слово «паломник» оказывается проблематичным ярлыком. Вопрос начинает казаться информантам довольно глупым или неприемлемым, когда их просят определить, является ли он или другой человек паломником или туристом и как с этим, например, связана духовная мотивация [см., например, 31]. Как показали предыдущие исследования, те, кто совершают, по определениям ученых, паломничество, пускай даже в метафорическом смысле, не хотят, чтобы их путешествие связывали с религией или духовностью, это может быть расценено как вторжение в личную жизнь. Так или иначе, дальнейшие исследования по данной тематике являются актуальными и перспективными.

Примечания

¹ Sui Generis — в переводе с латинского — «единственный в своем роде, уникальный».

² Зона комфорта.

Список источников

1. Jafari J. Research and Scholarship: The Basis of Tourism Education // *Journal of Tourism Studies*. 2003. Vol. 14 (1). P. 6–16.
2. Dann G. M. S. The Theoretical State of the Art in the Sociology and Anthropology of Tourism // Special issue from the Biennial Conference of the International Academy for the Study of Tourism. 2005. Vol. 10 (1). P. 3–15.
3. Nash D., Smith V. L. Anthropology and Tourism // *Annals of Tourism Research*. 1991. Vol. 18 (1). P. 12–25.
4. Nash D. The study of tourism: Anthropological and sociological beginning. London: Elsevier Science, 2005. 305 p.
5. MacCannell D. The Tourist. A New Theory of Leisure Class. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1999. 231 p.
6. Enzensberger H. M. Theory of tourism // *New German Critique*. 1996. Vol. 68. P. 117–135. DOI: <https://doi.org/10.2307/3108667>.
7. Boorstin D. J. The Image: a Guide to Pseudo-Events in America. New York: Vintage Books, 2004. 319 p.
8. Turner L., Ash J. The Golden Hordes: International Tourism and the Pleasure Periphery. London: Constable, 1975. 319 p.
9. Smith V. L. Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. 341 p.
10. Crick M. Representations of International Tourism in the Social Sciences: Sun, Sex, Sights, Savings, and Servility // *Annual Review of Anthropology*. 1989. Vol. 18. P. 307–344.
11. Scott J., Selwyn T. Introduction: Thinking Through Tourism: Framing the volume. In: *Thinking through tourism*. London: Routledge, 2010. P. 1–25.
12. Burns G. L. Anthropology and Tourism: Past Contributions and Future Theoretical Challenges // *Anthropological Forum*. 2004. Vol. 14 (1). P. 5–22.
13. Graburn N. H. H. Tourism: The sacred journey. In: V. L. Smith (Ed.). *Hosts and guests: The anthropology of tourism*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1977. P. 17–31.
14. Nash D. Tourism as a form of Imperialism. In: V. L. Smith (ed.) *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1977. P. 37–54.
15. Nuñez T. Tourism, tradition, and acculturation: Weekendismo in a Mexican village // *Ethnology*. 1963. Vol. 2 (3). P. 347–352.
16. Lett J. Epilogue. In: V. L. Smith (Ed.) *Hosts and guest: The anthropology of tourism*. 2nd edn. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1989. pp. 275–279.
17. Stronza A. Anthropology of Tourism: Forging New ground for ecotourism and other alternatives // *Annual Review of Anthropology*. 2001. Vol. 30. № 1. P. 261–283. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.30.1.261>.
18. Cohen E. A Phenomenology of Tourist Experiences // *Sociology*. 1979. Vol. 13 (2). P. 179–201.
19. Turner V., Turner E. *Image and pilgrimage in Christian culture*. New York: Columbia University Press, 2011. 281 p.
20. Timothy D. J., Olsen D. H. *Tourism, religion and spiritual journeys*. London; New York: Routledge, 2006. 258 p.
21. Palmer C. T., Begley R. O., Coe K. In Defence of Differentiating Pilgrimage from Tourism // *International Journal of Tourism Anthropology*. 2012. Vol. 2 (1). P. 71–85.
22. Pfaffenberger B. Serious pilgrims and frivolous tourists the chimera of tourism in the pilgrimages of Sri Lanka // *Annals of Tourism Research*. 1983. Vol. 10 (1). P. 57–74.
23. Turnbull C. A Pilgrimage in India // *Natural History*. 1981. Vol. 90 (7). P. 14–81.
24. Smith V. L. Introduction: The Quest in Guest // *Annals of Tourism Research*. 1992. Vol. 19 (1). P. 1–17.
25. Graburn N. H. H. The Anthropology of Tourism // *Annals of Tourism Research*. 1983. Vol. 10 (1). P. 9–33.
26. Daniel H. Olsen Pilgrims, tourists and Max Weber's "Ideal types" // *Annals of Tourism Research*. 2010. Vol. 37 (3). P. 848–851.

27. Bauman Z. From Pilgrim to Tourist — or A Short History of Identity. In: Hall S., Gay P. D. (Eds). Questions of Cultural Identity. London: Sage, 1996. P. 18–36.
28. Collins-Kreiner N. The geography of pilgrimage and tourism: Transformations and implications for Applied Geography // Applied Geography. 2010. Vol. 30 (1). P. 153–164. DOI:10.1016/j.apgeog.2009.02.001.
29. Alderman D. H. Writing on the Graceland wall: On the importance of authorship in pilgrimage landscapes // Tourism Recreation Research. 2002. Vol. 27 (2). P. 27–33.
30. Edensor T. Performing tourism, staging tourism: (Re)producing tourist space and practice // Tourist Studies. 2001. Vol. 1 (1). P. 59–81.
31. Sepp T. Stories of Santiago pilgrims: Tradition through creativity. In: M. Bowman, Ü. Valk (Eds). Vernacular religion in everyday life: Expressions of belief. Bristol: Equinox Publishing, 2012. P. 301–327.

References

1. Jafari J. Research and Scholarship: The Basis of Tourism Education. *Journal of Tourism Studies*, 2003, vol. 14 (1), pp. 6–16.
2. Dann G. M. S. The Theoretical State of the Art in the Sociology and Anthropology of Tourism. *Special issue from the Biennial Conference of the International Academy for the Study of Tourism*, 2005, vol. 10 (1), pp. 3–15.
3. Nash D., Smith V. L. Anthropology and Tourism. *Annals of Tourism Research*, 1991, vol. 18 (1), pp. 12–25.
4. Nash D. *The study of tourism: Anthropological and sociological beginning*. London, Elsevier Science, 2005, 305 p.
5. MacCannell D. *The Tourist. A New Theory of Leisure Class*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 1999, 231 p.
6. Enzensberger H. M. Theory of tourism. *New German Critique*, 1996, vol. 68, pp. 117–135. DOI: <https://doi.org/10.2307/3108667>.
7. Boorstin D. J. *The Image: a Guide to Pseudo-Events in America*. New York, Vintage Books, 2004, 319 p.
8. Turner L., Ash J. *The Golden Hordes: International Tourism and the Pleasure Periphery*. London, Constable, 1975, 319 p.
9. Smith V. L. *Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1989, 341 p.
10. Crick M. Representations of International Tourism in the Social Sciences: Sun, Sex, Sights, Savings, and Servility. *Annual Review of Anthropology*, 1989, vol. 18, pp. 307–344.
11. Scott J., Selwyn T. *Introduction: Thinking Through Tourism: Framing the volume*. In: Thinking through tourism. London, Routledge, 2010, pp. 1–25.
12. Burns G. L. Anthropology and Tourism: Past Contributions and Future Theoretical Challenges. *Anthropological Forum*, 2004, vol. 14 (1), pp. 5–22.
13. Graburn N. H. H. *Tourism: The sacred journey*. In: V. L. Smith (Ed.). Hosts and guests: The anthropology of tourism. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1977, pp. 17–31.
14. Nash D. *Tourism as a form of Imperialism*. In: V. L. Smith (ed.) Hosts and Guests: The Anthropology of Tourism. Philadelphia. PA, University of Pennsylvania Press, 1977, pp. 37–54.
15. Nuñez T. Tourism, tradition, and acculturation: Weekendismo in a Mexican village. *Ethnology*, 1963, vol. 2 (3), pp. 347–352.
16. Lett J. *Epilogue*, In: V. L. Smith (Ed.) Hosts and guest: The anthropology of tourism, 2nd edn. Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 1989, pp. 275–279.
17. Stronza A. Anthropology of Tourism: Forging New ground for ecotourism and other alternatives. *Annual Review of Anthropology*, 2001, vol. 30 (1), pp. 261–283. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.30.1.261>.
18. Cohen E. A Phenomenology of Tourist Experiences. *Sociology*, 1979, vol. 13 (2), pp. 179–201.
19. Turner V., Turner E. *Image and pilgrimage in Christian culture*, New York, Columbia University Press, 2011, 281 p.

20. Timothy D. J., Olsen D. H. *Tourism, religion and spiritual journeys*. London, New York, Routledge, 2006, 258 p.
21. Palmer C. T., Begley R. O., Coe K. In Defence of Differentiating Pilgrimage from Tourism. *International Journal of Tourism Anthropology*, 2012, vol. 2 (1), pp. 71–85.
22. Pfaffenberger B. Serious pilgrims and frivolous tourists the chimera of tourism in the pilgrimages of Sri Lanka. *Annals of Tourism Research*, 1983, vol. 10 (1), pp. 57–74.
23. Turnbull C. A Pilgrimage in India. *Natural History*, 1981, vol. 90 (7), pp. 14–81.
24. Smith V. L. Introduction: The Quest in Guest. *Annals of Tourism Research*, 1992, vol. 19 (1), pp. 1–17.
25. Graburn N. H. H. The Anthropology of Tourism. *Annals of Tourism Research*, 1983, vol. 10 (1), pp. 9–33.
26. Daniel H. Olsen Pilgrims, tourists and Max Weber’s “Ideal types”. *Annals of Tourism Research*, 2010, vol. 37 (3), pp. 848–851.
27. Bauman Z. *From Pilgrim to Tourist — or A Short History of Identity*. In: Hall S., Gay P. D. (Eds). *Questions of Cultural Identity*, London, Sage, 1996, pp. 18–36.
28. Collins-Kreiner N. The geography of pilgrimage and tourism: Transformations and implications for Applied Geography. *Applied Geography*, 2010, vol. 30 (1), pp. 153–164. DOI:10.1016/j.apgeog.2009.02.001.
29. Alderman D. H. Writing on the Graceland wall: On the importance of authorship in pilgrimage landscapes. *Tourism Recreation Research*, 2002, vol. 27 (2), pp. 27–33.
30. Edensor T. Performing tourism, staging tourism: (Re)producing tourist space and practice. *Tourist Studies*, 2001, vol. 1 (1), pp. 59–81.
31. Sepp T. *Stories of Santiago pilgrims: Tradition through creativity*. In: M. Bowman, Ü. Valk (Eds). *Vernacular religion in everyday life: Expressions of belief*. Bristol, Equinox Publishing, 2012, pp. 301–327.

Информация об авторе

А. С. Давыдова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

A. S. Davydova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 930.253 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.006

ЦЕРКОВНОЕ ПРОПОВЕДНИЧЕСТВО В ПРИХОДАХ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИННИЯ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Юлия Николаевна Кожевникова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия,
yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Аннотация

Статья посвящена ранее не изучавшемуся вопросу о проповеднической деятельности городского и сельского духовенства в приходах Кольского благочиния Архангельской епархии в конце XVIII — начале XIX века. Исследование основано на документах из фонда Кемского духовного правления (Национального архива Республики Карелия), которому подчинялись приходы в Русской Лапландии. Выясняется, что в клире Кольского благочиния в то время отсутствовали «ученые попы» с полным семинарским образованием, которые могли бы выступать с катехизическими поучениями собственного сочинения. Проповедничество местных священников выразилось в чтении уже готовых текстов, рекомендованных Святейшим Синодом. В научный оборот вводятся новые сведения о кольском благочинном протоиерее Василии Ивановском, игравшем заметную роль в церковно-приходском управлении на Кольском Севере в конце XVIII — начале XIX века.

Ключевые слова:

Кольское благочиние, Кольский Север, приходское духовенство, приходы, проповедь, проповедническая деятельность

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Кожевникова Ю. Н. Церковное проповедничество в приходах Кольского благочиния в конце XVIII — начале XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 55–61. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.006.

HISTORY

Original article

CHURCH PREACHING IN THE PARISHES OF THE KOLA DEANERY IN THE LATE 18th — EARLY 19th CENTURY

Yulia N. Kozhevnikova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity,
Russia, yukozhevnikova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2570-8641>*

Abstract

The article is devoted to the previously unexplored issue of the preaching activities of urban and rural clergy in the parishes of the Kola deanery of the Arkhangelsk Diocese in the late XVIII — early XIX century. The research is based on documents from the foundation of the Kemsky Spiritual Collegium (National Archive of the Republic of Karelia), which was subordinated to parishes in Russian Lapland. It turns out that at that time there were no "learned priests" with full seminary education in the clergy of the Kola deanery who could deliver catechetical teachings of their own composition. The preaching of local priests was limited to the recitation of ready-made texts recommended by the Holy Synod. New information is introduced into scientific circulation about the Kola dean Archpriest Vasily Ivanovsky, who played a prominent role in the parish administration in the Kola North at the end of the XVIII — early XIX century.

Keywords:

Kola deanery, Kola North, parish clergy, parishes, preaching, preaching activities

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Kozhevnikova Yu. N. Church preaching in the parishes of the Kola deanery in the late 18th — early 19th century. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 55–61. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.006.

Введение

В Русской православной церкви проповедническое служение духовенства — одно из важнейших направлений его пастырской деятельности — понимается как преемственное продолжение апостольского дела нести людям слово Божие. В синодальный период приходские священники и диаконы проводили во время богослужений «церковные собеседования». Проповедь считалась «общественным, связным и целостным изложением известных истин слова Божия»¹. В конце XVIII — начале XIX века такие «собеседования» представляли собой краткие катехизические поучения для прихожан, однако приходское духовенство, особенно сельское, не всегда и не везде было готово к проповедничеству.

В отечественной историографии основное внимание уделяется наследию знаменитых проповедников второй половины XVIII — начала XIX века — митрополитов Платона (Левшина) и Гавриила (Петрова) [1–3]. Проповедь изучается филологами как особый жанр русской словесности [4]. Однако работы, в которых рассматривается проповедническая деятельность приходского духовенства в этот период, до сих пор единичны. Составитель руководства по гомилетике П. Заведеев высказывает мнение о том, что к концу XVIII века произнесение поучений становится «обыкновенным явлением» и «необходимой существенной принадлежностью богослужения» не только в городских, но и в сельских храмах [1: 82]. Современные исследователи говорят о низком уровне проповедничества приходского духовенства до середины XIX века [5: 109 ; 6]. Отмечается, что во второй половине XVIII века рядовые провинциальные священники получили в помощь печатные тексты проповедей и готовые образцы для подражания, одобренные Святейшим Синодом [7: 62]. Подчеркивается важная значимость церковного проповедничества для катехизации взрослых мирян [8].

Вопрос о проповеднической деятельности духовенства в приходах Кольского благочиния Архангельской епархии в конце XVIII — начале XIX века историками ранее не рассматривался. Источниками сведений для проведенного исследования стали законодательные акты последней четверти XVIII — начала XIX века и делопроизводственные документы Кемского духовного правления из Национального архива Республики Карелия (Ф. 165).

Синодальные постановления о церковном проповедничестве

Следует упомянуть основные законодательные акты, касавшиеся проповеднического служения приходского духовенства. В последней четверти XVIII — начале XIX века Святейший Синод неоднократно принимал указы, напоминавшие священникам о необходимости произносить «неленостно» проповеди во время богослужений². Контроль над исполнением данных рекомендаций поручался старшим пресвитерам и духовным правлениям. В указе от 13 сентября 1785 года «предписано было духовным правлениям и благочинным строжайше наблюдать, чтоб во всех соборных и приходских церквах не только в воскресные и праздничные, но и в прочие дни на литургиях и утренях, хотя бы и самое число было предстоящих, читаны были неупустительно поучения»³. При этом священники могли пользоваться «избранными поучениями», которые выпускала Синодальная типография⁴. Такие сборники печатались на бумаге второго сорта и отличались дешевизной. Указом от 29 января 1791 года уточнялось, что краткие поучения следует читать по воскресным и праздничным дням, особенно в посты⁵. «Ученые попы», получившие образование в духовных семинариях, должны были сами сочинять проповеди и отсылать их в духовные консистории для предварительного согласования.

Церковные власти неоднократно требовали от духовенства увеличивать число еженедельных богослужений с катехизическими поучениями. Так, синодальный указ от 22 марта 1800 года обязывал приходских пресвитеров не менее пяти раз в неделю служить в церкви и произносить для мирян проповеди. «Ученые попы» обязывались говорить «по праздничным дням свои собственные проповеди, извлекаемые из Слова Божия и поучений Святых Отец, без всякого впрочем со своей стороны лишнего умствования»⁶. Как видно из текста указа, отдельное внимание духовенства обращалось на необходимость простоты и понятности «церковных собеседований».

Приходы и причты Кольского благочиния в конце XVIII — начале XIX века

Кольское благочиние охватывало обширные территории Кольского полуострова и северной части Беломорской Карелии, населенные поморами, саамами и карелами. В его состав в конце XVIII — начале XIX века входили семь приходов (16 самостоятельных и приписанных церквей) с центрами в городе Коле и поморских селах Кандалакша, Варзуга, Кереть, Умба и Поной [9]. Причты всех сельских храмов имели по одному священнику, а единственного городского прихода в уездном центре — двух иереев⁷. Кроме того, при кольском Воскресенском соборе существовала вакансия диакона, которая долгое время оставалась «праздной» из-за отсутствия для него «довольного пропитания»⁸. Острый вопрос материального обеспечения соборных клириков не раз обсуждался в Кемском духовном правлении. В 1810 году они жаловались на скудный достаток: не имели земельных участков, ежегодно получая от прихожан незначительную ругу 25 рублей⁹ и «от десяти погостов по оленьей коже да рыбы 20 пудов»; их доход от свечной продажи составлял всего 80 рублей¹⁰.

Благочиннический округ с 1797 по 1807 год возглавлял пресвитер Василий Ивановский, видная фигура в церковно-приходской жизни края того времени. Он не принадлежал к старинным династиям духовенства Кольского Севера. Священник родился в Паниловском приходе Холмогорского уезда в семье дьячка Петра Ивановского в 1773 году. По данным пятой ревизии 1794 года, был штатным дьячком при каменной церкви Преображения Господня в Соломбале (ныне исторический район Архангельска). В августе 1795 года молодого Василия рукоположили во священника к Воскресенскому собору в Коле, где до этого четыре года отсутствовал второй иерей¹¹. Здесь он служил в 1795–1812 годах, сан протоиерея получил в 1800 году. В 1807 году отец Василий, уволенный с должности благочинного за ряд проступков, попытался перевестись в родной Паниловский приход, но безуспешно: предлагал местному священнику Афанасию Клерикову уступить свое место и «быть до конца жизни с женою на его протопопа коште», о чем сохранились сведения в документах Кемского духовного правления¹². Наконец, в 1812 году Василий Ивановский был направлен по собственному желанию из Кольского собора в церковь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Яренгского прихода Архангельского уезда¹³.

Состояние проповедничества в приходах Кольского благочиния

Архангельский епископ Аполлос (Байбаков) — автор трудов по гомилетике и богословию — в начале февраля 1799 года обратился к епархиальному приходскому духовенству с наставлением о важности и необходимости «говорить проповеди» во время богослужений¹⁴. Архиерей строго напомнил о христианской обязанности «во всей епархии учившимся в школах говорить в градских соборах по очереди всякому»¹⁵. Для многолюдных приходов с двумя священниками он рекомендовал «готовить на всякой праздник по две (проповеди. — Ю. К.), дабы в случае болезни одного, мог сказать другой»¹⁶.

Архангельская духовная консистория запросила с мест сведения о числе проповедников, выступавших перед паствой с катехизическими поучениями. Кольский благочинный протоиерей Василий Ивановский, получив консисторский указ, сообщил в Кемское духовное правление об отсутствии в его округе «ученых попов», которые могли бы произносить проповеди собственного сочинения в приходских церквях: «В вверенном мне благочинии в приходах ни в котором по сие число не имеется»¹⁷. Другими словами, все пресвитеры, служившие в то время на Кольском Севере, получили домашнее образование или в лучшем случае обучались только в низшем отделении Архангельской духовной семинарии. При таких обстоятельствах проповедническая работа местного духовенства могла выражаться в чтении готовых текстов из приобретенных в Архангельске сборников. Типовые катехизические поучения, согласно синодальным указам, также могли произносить и приходские диаконы, однако в клире Кольского благочиния они отсутствовали в конце XVIII — начале XIX века.

Для сравнения добавлю, что в соседнем Кемском благочинии только один священник (Иосиф Нечаев), получивший полное образование в Архангельской духовной семинарии¹⁸ и служивший в Успенском соборе города Кеми, «обязался сказать» три проповеди в праздники Воскресения Христова и Успения Божией Матери, а также в день памяти апостолов Петра и Павла¹⁹. Кемский священник позднее отчитывался: «Первая проповедь сказана и в духовное правление для пересылки епископу отправлена, а вторая — нет <...>. Она за тем не сочинена и не сказывана, что

во время той находился в дороге на море, будучи уволен в Архангельск, каковую <...> в другое время сказать обязуюсь»²⁰. Третью проповедь Иосиф Нечаев, как и планировал, произнес в престольный праздник своего храма.

Несмотря на принимавшиеся законы о важности «церковных собеседований» ситуация оставалась сложной. После обнародования указа от 22 марта 1800 года проповеди в приходских храмах Архангельской епархии, в том числе Кольского благочиния, оставались редким явлением. В 1808 году епископ Евлампий (Введенский)²¹ вновь потребовал от «ученых попов» регулярно произносить поучения и при этом указывал их необходимое ежегодное количество в зависимости от возраста проповедника: «коим нет еще 45 лет в год по двенадцать проповедей сказать и от 45 до 55 — по шести, от 55 лет — от произволения, усердия и силе их пусть зависит»²². Пожилой возраст не освобождал иереев от «ревностного прохождения должности», важной частью которого была проповедническая деятельность²³. Через полгода тот же архиерей, сетуя на нерадивость епархиальных священников, грозил в резолюции штрафами для тех, кто небрежно относился к своим обязанностям: «поучения сочинять, говорить и представлять, но и доселе точного исполнения нет, то с таковых за каждую проповедь взыскивать на богадельню по три рубли и о том всем дать знать, проповеди посылать в консисторию, а не прямо ко мне, так как и ныне ко мне присылают и не подписавши под ними имен своих»²⁴.

Эффективность проповеднического служения духовенства во многом зависела от личных качеств и морального облика самих пастырей. Неслучайно в синодальном указе от 22 марта 1800 года говорится о двух важных обязанностях приходских священников — не только усердно проводить катехизическую работу среди мирян, но и соответствовать в повседневном поведении нравственному идеалу пресвитерства (прежде всего «удерживаться от пьянства»). Духовный авторитет клириков среди прихожан также могли подрывать серьезные споры и разногласия, случавшиеся внутри причтов. В начале XIX века в Кольском благочинии напряженный конфликт существовал между двумя пресвитерами Воскресенского собора в уездном городе. Соперничество протоиерея Василия Ивановского и второго священника Александра Измайлова, по всей видимости, началось с момента их знакомства в 1790-е годы, когда они поступили на иерейские места. Причины и обстоятельства этого любопытного конфликта, повлиявшего на судьбы обоих священников, будут рассмотрены в отдельной статье.

Выводы

Итак, в конце XVIII — начале XIX века проповедническая деятельность приходского духовенства Кольского благочиния сводилась к произнесению во время богослужений типовых поучений, рекомендованных Святейшим Синодом. Отсутствие на Кольском Севере «ученых попов» — проповедников, самостоятельно сочинявших свои выступления, отражает низкий уровень образованности местных священников в это время. С катехизическими поучениями в городских и сельских храмах Русской Лапландии выступали только пресвитеры, так как институт диакона в Кольском благочинии не был развит по разным причинам, в том числе из-за малочисленности мирян в приходских общинах.

Примечания

¹ Заведеев П. Лекции по богословским наукам (полное руководство для подготовки к экзамену на священника). М.: «Самообразование», 1908. С. 618.

² Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878. М., 1879. С. 376.

³ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года (Далее — ПСЗ I). СПб., 1830. Т. 22, № 16261.

⁴ Указ Синода о составлении сборника проповедей был принят в 1775 году. Для распространения по епархиям в 1789 году рекомендовались три печатные книги: московского митрополита Платона (Левшина) «Православное учение, или сокращенная христианская богословия», воронежского епископа Тихона (Соколова) «Наставление о собственных всякого христианина должностях» и новгородского митрополита Гавриила (Петрова) «Краткие поучения из разных св. отец и учителей собранная». См.: Руководственные для православного духовенства указы... С. 377.

⁵ Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания. Харьков: Типография А. Дарре, 1896. С. 242.

⁶ ПСЗ I. Т. 30, № 22906.

⁷ В соборном приходе в 1810 году насчитывался 71 двор (283 мужчины и 405 женщин) без учета жителей саамских погостов, входивших в его состав. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 9/224. Л. 130.

⁸ Там же. Согласно синодальным указам от 4 июня 1768 года и 8 октября 1778 года один штатный диакон полагался для многолюдных приходов (250–300 дворов), где служили не менее двух священников. См.: ПСЗ I. Т. 20, № 14807.

⁹ Для сравнения: в соседнем Кемском благочинии руга для причта при Успенском соборе в городе Кеми составляла 400 рублей, а в Панозерском приходе — 176 рублей. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 9/224. Л. 130.

¹⁰ Там же.

¹¹ Прежний священник Андрей Федоровский умер в 1791 году.

¹² Афанасий Клериков отказался от предложения Василия Ивановского («сам исправляет должность и еще в силах»). См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 21. Д. 3/52. Л. 64.

¹³ Предположение С. А. Никонова и Д. А. Ермолаева о смерти протоиерея Василия Ивановского во время эпидемии неизвестной болезни в 1812 году неверно [10: 47].

¹⁴ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 24.

¹⁵ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Священник Иосиф Нечаев «из великороссиян» обучался в семинарии в 1782–1793 годах (полный курс обучения в ней составлял не менее 10 лет). Он относился к числу наиболее образованных священников края. Отец Иосиф был назначен благочинным Кемского округа в 1799 году, получил сан протоиерея в 1803 году. См.: НА РК. Ф. 692. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 510 об.

¹⁹ НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 32–32 об.

²⁰ Иосиф Нечаев произнес эту проповедь в день Рождества Христова. См.: НА РК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 36.

²¹ Заринский М. Иерархи Архангельской и Хомогорской епархии // Справочная книжка Архангельской губернии на 1852 год. Архангельск, 1852. Отделение 3. С. 182–185.

²² НА РК. Ф. 165. Оп. 2. Д. 4/24. Л. 6–6 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 4/77. Л. 1–1 об.

Список источников

1. Заведеев П. История русского проповедничества от XVII века до настоящего времени. Тула: Типография Н. И. Соколова, 1879. 263 с.
2. Зубов В. П. Русские проповедники: очерки по истории русской проповеди. М.: Едиториал УРСС, 2001. 231 с.
3. Кашеваров А. Н. Церковная проповедь в XVIII — первой половине XIX века // Научно-технические ведомости СПб государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.10101.
4. Лысикова Н. П. Источники формирования и особенностей публичной риторики московского митрополита Платона (Левшина) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 24–28. doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-24-28.
5. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 416 с.
6. Мызникова Н. И. Состояние проповедничества в России во второй половине 19 века (по материалам журнала «Руководство для сельского пастыря») // Вестник Свято-Филаретовского института. 2020. Вып. 35. С. 148–166. DOI: 10.25803/SFI.2020.35.3.007.

7. Кислова Е. И. Издание придворных проповедей в 1740-е годы // XVIII век. Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб., 2011. Т. 26. С. 52–72.
8. Мозгов К. А. Катехизическое просвещение в традиции Русской Церкви XVIII–XIX веков: по материалам катехизической литературы // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 47. С. 31–48. doi.org/10.25803/26587599_2023_47_31.
9. Кожевникова Ю. Н. Благодичный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2023. № 1 (59). С. 67–73. (0,9 а. л.). DOI 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73.
10. Описи церковного имущества Кольского Печенского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII — середины XIX веков / сост. и авт. статей Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Мурманск, 2013. 430 с.

References

1. Zavedeev P. *Istorija russkogo propovednichestva ot XVII veka do nastojashhego vremeni* [The history of Russian preaching from the XVII century to the present]. Tula, Tipografija N. I. Sokolova, 1879, 263 p. (In Russ.)
2. Zubov V. P. *Russkie propovedniki: ocherki po istorii russkoj propovedi* [Russian Preachers: essays on the history of Russian Preaching]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 231 p. (In Russ.)
3. Kashevarov A. N. *Cerkovnaja propoved' v XVIII — pervoj polovine XIX veka* [Church preaching in the XVIII — first half of the XIX century]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [St. Petersburg state polytechnical university journal. Humanities and social sciences], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 7–17. DOI: 10.18721/JHSS.10101. (In Russ.)
4. Lysikova N. P. *Istochniki formirovanija i osobennostej publichnoj ritoriki moskovskogo mitropolita Platona (Levshina)* [Sources of formation and peculiarities of public rhetoric of Metropolitan Platon (Levshin) of Moscow]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Filosofija. Psihologija* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 24–28. doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-24-28. (In Russ.)
5. Bernshtam T. A. *Prihodskaja zhizn' russkoj derevni: Ocherki po cerkovnoj jetnografii* [Parish Life of the Russian village: Essays on Church Ethnography]. Saint Petersburg, “Peterburgskoe Vostokovedenie”, 2005, 416 p. (In Russ.)
6. Myznikova N. I. *Sostojanie propovednichestva v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka (po materialam zhurnala “Rukovodstvo dlja sel'skogo pastyrja”)* [The state of preaching in Russia in the second half of the XIXth century (based on the materials of the magazine “Guide for a rural pastor”)]. *Vestnik Svjato-Filaretovskogo instituta* [The Quarterly Journal of Saint Philaret’s Institute], 2020, no. 35, pp. 148–166. DOI: 10.25803/SFI.2020.35.3.007. (In Russ.)
7. Kislova E. I. *Izdanie pridvornyh propovedej v 1740-e gody* [Publication of court sermons in the 1740s]. *XVIII vek. Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka* [XVIII century. The old and the new in the Russian literary consciousness of the XVIII century]. Saint Petersburg, 2011, vol. 26, pp. 52–72. (In Russ.)
8. Mozgov K. A. *Katehizicheskoe prosveshhenie v tradicii Russkoj Cerkvi XVIII–XIX vekov: po materialam katehizicheskoj literatury* [Catechetical Enlightenment in the tradition of the Russian Church of the XVIII–XIX centuries: based on the materials of catechetical literature]. *Vestnik Svjato-Filaretovskogo instituta* [The Quarterly Journal of Saint Philaret’s Institute], 2023, no. 47, pp. 31–48. doi.org/10.25803/26587599_2023_47_31. (In Russ.)
9. Kozhevnikova Ju. N. *Blagochinnyj na Kol'skom Severa v nachale XIX veka (po dokumentam Kemsckogo duhovnogo pravlenija Nacional'nogo arhiva Respubliki Karelija)* [Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia)]. *Izvestija Komi NC UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 1 (59), pp. 67–73. DOI 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73. (In Russ.)

10. *Opisi cerkovnogo imushhestva Kol'skogo Pechengskogo monastyrja i Voskresenskogo sobora goroda Koly XVIII — serediny XIX vekov* [Inventories of church property of the Kola Pechenga Monastery and the Resurrection Cathedral of the city of Kola of the XVIII — mid-XIX centuries]. Murmansk, 2013, 430 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Н. Кожевникова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

Yu. N. Kozhevnikova — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 94(47) + 371.3(470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.007

«КАЖДАЯ ПРОПУЩЕННАЯ НЕДЕЛЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕВОЗВРАТИМЫМ УЩЕРБОМ В ДЕЛЕ ОБУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ...»: ДОКУМЕНТЫ О РАБОТЕ ШКОЛ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Ксения Сергеевна Казакова

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, k.kazakova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>

Аннотация

В публикацию включены документы Кольского уездного отделения Епархиального Училищного Совета, хранящиеся в Государственном архиве Мурманской области (ГАМО. Ф. И-133). Содержание представленных архивных источников показывает специфику развития системы начального образования и положение учительства в Европейской Арктике в конце XIX века.

Ключевые слова:

приходы, священство, церковно-приходская школа, учительство, К. П. Щеколдин, саамы, Кольский Север, просвещение

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Государственного архива Мурманской области за помощь в работе, особенно О. В. Кононенко и Д. А. Ермолаеву.

Для цитирования:

Казакова К. С. «Каждая пропущенная неделя является невозвратимым ущербом в деле обучения и религиозно-нравственного просвещения...»: документы о работе школ на территории Европейской Арктики в конце XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 62–71. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.007.

Original article

“EACH MISSED WEEK IS AN IRREPARABLE DAMAGE IN THE MATTER OF EDUCATION AND RELIGIOUS AND MORAL ENLIGHTENMENT...”: DOCUMENTS ON THE WORK OF SCHOOLS IN THE EUROPEAN ARCTIC AT THE END OF THE 19TH CENTURY

Ksenia S. Kazakova

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, k.kazakova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5071-4947>

Abstract

In the publication included documents of the Kola district branch of the Diocesan School Council, stored in the State Archive of the Murmansk Region (GAMO. F. I-133). The content of the presented archival sources shows the specifics of the development of the primary education system and the position of teaching in the European Arctic at the end of the 19th century.

Keywords:

parishes, priesthood, parochial school, teaching, K. P. Shchekoldin, Saami, Kola North, enlightenment

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” No. FMEZ-2024-0002.

The author expresses sincere gratitude to the staff of the State Archive of the Murmansk Region for their assistance in the work, especially O. V. Kononenko and D. A. Ermolaev.

For citation:

Kazakova K. S. “Each missed week is an irreparable damage in the matter of education and religious and moral education...”: Documents on the work of schools in the European Arctic at the end of the 19th century. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 62–71. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.007.

В последние годы большое значение приобретают вопросы социального развития Российской Арктики, в том числе особое внимание уделяется и проблемам системы образования¹. Еще в период активной колонизации европейской части Арктики во второй половине XIX века особой задачей признавалось развитие здесь начального образования для социально-культурной адаптации коренного и пришлого населения.

В современной историографии развитие начального образования на окраинных территориях рассматривается исследователями как политика мягкой силы, которая обеспечивала аккультурацию и лояльность инокультурных подданных в большей степени, нежели стандартные экономические и военно-административные мероприятия [1; 2]. В настоящее время, несмотря на большое количество работ по истории школьного образования дореволюционного периода в регионах с полиэтничным и поликонфессиональным составом населения [3], самые северные территории Европейской Арктики остались не охвачены вниманием исследователей. Цель настоящей публикации — на основании документов Государственного архива Мурманской области показать специфику работы начальных школ на территории Европейской Арктики в конце XIX века.

Отсутствие транспортной инфраструктуры, большие расстояния между населенными пунктами, малая плотность населения обусловили почти полное отсутствие земских школ и министерских училищ в этом регионе вплоть до конца XIX века. Основным типом школ в Кольском уезде Архангельской губернии в дореволюционный период стала одноклассная церковно-приходская школа. Уже к 1897 году на территории Кольского уезда Архангельской епархии действовало 10 церковно-приходских школ и 5 школ грамоты [см. подробнее 4]. Просветительскую деятельность среди населения приграничных с Норвегией территорий осуществлял восстановленный в 1886 году Трифоно-Печенгский монастырь.

Основной корпус архивных источников по истории развития начального церковного образования на Кольском Севере представлен в нескольких крупных архивохранилищах: Государственном архиве Архангельской области (ГАО), Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) и Государственном архиве Мурманской области (ГАМО). Большой пласт школьной делопроизводственной документации за первое десятилетие становления системы церковного образования (1888–1898 гг.) отложился в фонде Кольского уездного отделения Епархиального Училищного Совета (ГАМО. Ф. И-133). Создание промежуточной инстанции между епархиальным органом управления и отдельными школами было необходимо вследствие значительного числа уездов, входящих в Архангельскую епархию, и большой территориальной разбросанности школ. В фонде Кольского уездного отделения сохранились документы, освещающие работу первых церковно-приходских школ на окраинных территориях Европейской Арктики, положение учительства, специфику организации учебного процесса среди коренного населения Кольского Севера. В публикуемой подборке впервые вводятся в научный оборот несколько рукописных документов из указанного архивного фонда.

Первый документ — протокол заседания Кольского уездного училищного отделения от 10-го ноября 1896 года. В документе отражен результат дискуссии о порядке инспектирования церковно-приходских школ Кольского уезда. В публикуемом документе содержатся рекомендации членов Кольского уездного училищного отделения относительно обязанностей наблюдателя, который, по мнению членов Кольского уездного отделения, в ходе ревизии должен был не только оценить уровень знаний учащихся, но и «убедиться о развитии учителя, отношении его к делу и нравственных качествах»². Институт наблюдателей, согласно § 21 «Правил о церковно-приходских школах», был введен для «ближайшего руководства и наблюдения» за начальными церковными школами в епархиях³. Инспектора народных училищ избирались из лиц духовного или светского ведомства для непосредственного контроля за работой учителей и ходом обучения в церковно-приходских школах. Инспектирование церковно-приходских школ, особенно в отдаленных северных погостах, как правило, осуществляли местные благочинные или в редких случаях служители церковного ведомства,

назначенные Архангельским епархиальным училищным советом. Как отмечают исследователи, единой инструкции для уездных наблюдателей, так же как и для епархиальных, разработано не было. Как правило, они в своей деятельности руководствовались инструкциями, разрабатывавшимися в епархиях [5], а также, как видно из публикуемого документа, инструкциями уездного училищного отделения.

Также в представленном документе затрагивается вопрос о преподавании в Кильдинской церковно-приходской школе, которая была открыта в Кильдинском погосте в 1889 году. Основные трудности с организацией обучения были связаны с тем, что в школе обучались только дети коренного населения Кольского полуострова (саамы) или, как их называли в документах XIX века, лопари. Школы, расположенные в саамских погостах, именовались в документах «инородческими». В протоколе заседания Кольского уездного училищного отделения дается характеристика материальной составляющей жизни Кильдинского прихода, а также поднимается вопрос совмещения священником обязанностей по Кольскому приходу и преподаванию в церковной школе в погосте⁴.

Второй документ подробно описывает особенности учебного цикла в церковно-приходских школах Кольского Севера. В журнале Кольского уездного училищного отделения от 13 февраля 1897 года представлена уникальная классификация всех действующих в 1897 году школ Кольского уезда Архангельской губернии, которые «по местным и иным условиям» распределены на пять групп. При распределении школ по группам члены отделения руководствовались двумя важными критериями: национальным составом учащихся и продолжительностью годового учебного цикла. В документе, составленном для Архангельского училищного совета, особое внимание уделено особенностям работы школ и недочетам, выявленным отцом-наблюдателем при последней ревизии. Например, отмечается, что в «инородческих» приходах (Пазрецком, Сонгельском, Нотозерском и Ловозерском) коренное население практически не владело русским языком, и это в большой степени влияло на успешность обучения. В Терибергской и Гавриловской школах, располагавшихся в колониях Мурманского берега, слабые успехи обучения объяснялись материальной необеспеченностью школ. Как видно из документа, в школах Терского берега Белого моря, где располагались поморские поселения Варзуга, Тетрино, Кашкаранцы, Чапома, требования к уровню знаний учеников были выше, чем в «лопарских» школах и школах для детей колонистов.

Из описания школьного учебного цикла следует, что и в поморских селах, и в саамских погостах он зависел от промыслово-хозяйственного календаря населения Кольского Севера. На практике учеба в «инородческих» школах начиналась в ноябре-декабре, когда кочевое население возвращалось в погост, где проживало до марта-апреля, в поморских чуть раньше — с конца октября — середины ноября и продолжалось до мая. Отмечалось, что обучение было более результативным в тех школах, где имелись «особые», то есть специально обученные, учительницы. В связи с этим отделение просило Архангельский епархиальный совет рассмотреть вопрос об увеличении ассигнований для повышения жалования учителям Кольского уезда, что помогло бы привлечь сюда «способных» и «дельных».

Содержание представленных архивных источников показывает специфику развития системы начального образования и положение учительства в Европейской Арктике в конце XIX века. Документы публикуются по современным правилам правописания с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Подчеркивания сохранены.

№ 1

Журнал Кольского уездного училищного отделения

10-го ноября 1896 года

Члены Кольского уездного училищного отделения, собравшись сего числа в квартире члена-делопроизводителя, по приглашению О[тца] Председателя отделения, в числе всего шести человек, из числа 8-ми членов

Слушали: 1) Доложенную Делопроизводителем инструкцию для наблюдателей церковно-приходских школ и школ грамоты, и некоторые узаконения, касающиеся деятельности отделений Училищного Епархиального Совета, а также выслушали и обсуждали отчеты о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1895/6 г.г. и в частности — Кильдинской цер[ковно] прих[одской] школы.

Постановили: 1) По прочтении инструкции для наблюдателя и правил о церк[овно] прих[одских] школах и школах грамоты, а также по обсуждении отчета Кольского Училищного Округа в 1895/6 г.г. и в частности отчета учительницы Кильдинской школы, отделение пришло к заключению: а) что отчет за минувший учебный год не отличается полнотой в сообщении сведений относительно учебно-воспитательной стороны дела б) что в Кильдинской цер[ковно] прих[одской] школе обязанности по преподаванию Закона Божия исполняет учительница и она же заведует школой, без всякого руководства со стороны местного приходского священника, навещившего школу в отчетном году только в качестве посетителя.

Имея ввиду, что отчетности по наблюдению за школами должны, согласно утвержденной программе, не ограничиваться только одними голословными утверждениями, на основании данных, доставляемых заведующими школами, а должны быть проверены личными непосредственными наблюдениями и впечатлениями наблюдателя, желательно было бы отделению иметь на будущее время более обстоятельные, подтвержденные документально, отчеты относительно успешности учебно-воспитательной стороны школы, а потому Отделение просит О[тца] Наблюдателя при отчетах своих по обозрении школ округа — более подробно и обстоятельно выяснять о ходе обучения по каждой школе, прилагая к своим отчетам и письменные работы учеников. Что касается дисциплинарно-воспитательной стороны, то О[тец] Наблюдатель имеет рекомендовать учащим, чтобы они при наложении взысканий на учеников прибегали бы исключительно к мерам чисто нравственного воздействия, отнюдь не прибегая к грубым, насильственным мерам, как например, заставлять учеников стоять на ногах некоторое время или, тем более, на коленях (как доселе практиковалось в некоторых школах).

Затем желательно было бы чтобы О[тец] Наблюдатель, после классного посещения школы вел беседы с учащими и из этих бесед постарался бы убедиться о развитии учителя, отношении его к делу и нравственных качествах. Кроме того разослать циркуляры по Кольскому училищному округу во все школы о том, чтобы учащие в них, при поездках в каникулярное время через Колу, являлись бы в местное училищное отделение, к Председателю или делопроизводителю оною, и весьма желательно, чтобы при этих посещениях сходились по несколько учащих одновременно. Из вышерассмотренных отчетов видно также, что в лопарских школах крайне поздно начинается учение (в декабре-январе) и рано заканчивается (март-апрель), обязать учащих непременно быть на своих местах в первых числах ноября и приступить к обучению, как только явится в погост несколько семейств из лопарей-кочевников.

Что касается Кильдинской церковно-приходской школы, то отделению крайне прискорбно видеть, что преподавание Закона Божьего лежит на учительнице и она является предоставленною в деле обучения исключительно самой себе, без всякого руководства со стороны местного приходского священника, навещившего школу, (как видно из отчета), только в качестве посетителя, а постоянно проживающего в г[ороде] Коле, а не в своем приходе, тогда как согласно Указу Духовной Консistorии на имя отца Благодчиннаго, как известно отделению, он должен непременно с нынешней же осени проживать в своем приходе и преподавать в местной школе Закон Божий, — а потому отделение определяет: просить О[тца] Благодчиннаго а) выслать в отделение копию с упомянутого указа Консistorии и б) побудить отца Василия Мартынова, священника Кильдинского прихода, ныне же отправится в свой приход, тем более что и дом для священника еще минувшей осенью приобретен на общественные средства, и по заявлению члена отделения, Кольско-Лопарского волостного старшины, вполне пригоден для жительства и весь недостаток в помещении заключается в том только, что священнику желательно из камелька⁵, находящегося в комнате, устроить голландскую печь и отремонтировать сени, другая же комната-кухня вполне пригодна для посещения, в крайнем случае помещение церковно-приходской школы в настоящее время совершенно свободно и священник мог

бы пока поместиться там и таким образом устраняется всякая уважительная причина проживания Кильдинского священника вне своего прихода.

По явке о[тца] Мартынова в свой приход рекомендовать ему ныне же приступить к обучению взрослого наличного населения Кильдинского погоста и устроить религиозно-нравственные собеседования, чтения, не теряя времени, так как по местным условиям каждая пропущенная неделя является невозвратимым ущербом в деле обучения и религиозно-нравственного просвещения кочевников-лопарей. Для детей же ныне, впредь до явки в погост всех лопарей, открыть временную школу грамоты, приняв на себя учительство в ней; по сборе же прихожан-лопарей в Кильдинский погост и открытии учения в существующей там церковно-приходской школе, — принять свящ[еннику] Мартынову ее в свое заведывание и исполнять обязанности законоучителя, в силу Высочайше утвержденного положения о церковно-прих[одских] школах и школах грамоты и на основании Устава Духовн[ой] Констистории, объявленного ему о[тцом] благочинным.

<...>

Журнал этот отослать в Архангельский Епархиальный Совет в копии.

Председатель отделения священник Алексей Шилов⁶
Члены: А. Мухин⁷ священник Лавр Сперанский⁸, Диакон Николай Азлов⁹,
Волостной старшина Абаляев¹⁰, отд[еление] Мин[истерства]
нар[одного] Пр[освещения] Темнорусов¹¹

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–5. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Копия

**Журнал
Кольского училищного отделения**

13 февраля 1897 года

Члены Кольского училищного отделения, собравшись сего числа, слушали:

<...>

в) Доклад О[тца] Наблюдателя по Кольскому уезду по обозрению им школ округа училищного отделения, с приложением письменных работ по русскому языку (диктовка) и списывания (с книги) учеников церковных школ.

Из доклада о[тца] наблюдателя отделение усматривает, что посещенные о[тцом] наблюдателем школы по местным и иным условиям, могут быть распределены на пять групп. Распределив по этим группам школы, отделение, обсудив каждую школу в отдельности, приступило к выводу частных замечаний по группам.

Как видно из этого деления, основным критерием в процессе обучения был национальный состав учащихся и продолжительность учебного времени, которое напрямую зависело от хозяйственного уклада жителей Кольского уезда.

К первой группе отделение относит Лопарские школы: Пазрецкую, Сонгельскую, Нотозерскую и Ловозерскую. Во всех этих школах учение начинается до Пасхи, и дело приходится иметь с инородцами-лопарями, а в Ловозерской школе — зырянными. Принимая во внимание местные условия, и имея в виду, что в лопарских школах учащим приходится иметь дело с детьми часто не имеющим понятия о русской речи, отделение пришло к следующим выводам:

Лучшею школою, из лопарских, является Пазрецкая школа. По отчету наблюдателя в ней хорошо усвоены знания по Зак[ону] Божьему, удовлетворительные — по Рус[скому] яз[ыку], и посредственно — по счислению. В Сонгельской школе — по всем предметам обучение ведется плохо, принимая даже во внимание исключительно положение лопарской школы. Кроме того, по одному

из главных предметов — церк[овно]-славянскому языку — учитель совсем не занимался, считая несвоевременным обучать славянскому языку, недостаточно усвоив чтение по-русски. По счислению тоже очень слабо.

В Ловозерской школе — Зак[он] Божий пройден удовлетворительно, по прочим предметам, принимая в соображение крайне неудовлетворительное помещение школы (комната) и кратковременность обучения — сравнительно удовлетворительно. По счислению — слабо. В Нотозерской школе — по всем предметам очень плохо. Писать ни один ученик не может. Читать тоже затрудняются. Закону Божьему обучает учитель и затрудняется этим предметом. Священник, проживая за 5 верст от школы, не посещает уроков Зак[она] Божьего. В минувшие годы состоял учителем священник.

Постановили: Рекомендовать О[тцам] заведующим школами и учителю Сонгельской школы: Завед[ующему] Пазрецкой школой озаботиться улучшить преподавание по счислению; Сонгельской — усилить занятия по всем предметам и постараться поставить дело так, чтобы при следующем посещении о[тцом] наблюдателем школы — он не нашел такого вопиющего пренебрежения со стороны учителя своими обязанностями. Обязательно заниматься церк[овно] славянским яз[ыком]; завед[ующему] Нотозерской шк[олой] — просить его: по крайней мере три раза в неделю давать уроки Зак[она] Божия и вообще навещать школу.

Во второй группе отделение относит Кильдинскую церк[овную] приходскую школу, обучение в которой начинается с половины декабря и продолжается до Пасхи. В школе этой обучает учительница; ученики — лопарские дети, все почти владеющие русской речью, обучаются 3-й, а некоторые — 4-й год. По рассмотрении работ (диктовки) и заключения о[тца] наблюдателя об успехах по друг[им] предметам — отделение признало успехи по этой школе средними. В виду сделанных о[тцом] наблюдателем некоторых указаний учительнице, относительно постановки учебного дела, отделение, пока, впредь до вторичной ревизии, воздерживается высказать свое мнение об этой школе.

К третьей группе отделение относит школы грамоты: Тириберскую¹² и Гавриловскую. Обучение, в той и другой школе, начинается с половины ноября и до Благовещения; население русское. По рассмотрении ученических работ Тириберской школы (Гавриловской — не имеется) и по выслушивании заключения О[тца] Наблюдателя, отделение пришло к выводам: В Тириберской школе слабо ведется дело по счислению и не успешно по письму, как со стороны каллиграфии, так и орфографии, а потому отделение определяет: озаботится об усилении занятий в этом направлении.

В Гавриловской школе обучение ведет псаломщик; по Зак[ону] Божьему — священник. Из Закона Божия ученики знают только некоторые молитвы и Символ Веры, Священной же истории и начального Катехизиса — не проходили. Младшие начинают разбирать оклады. Псаломщик учит их по буквенному способу «азов». Что касается письма, то, оказалось, что ученики вовсе не пишут, «за неимением письменных принадлежностей»; не занимаются также и счислением, совершенно неизвестно по каким причинам. В виду такой малоуспешности обучения в Гавриловской школе, отделение определяет: просить О[тца] Заведующего принять все зависящие от него меры к возможно лучшей постановке обучения в школе, присовокупив, что Гавриловская школа, в отношении успешности обучения, одна из плохих школ уезда.

Относительно неимения письменных принадлежностей в школе, из-за которых будто бы ученики не обучались письму — рекомендовать О[тцу] Заведующему пока позаимствовать в церкви необходимые принадлежности, а затем — отделение снабдить этими принадлежностями школу и давно снабдило бы, если бы было заявлено о том со стороны О[тца] Завед[ующего]. Вместе с тем вменить в обязанность заниматься и счислением, как предметом, входящим в круг программы школы грамоты. Независимо от сего ныне же возбудить ходатайство от отделения пред Епарх[иальным] Училищным Советом об ассигновании хотя небольших средств на обстановку и учебные принадлежности для школы: Тириберской и Гавриловской и кроме того — для первой средств на окончательное приспособление помещения для школы в причтовом доме.

К четвертой группе относятся школы: Варзугская, Тетринская, Кашкаранская и школа грамоты Чапомская. Во всех этих школах обучение начинается с половины ноября и продолжается до половины мая; население во всех этих приходах коренное русское. При такой наличности условий результаты обучения оказались следующие:

В Варзугской школе обучает учительница <...>; письменные работы по рус[скому] яз[ыку] (диктовка) не вполне удовлетворительные: страдает и каллиграфия и орфография. По славянскому языку по докладу О[тца] Наблюдателя средние ученики не имеют понятия о сложных титлах, а старшие плохо понимают значения слов, а потому отделение рекомендует учительнице — обратить особенное внимание на указанные предметы.

В Тетринской школе: обучает причт, по Зак[ону] Божьему занимается священник. Как по докладу О[тца] Наблюдателя, так и из письменных работ учеников, отделение усматривает, что причтом приложены старания в ведении школьного дела, и потому Тетринская школа по успехам обучения может считаться сравнительно удовлетворительной.

В Кашкаранской школе обучает учительница, Зак[он] Божий преподает священник. Ученики младшего отделения знают только «Во Имя Отца...»... «Царю Небесный»,... и «Святый Боже»... в понятиях о Боге путаются. Из церк[овно]славянского языка Старшие знают мало слов и оборотов, а также и титл. Из доставленных О[тцом] Наблюдателем письменных работ — диктовки, видно, что каллиграфия и орфография крайне слаба. А потому отделение определяет: просить О[тца] Заведующего принять меры к лучше постановке дела обучения в Кашкаранской школе и особенно озаботиться сообщением ученикам сведений из Зак[она] Божьего. Вместе с тем ходатайствовать от отделения о назначении в Кашкаранскую школу новой учительницы, так как теперешняя учительница — жена местного священника, отвлекаясь своими семейными обязанностями, не может без ущерба школьному делу вести обучение.

В Чапомской школе грамоты обучает священник. Из письменных работ и доклада О[тца] Наблюдателя отделение усматривает, что обучение ведется, кроме Зак[она] Божия, малоуспешно и благодаря тому, что обучает священник, который постоянно отвлекается от школы разъездами по приходу едва ли возможно надеяться на большие успехи.

Сравнивая успехи четырех вышерассмотренных школ, отделение пришло к выводу, что при равных, а в некоторых отношениях даже и лучших против друг[их] школ, условиях находятся Варзугская и Кашкаранская школы, в которых имеются и особые учительницы и даже — ученики коренные русские и большая, сравнительно, продолжительность учебного времени, — обучение же в этих школах поставлено ниже других, а потому отделение в праве требовать и ожидать от этих школ лучших успехов.

Наконец, к последней пятой группе отделение относит школы: Понойскую, Печенгскую-Баркинскую, и Умбскую. Во всех этих школах обучают особые учителя, обучение начинается с октября месяца и продолжается до июня месяца; население этих приходов русское. Результаты обучения таковы:

В Понойской школе по имеющимся в отделении <...> письменным работам учеников (диктовка) отделение наглядно убеждается, в том что дело обучения рус[скому] яз[ыку] (письменности) стоят весьма неудовлетворительно и, принимая во внимание кратковременность пребывания нынешней учительницы в этой школе (1-й год) отделение, отнюдь не виня ее в малоуспешности по этому предмету, тем не менее выражает желание, чтобы на будущее время были приняты меры к приложению старания и возможно лучшей постановки обучения.

По Умбской школе: при сравнительной удовлетворительности по остальным предметам — крайне малоуспешно преподавание Зак[она] Божия. Так, младшие ученики оч[ень] мало знают первоначальные молитвы, о Троицном Боге также имеют смутное понятие. Старшие не могли ответить даже на простой вопрос: «о частях молитвы Господней». Принимая во внимание, что Закон Божий — главнейший и необходимейший предмет в церковно-приходской школе и что неуспешность из этого предмета равносильна полному невыполнению программы церк[овно] прих[одской] школы и имея в виду, что судя по успехам учеников по остальным предметам — в нынешний год возможен был бы выпуск

учеников со свидетельством на льготу IV разряда, но что за малоуспешностью в Зак[оне] Божиим выпуск этот может и не состояться, — просить О[тца] Законоучителя приложить все меры, чтобы выполнить программу Закона Божия, положенную для церковно-приходских школ.

По Печенгской-Баркинской школе: принимая в соображение, что учитель занимается безмездно и не имеет специальной подготовки, при таком условии, — удовлетворительно, хотя желательнее бы лучше, особенно по письму.

Из трех школ последней группы наилучшие успехи показала Умбская школа, но в ней крайне малоуспешно поставлено дело преподав[ания] Зак[она] Божия, в остальных школах Закон Божий удовлетворительно, но слабо главным образом письмо — каллиграфия и, в особенности, орфография.

Рассмотрев результаты обучения всех поименованных школ, и выслушав соображения О[тца] Наблюдателя, отделение пришло к убеждению: а) необходимо курс одноклассной церковно-приходской школы разбить на три года, а не на два, как установлено ныне программой, хотя на деле уже во всех почти школах учебный курс разбит на три отделения.

Необходимость трехлетнего курса тем более здесь настоятельна, что продолжительность учебного года в Кольском уезде граничит 4–7 месяцами, а все остальное время дети-ученики проводят в отхожих промыслах, вместе с родителями; б) предстоит неотложная надобность в ассигновании денежных средств на улучшение в некоторых школах крайне жалкой, подчас невозможной школьной обстановки и на приобретение учебных принадлежностей и в) необходимо ассигнование на увеличение жалования в тех школах, где учащие уже получают жалование, по крайней мере до 20 руб[лей] в месяц и непрерывно назначить жалование в те школы, где обучение ведет безмездно причт. На такое ничтожное жалование, которое получают в настоящее время учащие в школах Кольского уезда, положительно невозможно привлечь сколько-нибудь способных и дельных учителей, да и теперешним учащим невозможно существовать, при крайней дороговизне в Кольском уезде самых наинасущих предметов. А потому училищное отделение определяет: убедительно просить Епархиальный Училищный Совет об удовлетворении изложенных выше определений отделения, а также просить по Постановлениям, сделанным в надлежащих случаях, при рассмотрении отдельных школ. Копию с сего журнала, вместе с письменными работами учеников, представить на рассмотрение О[тцу] Епарх[иальному] Наблюдателю церковн[ых] школ Арханг[ельской] епархии.

<...>

Журнал этот представить в копии: о[тцу] Епархиальному наблюдателю (выписку) и в Епарх[иальный] Училищный Совет. Подписали: Председатель Отделения свящ[енник] А. Шилов; члены Мухин, Темнорусов, Гайденрейх¹³ диакон Николай Азлов.

ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1 Д. 7. Л. 22 об. — 26 об. Копия. Рукопись.

Список сокращений

ГАМО — Государственный архив Мурманской области

И. о. — исполняющий обязанности

МНП — Министерство народного просвещения

НА РК — Национальный архив Республики Карелия

Ф — Фонд

Примечания

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566091182> (дата обращения: 02.02.2024).

² ГАМО. Ф. И-133. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

³ Сборник правил и программ для церковно-приходских школ с относящимися к ним определениями Святейшего Синода / сост. Д. Тихомиров. Могилев на Днестре, 1887. С. 6.

⁴ Кильдинский приход располагался в 13 верстах от г. Колы.

⁵ Камелек — род камня, складывается из камня-плитняка в необделанном виде. Служил как для отопления и освещения, так и для приготовления пищи.

⁶ Шилов Алексей Владимирович (1867 — после 1917) — священник, протоиерей. С 1896 года уездный наблюдатель церковно-приходских школ, и. о. благочинного первого благочиния Кольского уезда Архангельской губернии (1888–1891) [6: 226].

⁷ Мухин А. А. — чиновник по крестьянским делам 1-го участка Кольского уезда. Автор книги «О Мурмане и Лопландии». Архангельск, 1910.

⁸ Сперанский Лавр Федорович ([1861] — 24.08.1922) — священник в Териберском приходе (с 1896 по 1920 гг.) [6: 190].

⁹ Азлов Николай Хрисанфович — делопроизводитель Кольского уездного отделения Училищного совета, с 1907 по 1918 гг. священник в Китовском приходе Кольского уезда Архангельской епархии [6: 16–17].

¹⁰ Абаляев Евлампий Федорович (1854–1910) — крестьянин Нотозерского погоста, Кольско-лопарский волостной старшина. Участник торжеств, посвященных коронации Николая II; подносил от имени волостных старшин России императору «хлеб-соль».

¹¹ Темнорусов А. М. возглавлял отделение МНП в г. Кола, в 1897 году учительствовал в Кольском одноклассном приходском училище.

¹² Так в документе.

¹³ Гейденрейх Николай Яковлевич — статский советник.

Список источников

1. Любичанковский С. В. Аккультурационная модель понимания империи как методологическая альтернатива колониальному подходу // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 10 (8). С. 1–15. <https://doi.org/10.18254/S207987840006065-0>.
2. Бешеров П., Жуковская Т. Н. Школьная система Закаспийской области 1890-х — 1910-х гг. как отражение политики имперской унификации // Журнал фронтальных исследований. 2023. Т. 8, № 4 (32). С. 203–229. DOI 10.46539/jfs.v8i4.502.
3. Лысенко Ю. А. О введении всеобщего начального школьного образования в Оренбургском крае в начале XX в. (по материалам Тургайской области) // Журнал фронтальных исследований. 2023. № 1 (8). С. 146–160. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.500>.
4. Казакова К. С. Взаимодействие Русской Православной Церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX — начале XX веков // Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14. DOI: 10.22250/20728662_2023_1_5.
5. Козлов К. В., Меньшикова Е. Н. Уездные наблюдатели в системе управления церковными школами в епархиях центрального Черноземья в конце XIX — начале XX веков // Via in tempore. История. Политология. 2022. No. 49 (1). P. 119–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129.
6. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 231 p.

References

1. Lyubichankovskiy S. V. Akkul'turatsionnaya model' ponimaniya imperii kak metodologicheskaya al'ternativa kolonial'nomu podkhodu [Accultural Model of an Empire as a Methodological Alternative to the Colonial Approach]. *Istoriya* [History], 2019, No. 10 (8), pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840006065-0>. (In Russ.).
2. Beshеров P., Zhukovskaya T. N. Shkol'naya sistema Zakaspiyskoy oblasti 1890-kh — 1910-kh gg. kak otrazheniye politiki imperskoy unifikatsii [The school system of the Transcaspiian region in the 1890s — 1910s as a reflection of imperial unification policy]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2023, Vol. 8, No. 4 (32), pp. 203–229. DOI 10.46539/jfs.v8i4.502. (In Russ.).

3. Lysenko Yu. A. O vvedenii vseobshchego nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya v Orenburgskom krae v nachale XX v. (po materialam Turgajskoj oblasti) [On the Universal Access to the Primary School Education in the Orenburg Region at the Beginning of the 20th Century (Based on the Materials of the Turgay Region)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2023, No. 1 (8), pp. 146–160. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i1.500>. (In Russ.).
4. Kazakova K. S. Vzaimodeystviye Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i korennoho naseleniya severo-zapadnykh arkticheskikh territoriy v dele narodnogo prosveshcheniya v kontse XIX — nachale XX vekov [Interaction of the Russian Orthodox Church and the indigenous population of the Northwestern Arctic territories in the matter of public education in the late 19th — early 20th centuries]. *Religiovedeniye* [Religious Studies], 2023, No. 1, pp. 5–14. DOI: 10.22250/20728662_2023_1_5. (In Russ.).
5. Kozlov K. V., Men'shikova Ye. N. Uyezdnyye nablyudateli v sisteme upravleniya tserkovnymi shkolami v yeparkhiyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX — nachale XX vekov [District observers in the management system of church schools in the dioceses of the central Black Earth Region at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. Story. Political science], 2022, No. 49 (1), pp. 119–129. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-119-129. (In Russ.).
6. Fedorov P. V. *Pravoslavnyy slovar' Kol'skogo Severa* [Orthodox dictionary of the Kola North]. Saint Petersburg, Mezhdunarodnyy bankovskiy institut, 2017, 231 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К. С. Казакова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

K. S. Kazakova — PhD (History), Senior Research.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 07.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 07.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 94(477.4) + (477-25)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.008

МИНИСТЕРСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ С. С. УВАРОВА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЕМ В 1830–1840-е ГОДЫ

Андрей Витальевич Ашихмин^{1, 2}

¹*Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Россия, katelive11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>*

²*Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

В статье на материалах канцелярского делопроизводства ведомства народного просвещения 1830–1840-х годов исследуются административные функции министерской канцелярии С. С. Уварова. Сравниваются функциональные особенности «особенной канцелярии» А. Н. Голицына и канцелярии министра народного просвещения в изучаемый период. Приводятся результаты статистического изучения отчетов Министерства народного просвещения за 1833–1849 годы, из которых следует, что самая высокая нагрузка на министерскую канцелярию имела место в кризисные для ведомства годы — 1839 и 1849. Впервые в научный оборот вводятся сведения о канцеляристах С. С. Уварова, их карьерных траекториях и социальном облике. На основе формулярных списков и иных источников производится попытка просопографического исследования служивших в канцелярии министра народного просвещения лиц (1833–1849 годы). Также приведены результаты контент-анализа материалов архивного фонда Канцелярии министра (РГИА. Ф. 735), на основании которого можно сделать выводы об основных направлениях работы данного учреждения, зафиксированных не юридически, а де-факто.

Ключевые слова:

С. С. Уваров, Министерство народного просвещения, канцелярия С. С. Уварова, П. М. Новосильский, В. Д. Комовский, политика просвещения, архив Министерства народного просвещения, история государственных учреждений

Для цитирования:

Ашихмин А. В. Министерская канцелярия С. С. Уварова как инструмент управления просвещением в 1830–1840-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 72–90. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.008.

Original article

SERGEY UVAROV'S MINISTERIAL CHANCELLERY AS EDUCATION MANAGEMENT TOOL IN THE 1830s–1840s

Andrey V. Ashikhmin^{1, 2}

¹*Russian State Historical Archive, Saint Petersburg, Russia, katelive11@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>*

²*Institute of History of St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

Abstract

The article examines the administrative functions of Sergey Uvarov's ministerial chancellery based on the materials of the clerical office of the Department of Public Education of the 1830-1840s. The functional features of the "special chancellery" of Alexander Golitsyn and the Chancellery of the Minister of Public Education in the studied period are compared. The author demonstrates the results of a statistical study of the reports of the Ministry of Public Education for 1833–1849, from which it follows that the highest burden on the ministerial chancellery took place in the years of crisis for the institution (1839 and 1849). For the first time, information about Uvarov clerks, their career trajectories and social appearance is introduced into academic sphere. On the basis of formulary lists and other sources, an attempt is made to prosopographically study the persons who served in the Office of the Minister of Public Education (1833–1849). The author also presents the results of a content analysis of the materials of the archival fund of the Office of the Minister (RSHA, fund No. 735), on the basis of which conclusions can be drawn about the main areas of work of this institution, fixed not legally, but de facto.

Keywords:

Sergey Uvarov, Ministry of Public Education, Chancellery of Sergey Uvarov, Pavel Novosilskiy, Vladimir Komovskiy, education policy, archive of the Ministry of Public Education, history of state institutions

For citation:

Ashikhmin A. V. Sergey Uvarov's ministerial chancellery as education management tool in the 1830s–1840s. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 72–90. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.008.

Система просвещения, формировавшаяся в 1830–1840-е годы под влиянием политики С. С. Уварова, часто рассматривается с точки зрения идеологии, что, на наш взгляд, является следствием недостаточной изученности архивных материалов ведомства народного просвещения. Их последовательный анализ позволяет производить исторические наблюдения с иной точки зрения, в рамках которой «уваровская триада» (т. е. тот идеологический компонент, который, в силу объективных общеевропейских обстоятельств, сопровождал реформы просвещения 1833–1849 годов) является второстепенным продуктом многогранной деятельности министра. На первом плане оказываются три основных вектора деятельности министерства — университеты, широкая сеть государственных школ и просвещение на окраинах империи. Автор убежден, что последний вопрос являлся одним из главных для С. С. Уварова на протяжении всей его министерской карьеры, поскольку именно решение национальных проблем (в первую очередь, польской) было для Николая I показателем эффективности деятельности министерства и в конечном счете определяло отношение к самому Уварову. Это убедительно подтверждается тем, что весьма доброжелательное отношение к министру сменилось на скепсис в 1839 году из-за неудачной реализации проекта Киевского университета, который был временно закрыт по причине обнаружения в нем очага польского национально-освободительного движения.

Это позволяет рассмотреть политику просвещения С. С. Уварова в ином, прагматическом ракурсе. Полагаем, что в решении прагматических задач не в последнюю очередь важен прикладной инструментарий, которым пользуется тот или иной реформатор. В случае с министрами и иными крупными сановниками первым и главным инструментом является канцелярия. Поскольку систематического изучения в историографии вопросы функционирования канцелярии С. С. Уварова не получили, автор опирается на многочисленные архивные источники, а также на работы, в которых исследуются смежные проблемы.

Бюрократические механизмы и делопроизводство административных учреждений Российской империи неоднократно становились предметом академических исследований. Во второй половине XX века вышли в свет работы К. Г. Митяева [1], Б. Г. Литвака [2], Л. М. Вяловой [3], в рамках которых делопроизводственная документация становилась предметом исследовательской рефлексии. Именно в 1950–1980-е годы в историографии наметились первые попытки использовать делопроизводство не только как фактологические иллюстрации, но и как самостоятельный и весьма важный объект наблюдений при изучении механизмов функционирования государственного аппарата XIX — начала XX века. Источниковедческий аспект изучения делопроизводственной документации применительно к ведомству Министерства народного просвещения был рассмотрен Л. А. Булгаковой в статье, посвященной отчетам попечителей учебных округов [4]. В 2017 году в статье Т. Н. Жуковской была актуализирована проблема формирования университетских архивов на примере Педагогического института в Санкт-Петербурге [5].

На сегодняшний день наиболее обстоятельной работой о делопроизводстве исследуемого ведомства является кандидатская диссертация К. А. Ильиной, защищенная в 2011 году в Казанском университете [6]. В ней на широком историческом материале были рассмотрены особенности университетского бюрократического языка и архивной политики, влияние делопроизводства на университетскую и ведомственную культуру. Очень важные наблюдения о функционировании министерской канцелярии А. С. Меншикова сделаны в кандидатской диссертации К. В. Доник [7].

Период александровского и николаевского правлений характеризуется модернизацией административной структуры империи, расширением полномочий министров и, как следствие, появлением бюрократических структур, занимавшихся ведением секретной и личной переписки руководителей ведомств, а также исполнявших важные или срочные поручения.

Процесс оформления канцелярий такого рода относится к началу XIX века. В 1811 году были образованы канцелярии министров внутренних дел и финансов (в 1831 году была учреждена Канцелярия министра финансов по секретной части, т. е. для дел, составлявших «особенную тайну»). К 1812 году относится законодательное оформление Собственной е. и. в. канцелярии, существовавшей в качестве личной канцелярии императора со времен Павла I (именно эта структура была реорганизована в 1826 году и разделена на шесть отделений). В 1826 году была образована Канцелярия

Министерства императорского двора «для управления делами по придворной части» [8, с. 436]. В эпоху Николая I Канцелярия обер-прокурора Св. Синода была отделена от канцелярии учреждения и стала самостоятельным административным органом «для ведения делопроизводства обер-прокурора Синода». В 1837 году были образованы самостоятельные канцелярии министров земледелия и государственных имуществ.

Уже при А. Н. Голицыне (1817–1824) особо подчеркивался персонифицированный статус канцелярии министра. В черновике недатированной всеподданнейшей докладной записки А. Н. Голицына этот орган именуется «особой канцелярией»¹. Следует подчеркнуть, что канцелярия Голицына была фактически разделена надвое: первая часть занималась решением ведомственных дел, вторая — «особыми делами». А. Н. Голицын, близкий императору человек, уже имел опыт руководства секретной канцелярией. В 1810–1819 годах, последовательно занимая должности обер-прокурора Св. Синода и министра духовных дел и народного просвещения, он возглавлял «канцелярию по придворной части» (Канцелярию тайного советника князя А. Н. Голицына по делам придворных ведений) — структуру, созданную непосредственно для представления Александру I докладов по всем делам императорского двора [9, с. 145].

Чтобы примерно представлять круг деятельности «особой канцелярии» министра А. Н. Голицына, обратимся к перечню «особого рода дел»², представленных в упомянутом докладе:

I разряд (по правительственной части): секретные распоряжения по почтовой части; переписка по Комитету для рассмотрения отчета Сибирского генерал-губернатора; переписка «о предании суду некоторых лиц по делу о книгах Госснера»³; некоторые секретные дела и распоряжении правительства;

II разряд (по правительственной части): о лицах из Западного края; об учреждении секретных комитетов, в которых участвовал министр;

III разряд (по Комитету о Комиссии сооружения в Москве храма Христа Спасителя);

IV разряд (особые дела ДНП): переписка с Баадером;⁴ иностранная корреспонденция через барона Беркгейма⁵; о крещении черемисов; о делах Гейнлета⁶, директора Ришельевского лицея;

V разряд («о книгах и по цензуре, без огласки хранимые»);

VI разряд (о разных предметах, хранимых без огласки): по разным проектам, переданным министром лично императору;

VII разряд (о денежных суммах по особым поручениям);

VIII разряд (о выдачах «на известное употребление и без огласки отпущенных»);

IX разряд (секретные дела о лицах духовного звания и по духовному ведомству): переписка о лицах, известных императору; переписка с духовным ведомства по высочайшим повелениям;

X разряд (секретные дела об иностранных духовных лицах и обществах): переписка с Константинопольским патриархом о разделении церквей в Греции; переписка с квакерами, известными императору;

XI разряд (о лицах, «участвовавших в злоумышленном обществе 14 декабря 1825 [года] и о семействах их);

XII (по отношениям разных лиц к правительству): переписка с Щигориным, бывшем в Китае; по делу Дубовицкого;⁷ по делу генерала Шепелева с дочерьми;⁸ касательно внучки графа В. Г. Орлова Давыдовой; письма Пилецкого-Урбановича;

XIII (секретные дела «о лицах, заметных по странностям разного рода»);

XIV (секретные дела о раскольниках): «о начальнике скопцов»; по секретному Комитету о раскольниках;

XV (дела частных лиц, «без огласки хранимые»): по всеподданнейшим прошениям лиц, «о разных предметах, до их личных и домашних обстоятельств относящихся»;

XVI («по требованию сумм из Государственного казначейства и Капитула орденов для выдачи разным лицам секретным образом»).

Мы видим, что в эпоху А. Н. Голицына министерская канцелярия сконцентрировала в себе едва ли не все возможные инструменты политического влияния — исполнение секретных распоряжений императора и правительства, участие в работе секретных комитетов, контроль религиозной жизни и религиозного диссидентства, цензурные дела, вовлеченность в секретные финансовые операции,

контроль общественно-политической жизни, рассмотрение и передача императору секретных прошений дворян и сановников. Такого влияния на политическую жизнь империи канцелярия министра С. С. Уварова в 1830–1840-е годы, безусловно, не имела. К концу 1820-х — началу 1830-х годов наметилась тенденция общей централизации бюрократических механизмов с наделением их некоторыми особыми полномочиями в рамках решения задач, поставленных Николаем I во внутренней и внешней политике (в первую очередь, связанных с Польским восстанием 1830–1831 годов). Исходя из этого, прямое сравнение канцелярий А. Н. Голицына и С. С. Уварова выглядит не совсем корректным по следующим причинам.

1. Голицын обладал достаточно широкими административными полномочиями ввиду давних близких отношений с императором Александром I, следовательно, его канцелярия имела черты, характерные для неформальной бюрократии, в отличие от канцелярии Уварова.

2. Министерство Голицына, в отличие от министерства Уварова, вело дела по трем большим направлениям — по ведомству народного просвещения, по ведомству православного исповедания и по ведомству иностранных исповеданий. Безусловно, этот факт свидетельствует о гораздо больших бюрократических возможностях Голицына и весьма сложном устройстве его канцелярии, являвшейся не «техническим бюро», а полноценным политическим инструментом.

К началу 1830-х годов многочисленные бюрократические механизмы ведомства Министерства народного просвещения перестали соответствовать тому политическому вектору, который сложился в государственных учреждениях империи после Польского восстания. Уже 10 сентября 1831 года министр народного просвещения К. А. Ливен предложил Государственному совету реформировать свою канцелярию. К 1831 году штаты Канцелярии Министерства народного просвещения выглядели следующим образом: правитель канцелярии (1); секретари для иностранной, внутренней и заграничной переписки (2); секретарь, занимающийся ведением журналов и текущими делами (1); помощник его (1);

Разумеется, для ведомства, на которое в числе прочих была возложена задача «водворить нормальное положение» в Западных губерниях, штат канцелярии руководителя, состоявший из 5 человек, нельзя было назвать обширным и приспособленным к таким масштабным задачам. Главное, что предлагал К. А. Ливен, — отделить от канцелярии дела «по части Духовного ведомства иностранных исповеданий»⁹, что и было утверждено Николаем I. Принятие же новых штатов затянулось на четыре года, вплоть до кадровых преобразований С. С. Уварова.

Понимая различия между фактически «всесильной» канцелярией А. Н. Голицына и министерской канцелярией С. С. Уварова, остановимся на рассмотрении особенностей функционирования последней. При вступлении С. С. Уварова в должность управляющего Министерством народного просвещения, канцелярия существенно видоизменилась и превратилась в основной инструмент вовлечения министра во все государственные дела. 31 мая 1835 года Государственным советом было принято постановление «О новых штатах и учреждениях Канцелярии министра и Департамента народного просвещения»¹⁰. В тексте постановления отмечалось, что «один взгляд на существующие штатные положения для Департаментов и Канцелярий министров достаточно уже указывает на неудобства подобного распорядка, влекущего за собою вредные для службы и обременительные для казны последствия: отсутствие необходимого единства, несоразмерность числа людей с количеством и родом дел и неуравнительность в содержании чиновников»¹¹. Постановление содержало раздел, в котором были прописаны обязанности и штат канцелярии министра. На службе в ней состоял директор, три секретаря и два секретарских помощника¹². Основные обязанности канцелярии как бюрократического органа были неизменны в любом ведомстве — «принятие поступающих на имя министра бумаг», их производство в работу, а также ведение дел по назначению министра «под непосредственным его наблюдением»¹³. Также в обязанности реформированной канцелярии входили: получение и рассылка сенатских указов по ведомству; рассмотрение бумаг «от разных подведомственных мест» с представлением сведений министру; сообщение сведений для адрес-календаря и для списка о кавалерах (стандартная для всех ведомств процедура); извещение пребывающих в столице кавалеров о собраниях орденских дум; внутренняя и заграничная переписка министра на французском и немецком языках; перевод бумаг, поступающих в министерство, на французском и немецком языках (для перевода бумаг с других,

более редких языков канцелярией привлекались профессора университетов — например, для перевода писем с еврейского); «сообщение приказаний министра», а также составление журналов Главного правления училищ — коллегиального органа (совета министра), состоявшего из попечителей учебных округов и иных администраторов. Последний в эпоху С. С. Уварова существовал номинально и фактически был заменен рядом комитетов и комиссий¹⁴.

В январе 1844 года директор канцелярии В. Д. Комовский обратился к С. С. Уварову с предложением более строгого распределения обязанностей внутри канцелярии и представил правила под названием «Распределение делопроизводства по Канцелярии Министра народного просвещения»¹⁵. Согласно данному «начертанию», канцелярия была разделена на четыре отдела с различными функциями:

I отдел: дела «по назначению министра»; секретные дела, не требующие реакции ДНП; хранение высочайших постановлений и распоряжений¹⁶; дела об экстренных случаях; рассылка приказов министра по ведомству; дела об ученых открытиях и путешествиях и иных научных мероприятиях; дела, предлагаемые на рассмотрение Академии наук; составление журналов Главного правления училищ; о посвящении и поднесении книг (на русском языке) императору и лицам императорской фамилии; исполнение именных указов, поступивших в ДНП; передача во II Отделение С. е. и. в. канцелярии новых узаконений для ПСЗ РИ; дела об определении воспитанников в учебные заведения за счет средств императора и лиц императорской фамилии; соби́рание сведений для ежегодных отчетов министра; неофициальная (частная) переписка; переписка министра по званию заведующего учебной частью в Обществе благородных девиц и училище св. Екатерины; ведение особого журнала всеподданнейшим докладным запискам по канцелярии и по ДНП; дела об определении и увольнении чиновников канцелярии; дела по повышению в чинах чиновников канцелярии и цензурного ведомства; прием, хранение и выдача денежных сумм, поступающих в канцелярию; ведение приходно-расходных ведомостей; составление финансового отчета по канцелярии; хранение «канцелярских припасов»; контроль за дежурством чиновников ДНП;

II отдел: производство дел по цензуре; составление журналов ГУЦ; производство дел по представлениям местных цензурных комитетов и цензуры иностранной; дела по цензуре в Царстве Польском; рассылка списков запрещенных книг, частично или вполне позволенных цензурой иностранной; рассмотрение срочных ведомостей о действиях цензурных комитетов; рассылка иностранной цензуре списков рукописей и книг, одобренных к печати; составление ежегодных отчетов по цензурному ведомству; дела о выдаче запрещенных сочинений; переписка о доставляемых в ГУЦ книгах; хранение и учет книг канцелярии министра; дела об определении, увольнении и пенсиях чиновников по цензурному ведомству;

III отдел (французский язык): внутренняя и заграничная переписка, перевод входящих бумаг, дела о поднесении книг императору и лицам императорской фамилии; переписка с корреспондентом МНП в Париже; переписка министра по званию почетного попечителя Краковского университета; наблюдение за газетами и журналами, выписываемыми для редакции «ЖМНП»; сообщение сочинений и статей в «ЖМНП» и «Ведомости Императорской Российской Академии наук»; составление ведомости получаемых указов Сената и их хранение; ведение журналов входящих и исходящих бумаг канцелярии, составление их алфавитного списка;

IV отдел (немецкий язык): внутренняя и заграничная переписка, перевод входящих бумаг, дела о поднесении книг императору и лицам императорской фамилии; рассмотрение меморий с ведомственных мест; сообщение сведений для адрес-календаря и списка о кавалерах; извещение и распоряжения о собраниях орденов дум; рассылка адрес-календарей; составление ведомостей об исполнении высочайших повелений по канцелярии; сообщение статей о высочайших повелениях по ведомству в редакцию «ЖМНП», составление ведомости решенных дел; составление описи дел канцелярии; заведование архивом канцелярии и хранение законченных дел; регистрация и отправление пакетов [документов].

Нужно сказать, что проект В. Д. Комовского не являлся окончательным, следовательно, отражал реальное положение дел лишь отчасти. С. С. Уваров отреагировал на многие пункты карандашными исправлениями. Перед пунктами о переписке с корреспондентом МНП в Париже

и о переписке министра по званию почетного попечителя Краковского университета он написал: «Совершенно прекратилась»¹⁷. То же самое касалось пунктов о наблюдении за газетами, выписываемыми для редакции «ЖМНП»; составления описи получаемых указах Сената, извещения о собраниях кавалеров орденских дум и сообщения сведений для адрес-календарей.

Данный документ интересен не столько подробным и последовательным описанием деятельности канцеляристов, сколько отсутствием в нем видимой причастности министра к делам канцелярии. Следовательно, он мог не знать глубоких подробностей канцелярской деятельности своих сотрудников, руками которых во многом реализовывалась политика народного просвещения. К середине 1840-х годов канцелярскими делами министра занимались четыре человека: за первый отдел отвечал А. А. Каратыгин, за второй — К. О. Ляскович, переписка на французском языке была поручена Е. Е. Нагелю, на немецком — К. С. Оберту¹⁸.

Директора (правители) министерской канцелярии С. С. Уварова

Павел Михайлович Новосильский ([1802]–1862), возглавлявший Канцелярию министра народного просвещения в 1831–1838 годы, в историографии известен, прежде всего, как мореплаватель и цензор. Тверской дворянин, выпускник Морского кадетского корпуса в звании мичмана (1819), он участвовал в первом кругосветном путешествии к Южному полюсу под руководством Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, по возвращении из которого был награжден орденом св. Анны 3-й степени и постоянной прибавкой к жалованью в 600 рублей. Преподавал в Морском кадетском корпусе навигацию, астрономию и высшую математику (1821–1824). В 1825 году выдержал экзамен для гражданских чиновников в Петербургском университете и был переведен из морского ведомства в ведомство народного просвещения¹⁹.

С этого времени П. М. Новосильский служил в канцелярии А. Н. Голицына в качестве столоначальника. С 1828 года «за выбытием из канцелярии исправляющего должность директора» фактически возглавил ее (вплоть до 1838 года). В течение службы в канцелярии был награжден орденом св. Владимира 4-й степени (1831). П. М. Новосильский получал 4 тысячи рублей в год жалованья, а с 1836 года — прибавку в 3 тысячи рублей из хозяйственных сумм ДНП²⁰. К концу службы дослужился до статского советника, войдя, по Б. Н. Миронову, во вторую верхнюю группу чиновников по уровню жалованья (12,5 % от 118,1 тысячи всего) [10, с. 93]. В 1838 году оставил должность директора, будучи назначенным членом Главного правления училищ. На его место переместили В. Д. Комовского, служившего в Императорской Публичной библиотеке. В то же время министр пожелал, чтобы Новосильского определили в библиотеку на пустующее место Комовского. Библиотекарем П. М. Новосильский прослужил всего два месяца и, по некоторым сведениям, даже исполнял дежурство [11]. Затем он недолгое время возглавлял Отделение духовных дел греко-униатского исповедания при Синоде, а 18 мая 1839 года был назначен директором Хозяйственного управления того же ведомства. В 1840 году за особые заслуги получил в «вечное владение» 1500 десятин земли. В 1840-е годы исполнял разные поручения правительства: ревизовал Московскую синодальную типографию, командировался в Москву «по делам службы», состоял во «Второстепенном комитете для предварительных работ по предположению о применении в империи пансионного положения Царства Польского» (1843)²¹. В конце жизни служил цензором столичного цензурного комитета. В 1860 году директор С.-Петербургского цензурного комитета ходатайствовал перед министром: «Цензор... Павел Новосильский, обремененный большим семейством, постоянно продолжает свою службу в цензурном комитете, несмотря на тяжкие непрерывные страдания от опасной и едва ли излечимой хронической болезни»²².

П. М. Новосильский в качестве директора канцелярии исполнял самые разные, в том числе неформальные, поручения С. С. Уварова. Из комплекса его писем К. С. Сербиновичу (140 писем за период 1832–1855 годов, в том числе 6 — за период управления канцелярией) следует, что он передавал распоряжения Уварова по разным подведомственным МНП учреждениям. По некоторым письмам реконструируется стиль управления министра. В письме от 3 марта 1837 года Новосильский писал:

«Имею честь известить Вас, что его светлости (т. е. С. С. Уварову — А. А.) угодно, чтобы завтра господа начальники отделений были к нему, каждый с своими бумагами, посему покорнейше прошу Вас скорейше приказать повестить кого следует»²³. Некоторую текущую работу С. С. Уваров не рассматривал лично, а получал изложение писем в устной форме от директора канцелярии или секретарей. 22 ноября 1832 года Новосильский сообщал Сербиновичу, что содержание письма его «докладывано» министру²⁴. Таким образом, директор канцелярии был полноценным посредником в отношениях между министром и другими чиновниками, если речь шла о тех делах, которые не требовали мгновенной личной реакции С. С. Уварова. В ноябре того же года Новосильский использовал такую формулировку: «Его светлость, получив Ваше письмо, приказал мне известить Вас...»²⁵. Большая часть коммуникации между министром и подчиненными была опосредованной (через директора канцелярии и его сотрудников).

Василий Дмитриевич Комовский (1803–1851) возглавил канцелярию в 1838 году, одновременно исполняя должность правителя дел Главного управления цензуры. С. С. Уваров в докладе Николаю I отмечал, что с этого периода никакой отдельной цензурной канцелярии не будет существовать, потому что «по истине Канцелярия ГУЦ составляет одно лишь отделение Канцелярии министра народного просвещения»²⁶. В отличие от Новосильского, представлявшего военно-морское сословие с его особенной этикой, Комовский был человеком ученым, глубоко погружавшимся в самые разные научные вопросы. В 1833–1838 годах служил в Императорской Публичной библиотеке. За это время, будучи знатоком немецкого языка, перевел «Историю древней и новой литературы» Ф. Шлегеля и «Немецкую словесность» В. Менцеля [12]. В. Д. Комовский известен как один из первых русский библиографов.

На протяжении всего директорства он достаточно тяжело болел, из-за чего неоднократно прерывал службу в канцелярии. В 1840 году С. С. Уваров сообщал Николаю I о том, что здоровье Комовского «препятствует исполнять должность... и не обещает скорой к тому возможности в будущем»²⁷. На время болезни министр переводил Комовского на должность чиновника особых поручений по делам Варшавского учебного округа, которая была во многом фиктивной, поскольку Уваров практически не влиял на политику просвещения в Царстве Польском. С 1845 года Комовский отвечал за издание памятников на иностранных языках в Археографической комиссии. После отставки С. С. Уварова, с которым у Комовского отношения так и не сложились, был назначен П. А. Ширинским-Шихматовым на должность председателя Археографической комиссии. Скоропостижно скончался от брюшного тифа 14 июня 1851 года, не оставив наследства. Новый министр просил у императора разрешение на организацию похорон за счет хозяйственных сумм Департамента народного просвещения ввиду того, что «после Комовского не осталось состояния, кроме обремененного долгом дома, общего с братьями»²⁸.

Различие биографических траекторий двух «уваровских» директоров, тем не менее, не отражалась на их деятельности. Оба директора не только осуществляли контроль за текущей бюрократией, но и занимались ведением переписки и нередко копированием важных входящих и исходящих министерских бумаг. Почерком П. М. Новосильского и В. Д. Комовского написаны многие отношения, распоряжения и циркулярные письма С. С. Уварова. Тем не менее заметим, что на примере двух директорских биографий мы видим развитие двух социокультурных типов среднего министерского чиновничества: военно-морской отставник, увлеченный хозяйственными делами, по-дилетантски увлекающийся литературными опытами, и профессиональный гуманитарий, сочетающий канцелярскую службу с самыми разными научными занятиями. Можно предположить, что министерские и ученые амбиции С. С. Уварова хорошо сочетались с первым представленным типом и явно не сочетались со вторым. В этом смысле не лишено логики предположение Л. М. Равич о «гонениях» Уварова на Комовского, поскольку почва для выдвижения таких предположений была подготовлена весьма конфликтной атмосферой в канцелярии министра в эпоху его «опалы» (вторая половина 1840-х годов).

Секретари министерской канцелярии С. С. Уварова

Правой рукой министра на протяжении большей части его службы был старший секретарь канцелярии **Александр Андреевич Каратыгин** ([1798]–1846). Он выполнял самые ответственные служебные поручения: его рукой написаны чистовики практически всех докладных записок С. С. Уварова Николаю I. Министр пригласил опытного канцеляриста к себе на службу спустя месяц после собственного назначения, в мае 1833 года. А. А. Каратыгин родился в семье придворных актеров Андрея Васильевича (1774–1826) и Александры Дмитриевны (1777–1859). Не окончив Горный кадетский корпус, в 1816 году поступил подканцеляристом в петербургскую портовую таможню. В 1819–1821 годах служил помощником бухгалтера в Дирекции императорских театров. После служил письмоводителем в Государственном коммерческом банке, а с 1824 года параллельно занимал ту же должность в Комитете 3-й Адмиралтейской части о пособии потерпевшим от наводнения в С.-Петербурге, членом которого был будущий министр С. С. Уваров²⁹. В 1832 году, когда Сергей Семенович получил должность товарища министра, запомнившийся ему большим трудолюбием письмоводитель Каратыгин был переведен на должность помощника библиотекаря в Библиотеку Академии наук. Как только Уваров стал министром, Каратыгин был зачислен в служители канцелярии.

В отсутствие директора канцелярии его обязанности исполнял А. А. Каратыгин — так было во время продолжительных болезней В. Д. Комовского. За усердную службу он награждался денежными суммами, знаками отличия и подарками. Как следует из многочисленных характеристик, это был наиболее приближенный к Уварову служитель канцелярии. Об этом свидетельствует письмо его вдовы на имя министра: «...служба покойного мужа моего, ревностнейшего в своё время исполнителя вашей воли, обращала на себя всегда особенное внимание вашего сиятельства и даже после кончины его была оценена всемилостивейшим назначением ему награды: ордена Св. Анны...»³⁰.

А. А. Каратыгин умер 2 апреля 1846 года «после семичасовых страданий от внезапно развившейся внутренней гангрены». После его смерти Уваров хлопотал о выплатах семье, поскольку законная пенсия родственникам покойного полагалась за его 30-летнюю выслугу, а на момент кончины Каратыгин прослужил 29 лет, 4 месяца и 6 дней. В итоге Комитет министров назначил вдове Каратыгина Варваре Васильевне пенсию в размере двух третей его оклада (около 76 рублей)³¹. В докладной записке Николаю I он писал: «Канцелярия утратила в нём одного из лучших чиновников»³².

Евгений Петрович Вонлярлярский (1813–1881) начал службу в министерской канцелярии еще при К. А. Ливене в 1829 г. Дворянин, к 1850-м годам владевший тремя имениями в Смоленской, Псковской и Петербургской губерниях, а также каменным домом в столице. Прошел полный курс наук в Благородном пансионе при Петербургском университете. С 1833 года служил секретарем для иностранной переписки, выполняя самую ответственную «дипломатическую» работу в канцелярии. В 1835 году получил звание камер-юнкера. Помимо переводов иностранных бумаг, занимался ревизорскими проверками: с этими целями в 1839 году он посещал Смоленск и Рославль³³. По собственному желанию оставил службу в канцелярии С. С. Уварова в 1841 году, перейдя на должность чиновника по особым поручениям при дежурном генерале Главного штаба е. и. в. На новой должности продолжил заниматься ревизиями. С 1842 по 1844 год служил чиновником особых поручений при главноуправляющем путями сообщения и публичными зданиями П. А. Клейнмихеле, где отвечал за хозяйственные вопросы (в частности, при проложении Московского шоссе в Петербурге). С 1844 по 1848 год служил чиновником особых поручений при IV Отделении с. е. и. в. канцелярии (ведомство учреждений императрицы Марии), в основном ревизуя учебные заведения в провинциальных городах империи: в Казани (1844, 1846), Тифлисе (1844), Белостоке (1846). За успешные ревизии получал монаршее благоволение, а также был награжден званием камергера в 1846 году.

В формулярном списке Е. П. Вонлярлярского отсутствует важный факт его биографии, который был засекречен по повелению Николая I, — служба в Комитете 2 апреля 1848 года [13, с. 129]. 29 апреля 1848 года Глава комитета Д. П. Бутурлин лично ходатайствовал перед императором о зачислении Вонлярлярского на службу помощником члена комитета³⁴. Из деловой переписки

Д. П. Бутурлина с управляющим IV Отделением А. Л. Гофманом следовало, что «назначение статского советника Вонлярлярского к занятиям по комитету должно по особому повелению е. и. в. оставаться негласным»³⁵. Это касалось вообще всех чиновников, причастных к деятельности бутурлинского комитета. С 1850 года Вонлярлярский был избран дворянским депутатом от Царскосельского уезда, принимал участие в составлении дворянской родословной книги за 1851–1854 годы. На время отъезда А. Л. Гофмана (июль–октябрь 1853 года) представлял всеподданнейшие доклады по IV Отделению, фактически исполнял обязанности управляющего.

Фёдор Августович Коцебу ([1809]–?) был секретарем для иностранной переписки на немецком языке в канцелярии С. С. Уварова в 1835–1838 годах. Потомственный дворянин родом из Эстляндской губернии. Выпускник Благородного пансиона при Царскосельском лицее, в 1827 году он поступил на службу в Канцелярию Грузинского гражданского губернатора. В том же году перешел на службу в канцелярию Грузинского военного губернатора Н. М. Сипягина. Участвовал в сражениях Русско-иранской войны при урочищах Судагент и Джангели (август 1827 года), а также в обороне лагеря генерал-лейтенанта А. И. Красовского от отряда Суфан Кулихана, за что в 1828 году был награжден орденом св. Анны 3-й степени. В 1829 году стал переводчиком в Эстляндском губернском правлении. В 1830 году Ф. А. Коцебу был перемещен на должность столоначальника в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий МВД. А. А. Закревский, оставляя должность министра внутренних дел в ноябре 1831 года, изъявил Коцебу благодарность «за труды и усердие к службе». 10 февраля 1832 года получил чин коллежского асессора. В 1834 году определен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел³⁶.

При поступлении на службу в канцелярию С. С. Уварова ему было назначено жалованье 2000 рублей в год. В 1835 году на короткое время переходил на должность чиновника особых поручений в ДНП, но затем вернулся к прежним занятиям. С 1836 года параллельно со службой в канцелярии МНП занимался письмоводительской работой в Комиссии для приведения в единообразие мер и весов при Департаменте горных и соляных дел. В 1836 и 1837 годах командировался по делам службы в Московскую губернию. В 1836 году награждался бриллиантовым перстнем. В 1838 году перешел на службу в V Отделение с. е. и. в. канцелярии³⁷.

Егор Егорович Нагель (1812–1889) был секретарем для иностранной переписки канцелярии С. С. Уварова с 1840 по 1849 год. Сын иностранного купца. Родился в Гамбурге. Выпускник Петершуле, в 1833 году он поступил на службу гувернером в Царскосельский лицей и параллельно преподавал там французский язык. В 1837 году получил чин титулярного советника. С 1838 года служил библиотекарем Комитета цензуры иностранной, покинув лицей. С 1840 года параллельно с библиотечной службой ему было поручено цензурирование книг. В том же году начал службу в канцелярии С. С. Уварова, который в личном докладе Николаю I характеризовал его так: «Лично мне известный как по чистой нравственности и благонадежности, так и по способностям»³⁸. Ему было назначено 514 рублей жалованья и 214 рублей серебром столовых денег в год с сохранением штатных окладов по другим должностям. По Комитету цензуры иностранной он получал по 714 и 142 рубля соответственно. В 1842 году был уволен в отпуск в Германию на четыре месяца для излечения «завала брюшных внутренностей» минеральными водами. В 1840-е годы несколько раз ездил лечиться в Финляндию и Остзейские губернии. В 1846 году удостоен ордена св. Анны 3-й степени. В 1847 году снова уезжал в Германию для лечения на четыре месяца. Имел казенную квартиру в доме министерства на Чернышевой площади.

В фонде Главного управления цензуры сохранилась жалоба Е. Е. Нагеля на своего бывшего начальника С. С. Уварова, поданная напрямую министру П. А. Ширинскому-Шихматову³⁹. Обстоятельства дела заключались в том, что отставленного от заведования библиотекой Комитета цензуры иностранной Е. Е. Нагеля обвинили в «недостаче» книг, большая часть которых не прошла цензуру. В жалобе Нагель уточнял, что никакой ответственности за эти книги не несет, поскольку часть из них не была возвращена из Главного управления цензуры, а часть «не доставлена обратно бывшим министром народного просвещения графом Уваровым», в канцелярии которого он прослужил 11 лет,

занимаясь французскими переводами и другими делопроизводственными делами. При увольнении Нагеля из цензурного ведомства с него потребовали 350 рублей за недостающие книги (150 книг, составлявшие около 250 томов). Нагель «неоднократно испрашивал у графа Уварова уплаты за недоставленные им книги..., объясняя, что ближайшее начальство их от него требует. Граф Уваров каждый раз тем обнадеживал, что хотел сам об этом поговорить с министром народного просвещения». Не получив никакого решения, в 1851 году Нагель письменно обратился к Уварову с просьбой вернуть деньги за невозвращенные книги книготорговцам Белизару и Гещу, через которых он их выписывал из-за границы. В записке, пересказанной со слов Нагеля, Уваров пожелал отстранения его от службы «по расстроенному состоянию глаз». А. И. Красовский очередную просьбу Нагеля не принял, и он был отстранен от службы с удержанием тех самых 350 рублей из жалованья. Обида и недоумение — вот чувства, которые испытывал отставной чиновник, прослуживший более 10 лет в канцелярии Уварова и бывший «одним из приближенных к нему лиц». «Я должен был исполнить личные приказания графа Уварова и не мог от него требовать письменных документов в получении вышеозначенных книг», — писал огорченный Нагель. Ситуация усугублялась сложным финансовым положением музейного библиотекаря, который был вынужден жить в скромной комнате при музее⁴⁰.

В 1853 году он обращался с жалобой к министру П. А. Ширинскому-Шихматову, а после его смерти — к министру А. С. Норову, отмечая, что жалоба его «уже 5 месяцев остаётся в бездействии»⁴¹. Разбираться в этом деле было поручено бывшему начальнику Нагеля, председателю Комитета цензуры иностранной А. И. Красовскому. Он посчитал просьбу Нагеля «домогательством», о чем в подробностях доложил министру Норову⁴². Также он сообщил, что Уваров наотрез отказался «признать эту претензию правильной и принять на себя уплату денег»⁴³.

Развязка наступила спустя год, когда Норов написал письмо Уварову, в котором спрашивал, признает ли тот справедливым, чтобы деньги были возвращены Нагелю. 1 февраля 1854 года из Москвы Уваров отправил ответное письмо, в котором выражал «крайнее удивление», что Норов обратился к нему с такой просьбой. Он сказал, что «чрез столь продолжительный срок трудно запомнить что-либо подобное», и порекомендовал узнавать сведения или лично у Нагеля, или в Канцелярии, или в Комитете цензуры иностранной⁴⁴. После долгого бюрократического затишья 21 мая 1855 года последовало решение министра — «признать просьбу Нагеля неподлежащей удовлетворению»⁴⁵.

После конфликта с бывшим министром Нагель служил на различных чиновничьих должностях до 1889 года.

Балабин Евгений Петрович (1815–1895) служил старшим секретарем в канцелярии С. С. Уварова в 1846–1849 годы. Потомственный мелкопоместный дворянин Черниговской губернии (100 душ у родителей), владелец двух каменных домов в С.-Петербурге. Выпускник Благородного пансиона при С.-Петербургском университете, в 1833 году поступил на службу канцелярским чиновником в Департамент мануфактур и внутренней торговли. В 1838 году, после закрытия департамента, перешел во Второй департамент МГИ. В 1840 году начал службу в Канцелярии министра внутренних дел. С 1841 года служил столоначальником в ДНП. В 1843 году пожалован в придворное звание камер-юнкера. С 1846 по 1849 год служил в канцелярии С. С. Уварова. Очевидно, он был приглашен на службу непосредственно министром, поскольку являлся его родственником: родной брат Е. П. Балабина, Иван Петрович, был зятем С. С. Уварова, овдовевшим после смерти его любимой дочери Натальи в 1843 году [14, с. 584].

В 1848 году произведен в надворные советники. В том же году ревизовал Немировскую гимназию в Подольской губернии «во всех подробностях, т. е. по учебной, нравственной, административной и хозяйственной частям». В 1852 году, продолжая службу уже в канцелярии П. А. Ширинского-Шихматова, уехал в отпуск на Карлсбадские минеральные воды на 4 месяца и не вернулся в Россию⁴⁶. Был заочно отстранен от службы. Впоследствии стал известен как видный деятель русского католичества во Франции.

На примере пяти вышепредставленных биографических траекторий можно сказать, что секретари министерской канцелярии С. С. Уварова не были «случайными» чиновниками — они имели хорошее образование, через личные или родственные связи были знакомы с министром и его окружением. Их социальный статус был достаточно высок, поскольку многие из них поддерживали неформальные отношения с министром: по сведениям Н. П. Барсукова, секретарь Нагель проводил летние отпуска в компании друзей Уварова в его имении Поречье [15, с. 147]. Трое секретарей министра (Вонлярлярский, Коцебу и Балабин) носили придворное звание камер-юнкеров.

Помощники секретарей министерской канцелярии С. С. Уварова

Виноградов Григорий Авивович ([1801]–?) служил помощником секретаря в канцелярии С. С. Уварова с 1833 по 1838 год. Сын священника. Не пройдя полный курс наук во Владимирской духовной семинарии, в 1825 году поступил на службу в Суздальское духовное правление. В 1826–1831 годы служил в Тверской гражданской палате. В 1831 году поступил служить в канцелярию министра народного просвещения К. А. Ливена. В канцелярии министра получал 750 (с 1835 года — 1000) рублей жалованья в год. Виноградов заведовал хозяйственной частью канцелярии (имуществом, «канцелярскими припасами» и т. д.) до 1832 года. В 1835 году ездил в командировку в Ревель.

После пятилетней службы в канцелярии С. С. Уварова в чине коллежского секретаря перешел в Третий департамент МГИ. С 1839 года — младший столоначальник в Хозяйственном управлении при Синоде. С 1848 года — секретарь при директоре Хозяйственного управления Синода. В 1851 году получил орден св. Анны 3-й степени. В 1853 году переведен на должность младшего контролера в том же ведомстве⁴⁷.

Токарев Дмитрий Иванович ([1793]–1845) служил помощником секретаря в канцелярии С. С. Уварова с 1833 по 1838 год. Из духовного звания. По окончании полного курса наук в Казанской духовной академии в 1814 году был произведен в сан священника и служил в церкви с. Алексеевском Лаишевского уезда Казанской губернии. Овдовев, по собственному желанию был «уволен» из священнического сана в 1819 году. В том же году поступил на канцелярскую службу в Казанскую казенную палату по Отделению питейного сбора. Прослужив три года, был переведен на ту же должность в Вятскую казенную палату. В 1823 году служил в конторе Павловского казенного винокуренного завода. В 1824–1826 годах снова служил в Вятской казенной палате. В 1827–1828 годы состоял в Нижегородской удельной конторе в звании удельного депутата. В 1831 году перебрался в столицу и начал службу в Комиссии, высочайше учрежденной для довершения Обводного канала. В 1833–1845 годы служил в канцелярии С. С. Уварова в должности помощника секретаря. В 1843 году по постановлению Комитета министров был награжден подарком⁴⁸.

Помощники секретарей, в отличие от самих секретарей, занимались рутинной бюрократической работой, требовавшей большой дисциплины. На примере биографий Виноградова и Токарева мы видим, что на эту роль хорошо подходили дети священников.

Среди основных черт коллективного портрета уваровских канцеляристов следует выделить молодость, хорошее образование, дворянское происхождение и опыт канцелярской службы. Всего за почти 17 «уваровских» лет через службу в канцелярии прошло 11 чиновников, средний возраст на момент поступления на службу которых составлял приблизительно 28 лет. В среднем канцеляристы служили 8 лет. Большинство из них были дворянами по происхождению. Почти все имели университетское образование или окончили благородный пансион. Четверо чиновников поступили в канцелярию, уже имея опыт службы по ведомству народного просвещения. Нередким делом было совмещение канцелярской службы со службой в цензурных учреждениях. Из 11 чиновников 1 дослужился до чина д. с. с. (IV класс), 1 — до ст. сов. (V), 1 — до колл. сов. (VI), 3 — до надвор. сов. (VII), 3 — до колл. ас. (VIII), 1 — до тит. сов. (IX), 1 — до колл. секр. (X). Ниже представлена таблица 1, в которой более подробно раскрываются просопографические черты канцеляристов С. С. Уварова.

Таблица 1

Чиновники канцелярии С. С. Уварова в 1833–1849 годах

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ФИО, годы жизни	Годы службы в канцелярии министра	Должность	Сословие	Образование	Подданство, вероисповедание	Из какого ведомства поступил в канцелярию	Чин на момент оставления службы в канцелярии или отставки Уварова, придворное звание	Форм. список
Новосельский Павел Михайлович (1802–1862)	1825 (1833)–1838	Правитель канцелярии (с 1835 г. — директор)	Двор.	Морской кадетский корпус (1815–1819), экз. для гражд. чин. в СПб. ун-те (1825)	Правосл.	Морское ведомство	Кол. сов. (VI)	РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 349. Л. 46–61 (1861)
Комовский Василий Дмитриевич (1803–1851)	1838–1849	Директор	Двор.	Петришуле (1811–1817), Благ. панс. при Ц.-С. лицее (1818–1821)	Правосл.	ИПБ, Археограф. комис. при ДНП	Д. с. с. (IV)	РГИА. Ф. 733. Оп. 3. Д. 60. Л. 15–22 (1840)
Каратыгин Александр Андреевич (1798–1846)	1833–1846	Секретарь (с 1844 г. — старший секретарь)	Сын придворного актера	Нет	Правосл.	Имп. АН	Надв. сов. (VII)	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 451. Л. 95–102 (1846)
Вонлярский Евгений Петрович (1813–1881)	1833–1841	Секретарь (1833–1835, 1840–1841), Секретарь для иностранной переписки (1835–1840)	Двор.	Благ. панс. при СПб. ун-те (1829)	Правосл.	ДНП	Кол. ас. (VIII) в звании камер-юнкера	ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 1547. Л. 1–25 (1857)
Виноградов Григорий Авинович (1801–?)	1833–1838	Помощник секретаря	Сын священника (в другом ф. с. — из диакон. детей)	Владимирск. дух. семинария (не окончил)	Правосл.	Тверская гражд. палата	Кол. сек. (X)	РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 1313. Л. 7–12 (1853)

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Токарев Дмитрий Иванович (1793–1845)	1833–1845	Помощник секретаря	Из дух. звания (бывш. священ.)	Казанская духовная академия (1814)	Правосл.	Комиссия, высочайше утвержд. для довершения Обводного канала в С.-Петербурге	Тит. сов. (IX)	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 456. Л. 78–83 (1842)
Коллебу Фёдор Августович (1809[–?])	1835–1838	Секретарь для иностранной переписки	Двор.	Благ. панс. при Ц.-С. лицее (1826)	Лютеран.	Хоз. деп-т МВД	Кол. ас. (VIII) в звании камер- юнкера	РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 538. Л. 4–8 (1834)
Оберт Карл Станиславович (1811–1871)	1839–1849	Помощник секретаря (1839–1847), секретарь (1847–1849)	?	Петришуле (1819–1827), Полный курс Ист.-фил. факультета С.-Петербург ун-та (1832)	Из иностр., принял поддан. России; лютеран.	Инспектор. Деп-т Военного мин-ва (1833–1837)	Кол. ас. (VIII)	РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4720. Л. 15–17 (1858)
Ляскович Карл Осипович (1806[–?])	1840–1849	Секретарь (с 1844 г. — старший секретарь)	Двор. (Зап. губ.)	Виленский ун-т	Католич.	Главное управление цензуры	Ст. сов. (V)	РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1639
Нагель Егор Егорович (1812–1889)	1840–1849	Секретарь	Сын иностр. купца	Петришуле (1833)	Лютеран.	Комитет цензуры иностранной	Надв. сов. (VII)	РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 192. Л. 70–73 (1850)
Балабин Евгений Петрович (1815–1895)	1846–1849	Старший секретарь	Двор.	Благ. панс. при СПб. ун-те (1833)	Православие; католичество (с 1852)	ДНП	Надв. сов. (VII) в звании камер- юнкера	РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 581. Л. 4–9 (1846)

Некоторые статистические показатели работы министерской канцелярии С. С. Уварова

На основе изучения приложений к отчетам по Министерству народного просвещения за 1833–1849 годы были обобщены статистические данные, позволяющие судить о загруженности канцелярии министра различными делами и государственными поручениями⁴⁹. Они представлены в табл. 2.

Таблица 2

Количество ежегодно исполняемых министерской канцелярией дел

Год	Количество входящих и исходящих дел	Отчет канцелярии министра
1833	3001	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 3. Л. 62
1834	3690	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 5. Л. 16
1835	3320	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 7. Л. 17
1836	3511	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 10. Л. 19
1837	?	?
1838	3673	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 12. Л. 23
1839	4658	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 14. Л. 19
1840	4179	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 16. Л. 21
1841	3969	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 18. Л. 21
1842	3879	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 20. Л. 21
1843	3950	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 22. Л. 21
1844	3919	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 24. Л. 21
1845	4420	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 26. Л. 21
1846	4310	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 28. Л. 21
1847	4137	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 30. Л. 21
1848	4388	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 32. Л. 20
1849	4847	РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 34. Л. 20

Обратим внимание, что пик документооборота канцелярии С. С. Уварова зафиксирован в 1839 (год временного закрытия Университета св. Владимира, а также год основания Варшавского учебного округа) и 1849 (год «сдачи» министерских дел) годах. В среднем канцелярия министра «закрывала» 3784 дела в год, а на одного канцелярского служащего приходилось 631 дело в год.

Также был проделан контент-анализ заголовков архивных дел, отложившихся в архиве Канцелярии министра народного просвещения за 1833–1849 годы. Архив канцелярии министра народного просвещения поступил на хранение в I Отделение IV секции Петроградского отделения ЕГАФ в 1918 году. Фонд отличается достаточно хорошей сохранностью. Ему присвоен статус «особо ценный». Дореволюционная опись фонда была переработана в 1947 году под руководством Л. И. Полянской. За исследуемый период (март 1833 года — октябрь 1849 года) в фонде Канцелярии министра народного просвещения содержится 1199 архивных дел (РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 439–738; Там же. Оп. 2. Д. 1–749; Там же. Оп. 10. Д. 92–240). Результаты контент-анализа заголовков архивных дел (с поправкой на особенности советских стилистических изменений) представлены на диаграмме.

Как следует из статистики, пятая часть общей работы канцелярии была посвящена занятиям, связанным с книгами, которые были подарены или посвящались императору или представителям императорской фамилии. Среди других значимых направлений работы канцелярии — «чрезвычайные» события («беспорядки» и обнаруженные тайные общества в учебных заведениях и университетах, а также другие происшествия), передача дел в ведение Академии наук и кадровые решения ведомства народного просвещения. Цензурная часть в диаграмме практически не отражена, поскольку канцелярия Главного цензурного управления составляет отдельный архивный фонд и требует отдельного рассмотрения.

Результаты контент-анализа материалов архива министерской канцелярии С. С. Уварова

Переходя к выводам, заметим, что министерская канцелярия С. С. Уварова, в отличие от «всесильной» канцелярии А. Н. Голицына, была сосредоточена на решении ведомственных задач. Это было связано с несопоставимой разницей административных возможностей А. Н. Голицына и С. С. Уварова, обусловленной как персоналистским, так и юридическим факторами. Реструктуризация канцелярии, проведенная в 1835 году, была вызвана объективными нуждами министерского бюрократического аппарата. Канцелярия была «техническим бюро» министра, вовлеченным в основные проблемы управления просвещением (цензурная политика, академическая «дипломатия», польский вопрос, университетский вопрос и т. д.). На основании статистических данных можно сделать вывод, что пик бюрократической активности министерской канцелярии пришелся на 1839 и 1849 годы, что может быть объяснено поворотными событиями в карьере Уварова (закрытие Киевского университета, отставка министра). Аналитическое изучение описей архива канцелярии позволяет выделить наиболее объемные и трудозатратные направления работы канцеляристов: рассмотрение книг, преподнесенных императору и членам царской фамилии; идеологический контроль подведомственных учреждений и учебных заведений, дела Академии наук, кадровая политика ведомства, школы и университеты.

Список сокращений

- РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
МНП — Министерство народного просвещения
ДНП — Департамент народного просвещения
ГУЦ — Главное управление цензуры
МГИ — Министерство государственных имуществ
МВД — Министерство внутренних дел
ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
ИПБ — Императорская Публичная библиотека
АН — Академия наук
ЕГАФ — Единый государственный архивный фонд

Примечания

- ¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293а. Л. 83–87 об. Черновая всеподданнейшая докладная записка министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына «О роде дел, в особой канцелярии производимых». Без даты. Л. 83.
- ² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293а. Л. 79–82. Черновая всеподданнейшая докладная записка министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына «О делах канцелярии, собственно директором производимых». Без даты.
- ³ *Иоганн Госснер* (1773–1858) — немецкий теолог и проповедник. В 1820 году был избран директором Библейского общества. Запрещение его книги в историографии связывают с борьбой А. С. Шишкова против «мистической партии» А. Н. Голицына.
- ⁴ *Франц Ксавер фон Баадер* (1765–1841) — немецкий философ. В начале 1820-х годов предложил проект создания экуменической христианской академии в Петербурге, который поддержал А. Н. Голицын. Проект не был реализован из-за отставки последнего в 1824 году.
- ⁵ Франц Беркгейм был генерал-комиссаром полиции в Майнце, но увлекся мистическим учением баронессы Крюденер и впоследствии стал ее ближайшим сподвижником.
- ⁶ Речь идет о конфликте директора лицея Йозефа фон Гейнлета (1769–1856) с учителем Закона Божьего Феофилом (1788–1860).
- ⁷ *Александр Петрович Дубовицкий* (1782–1848) — рязанский дворянин, масон, основатель секты «Внутренних поклонников господних».
- ⁸ Вероятно, речь идет о наследстве, доставшемся после смерти И. Р. Баташёва в 1821 году семье генерала Д. Д. Шепелева.
- ⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. I. 1825–1839. Изд. второе. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. Стб. 448.
- ¹⁰ Там же. Стб. 926–946.
- ¹¹ Там же. Стб. 927.
- ¹² Там же. Стб. 933.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Стб. 933–934.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 448. Л. 2–6 об. «Распределение делопроизводства по Канцелярии Министра народного просвещения», представленное директором В. Д. Комовским С. С. Уварову. 21 января 1844 г.
- ¹⁶ Ныне находятся на хранении в особом фонде бывшего архива МНП: РГИА. Ф. 744 (Коллекция Высочайших указов, рескриптов и всеподданнейших докладов по МНП).
- ¹⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 448. Л. 5. «Распределение делопроизводства по Канцелярии министра...».
- ¹⁸ Там же. Л. 7–7 об. Представление директора Канцелярии министра народного просвещения В. Д. Комовского С. С. Уварову. 31 января 1844 г.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 207. Л. 30–38. «Формулярный список о службе и достоинстве директора Канцелярии министра народного просвещения коллежского советника Новосильского». 1837 г. Л. 30–33.
- ²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 207. Л. 25–27. Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова «О назначении директора Канцелярии министра народного просвещения статского советника Новосильского членом Главного правления училищ и об определении вместо его коллежского советника Комовского». 12 марта 1838 г. Л. 26.
- ²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 349. Л. 46–61. «Формулярный список о службе цензора Санкт-Петербургского цензурного комитета действительного статского советника Новосильского». 1861 г. Л. 54 об. – 57.
- ²² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4120. Л. 39. Представление Санкт-Петербургского цензурного комитета о выплате П. М. Новосильскому. 22 декабря 1860 г.
- ²³ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1324. Л. 4–4 об. Письмо П. М. Новосильского К. С. Сербиновичу. 3 марта 1837 г.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1324. Л. 2. Письмо П. М. Новосильского К. С. Сербиновичу. 22 ноября 1832 г.
- ²⁵ Там же. Л. 1. Письмо П. М. Новосильского К. С. Сербиновичу. 18 ноября 1832 г.
- ²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 207. Л. 25–27. Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова... 12 марта 1838 г. Л. 27.

- ²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 3. Д. 60. Л. 11–12 а. Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова «Об увольнении статского советника Комовского от должности директора канцелярии». Л. 11.
- ²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 3. Д. 60. Л. 58–58 об. Всеподданнейшая докладная записка П. А. Ширинского-Шихматова «О пособии на погребение действительного статского советника Комовского». Л. 58.
- ²⁹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 451. Л. 96 об. «Формулярный список старшего секретаря Канцелярии министра народного просвещения надв. сов. Каратыгина». 1846 г.
- ³⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 451. Л. 119 об. Письмо В. В. Каратыгиной С. С. Уварову. Октябрь 1846 г.
- ³¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 451. Л. 90-90 об. Копия протокола заседания Комитета министров. 24 апреля 1846 г.
- ³² РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 451. Л. 81. Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова «О пенсии семейству надворного советника Каратыгина». 20 апреля 1846 г.
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 1547. Л. 1–25. «Формулярный список депутата С.-Петербургского дворянского депутатского собрания в звании камергера д. с. с. Вонлярларского». 1857 г. Л. 3 об.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–5 об. Всеподданнейшая докладная записка Д. П. Бутурлина. 29 апреля 1848 г. Л. 3 об. – 4.
- ³⁵ Там же. Л. 17–17 об. Отношение Д. П. Бутурлина А. Л. Гофману. 1 мая 1848 г.
- ³⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 538. Л. 4–8. Формулярный список о службе коллежского асессора Фёдора Коцебу. 1834 г.
- ³⁷ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 538. Об определении коллежского асессора Коцебу секретарем Канцелярии министра народного просвещения для переписки на немецком языке. 1834–1852 гг.
- ³⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 192. Л. 1 об. Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова. 29 июля 1840 г.
- ³⁹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3018. Л. 1–2 об. Прошение библиотекаря Румянцевского музея Е. Е. Нагеля министру народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову. 17 февраля 1853 г.
- ⁴⁰ Там же. Л. 2 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 7. Прошение Е. Е. Нагеля министру народного просвещения А. С. Норову. 2 сентября 1853 г.
- ⁴² Там же. Л. 11 об. Ответ на прошение Е. Е. Нагеля, составленный председателем Комитета цензуры иностранной А. И. Красовским. 28 ноября 1853 г.
- ⁴³ Там же. Л. 13.
- ⁴⁴ Там же. Л. 27–28 об. Письмо С. С. Уварова А. С. Норову. 1 февраля 1854 г.
- ⁴⁵ Там же. Л. 33. Объявление Нагелю, данное канцелярией министра А. С. Норова, по прошению его. 21 мая 1855 г.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 581. Л. 75–80. «Формулярный список о службе старшего секретаря министра народного просвещения в звании камер-юнкера двора е. и. в. коллежского советника Балабина». 1852 г.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 1313. Л. 7–12. «Формулярный список о службе контролера Хозяйственного управления при Св. Синоде коллежского асессора Виноградова». 1853 г.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 456. Л. 78–83. Формулярный список о службе и достоинстве помощника секретаря канцелярии министра народного просвещения титулярного советника Д. И. Токарева. 1842 г.
- ⁴⁹ Было изучено 16 приложений к отчетам по министерству за 16 лет, исключая 1837 год, поскольку за этот год интересующей информации обнаружить не удалось (РГИА. Ф. 733. Оп. 117).

Список источников

1. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: учеб. пособие. М.: [Б. и.], 1959.
2. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979.
3. Вялова Л. М. Организация делопроизводства центральных органов управления в законодательных актах Российской империи. Первая половина XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
4. Булгакова Л. А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 10. Л.: Наука, 1978. С. 244–251.
5. Жуковская Т. Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 114–164.

6. Ильина К. А. Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
7. Доник К. В. Князь А. С. Меншиков и морское ведомство: реформы флотской администрации в начале царствования Николая I: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023.
8. Российский государственный исторический архив. Путеводитель. В 4 т. Т. 2. Фонды центральных государственных учреждений. СПб.: Лики России, 2013.
9. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3: Центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 2002.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. 3-е изд. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.
11. Шилов Л. А. Новосильский Павел Михайлович // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Электронный ресурс. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=479&ysclid=lsiwbgyqzy400086483 (дата обращения: 12.02.2024).
12. Равич Л. М. Комовский Василий Дмитриевич // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Электронный ресурс. URL: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=257 (дата обращения: 25.03.2024).
13. Вонлярлярский Евгений Петрович // Цензоры Российской империи (конец XVIII — начало XX века): биобиблиографический справочник. СПб.: Изд-во Рос. нац. биб-ки.
14. Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи, 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2024.
15. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892.

References

1. Mityaev K. G. *Istoriya i organizatsiya deloproizvodstva v SSSR* [The history and organization of clerical work in the USSR]. Moscow, 1959. (In Russ.).
2. Litvak B. G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX — nachala XX v.* [Essays on the source studies of mass documentation of the XIX — early XX century]. Moscow, Nauka, 1979. (In Russ.).
3. Vyalova L. M. *Organizatsiya deloproizvodstva tsentral'nyh organov upravleniya v zakonodatel'nyh aktah Rossiyskoy imperii. Pervaya polovina XIX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The organization of office work of central government bodies in the legislative acts of the Russian Empire. The first half of the XIX century. PhD (History) thesis abstract]. Moscow, 1987. (In Russ.).
4. Bulgakova L. A. *Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник* [Reports of the trustees of educational districts and universities as a historical source]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Vol. 10. Leningrad, 1978, pp. 244–251. (In Russ.).
5. Zhukovskaya T. N. *Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): спetsифика отражения университетской повседневности* [Archive of the Pedagogical Institute in St. Petersburg (1804–1819): the specifics of reflecting university everyday life]. *Biografii universitetskikh arhivov* [Biographies of university archives]. Moscow, Higher School of Economics, 2017, pp. 114–164. (In Russ.).
6. П'ина К. А. *Делопроизводственная документация как источник изучения практики управления российскими университетами первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук* [Office records as a source for studying the management practices of Russian Universities in the first half of the 19th century. PhD (History) thesis abstract]. Kazan', 2011. (In Russ.).
7. Donik K. V. *Knyaz' A. S. Menshikov i morskoe vedomstvo: reformy flotskoy administratsii v nachale tsarstvovaniya Nikolaya I: dis. ... kand. ist. nauk* [Prince A. S. Menshikov and the Maritime Department: reforms of the naval administration at the beginning of the reign of Nicholas I. PhD (History) thesis]. Saint Petersburg, 2023. (In Russ.).
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv. Putevoditel'* [The Russian State Historical Archive. Guidebook]. Vol. 2. *Fondy tsentral'nyh gosudarstvennyh uchrezhdeniy* [Funds of central state institutions]. Saint Petersburg, Liki Rossii, 2013. (In Russ.).

9. *Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii* [Higher and central state institutions of Russia]. 1801–1917. Vol. 3. Tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya [Central state institutions]. Saint Petersburg, Nauka, 2002. (In Russ.).
10. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [The social history of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century)]. Vol. 1. Saint Petersburg, DMITRIY BULANIN.
11. Shilov L. A. Novosil'skiy Pavel Mihaylovich. *Sotrudniki RNB — deyateli nauki i kul'tury*. Elektronnyy resurs [Russian National Library employees are scientists and cultural figures. An electronic resource]. Available at: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=479&ysclid=lsiwbgyppy400086483 (accessed 12.02.2024).
12. Ravich L. M. Komovskiy Vasiliy Dmitrievich. *Sotrudniki RNB — deyateli nauki i kul'tury*. Elektronnyy resurs [Russian National Library employees are scientists and cultural figures. An electronic resource]. Available at: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=257 (accessed 25.03.2024).
13. Vonlyarlyarskiy Evgeniy Petrovich. *Tsenzory Rossiyskoy imperii (konets XVIII — nachalo XX veka): biobibliograficheskiy spravochnik* [Censors of the Russian Empire (late XVIII — early XX century): bio-bibliographic reference]. Saint Petersburg, Izd-vo Ros. nats. bib-ki. (In Russ.).
14. Shilov D. N. *Glavy vysshih i tsentral'nyh gosudarstvennyh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii, 1802–1917: Biobibliograficheskiy spravochnik* [Heads of higher and central state institutions of the Russian Empire, 1802–1917: Biobibliographical reference]. Vol. 2. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2024. (In Russ.).
15. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [The life and works of M. P. Pogodin]. Book 6. Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevitcha, 1892.

Информация об авторе

А. В. Ашихмин — главный специалист Отдела научных публикаций Российского государственного исторического архива, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Information about the author

A. V. Ashikhmin — head specialist of Department of Humanities Publications in Russian State Historical Archive, postgraduate student of Institute of History of St. Petersburg University.

Статья поступила в редакцию 07.04.2024; одобрена после рецензирования 13.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 07.04.2024; approved after reviewing 13.04.2024; accepted for publication 16.04.2024

Научная статья
УДК 7.071.1:94(47)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.009

ЖИЗНЕННЫЕ ИПОСТАСИ ЧЕРНОГО ГАРДЕМАРИНА НИКОЛАЯ ВАЛЬДМАНА

Ольга Вячеславовна Шабалина

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

Аннотация

В статье на основе опубликованных источников, архивных документов представлен жизненный и творческий путь военного моряка, скульптора Н. Ф. Вальдмана — одного из важных фондообразователей Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. В 1977 году несколько художественных работ из семейного собрания Вальдманов были переданы в Музей-Архив на постоянное хранение его сыном К. Н. Вальдманом.

Ключевые слова:

Н. Ф. Вальдман, черный гардемарин, скульптура, русские спаниели

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования:

Шабалина О. В. Жизненные ипостаси черного гардемарина Николая Вальдмана // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 91–102. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.009.

Original article

LIFE HYPOSTASES OF THE BLACK NAVAL CADET NIKOLAY WALDMAN

Olga V. Shabalina

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, o.shabalina@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0711-1913>

Abstract

The article, based on published sources and archival documents, presents the life and creative path of a military sailor, sculptor N. F. Valdman, one of the important founders of the Museum-Archive of the History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of the Humanities of the KSC RAS. In 1977, some artworks from the Waldman family collection was transferred to the Museum-Archive for permanent storage by his son K. N. Waldman.

Keywords:

N. F. Waldman, black naval cadet, sculpture, Russian spaniels

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Shabalina O. V. Life hipostases of the black naval cadet Nikolai Valdman. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 91–102. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.009.

Постоянно действующая выставка «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН (правопреемник Музея-Архива Северного филиала Географического общества СССР) с 1974 года хранит и экспонирует документальные материалы личных фондов и коллекций отечественных ученых, путешественников, мореплавателей, художников, чья жизнь была связана с Арктикой. Формирование документально-предметных фондов и библиотеки Музея-Архива происходило в основном за счет инициативного со стороны его организаторов комплектования, пополняясь из семейных архивов, собраний и коллекций фондообразователей. Безусловно, в Музей-Архив попали «остатки» семейных, личных архивов и коллекций — большую часть материалов

получили центральные, региональные государственные и ведомственные архивы и музеи. Но эти остатки — результат своеобразной внутрисемейной экспертизы ценности, так как по разным причинам их владельцы не смогли расстаться с ними в момент передачи основного документального массива и продолжали хранить в семейном архиве. Уникальный состав персональных фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН неизменно привлекает внимание специалистов и широкой публики, в том числе, например, история комплектования и содержание коллекции морского офицера и скульптора Николая Фридриховича Вальдмана (1893–1949).

В апреле 1977 года председатель Северного филиала Географического общества СССР Борис Иванович Кошечкин (1931–1995) по рекомендации авторитетнейшего российского медиевиста Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995) обратился к сыну Николая Фридриховича Вальдмана ветерану Великой Отечественной войны, военному переводчику Кириллу Николаевичу Вальдману (1924–2001) с просьбой о помощи в организации экспозиции Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера (рис. 1, 2)¹.

Рис. 1. Николай Фридрихович Вальдман²

Рис. 2. Кирилл Николаевич Вальдман³

К. Н. Вальдман в ответном письме от 26 апреля 1977 года сообщил, что очень высоко ценит рекомендации И. П. Шаскольского и верит, «что Музей-Архив в г. Апатиты возглавил большую и нужную работу»⁴. К письму он приложил перечень материалов, которые относились к периоду службы его отца в должности начальника Распорядительной части Штаба обороны Мурманского побережья в 1920–1921 годах, а также список работников Штаба, которых знал лично.

Б. И. Кошечкин был очень признателен К. Н. Вальдману за ответ и готовность помочь. Среди сохранившегося в семейном архиве он особенно выделил в письме от 21 мая 1977 года «дружеский шарж В. М. Голицына на Альберта Бенуа. Во-первых, потому, что Альберт Бенуа был участником Северной научно-промышленной экспедиции и фактическим сподвижником таких ее известных деятелей, как Р. Л. Самойлович, П. В. Виттенбург, М. А. Лаврова и др., материалы которых представлены в экспозиции и фондах Музея-Архива. Во-вторых, потому, что автор шаржа также глубоко причастен к освоению Севера, будучи участником ряда плаваний «Персея» (рис. 3, 4)⁵.

Рис. 3. Фото. А. Н. Бенуа делает зарисовки в экспедиционной теплушке. 1920⁶

Рис. 4. В. М. Голицын. Карикатура на А. Н. Бенуа. 11 октября 1920 года⁷

Также Б. И. Кошечкин заявил о желании получить для демонстрации в экспозиции «пейзаж Н. Ф. Вальдмана “Вид на залив и порт Мурманск” и акварель А. Н. Бенуа с видом Мурманска. Они могли бы быть использованы в экспозиции, посвященной развитию города и порта». Так как ко времени написания письма Кирилл Николаевич еще не определился, кому передать указанные работы (Музею-Архиву или Мурманскому краеведческому музею), Борис Иванович заметил, что «интерес областного краеведческого музея здесь также оправдан»⁸.

Следующий ответ от К. Н. Вальдмана был, по его собственному определению, «вещным», и получило его руководство Музея-Архива в начале октября 1977 года. В сопроводительном письме Кирилл Николаевич писал: «Заказной бандеролью посылаю Вам для Музея-Архива дружеский шарж В. Голицына на Альберта Бенуа. Кроме того, вырезал из семейного альбома и прилагаю к письму миниатюрный рисунок самого Альберта Бенуа — “Вид порта Мурманск”. Это тот же 1920-й год. Конечно не акварель, но все же его рука»⁹. К. Н. Вальдман попросил об услуге — направить ему «фотоснимок А. Бенуа времен Северной экспедиции», чтобы иметь возможность идентифицировать его на других фото этого периода из семейного архива. Б. И. Кошечкин, как истинный собиратель, не мог упустить возможность лично встретиться с таким ценным фондообразователем, как Кирилл Николаевич, поэтому во время своего отпуска в Ленинграде в ноябре 1977 года он предложил сопроводить его к Елене Павловне Виттенбург, у которой «имеется альбом Кольского отряда Северной экспедиции 1920 года», так как ее отец, геолог Павел Владимирович Виттенбург, руководил работой данного отряда¹⁰. Доподлинно не известно, состоялась ли трехсторонняя встреча, но, очевидно, личное знакомство Б. И. Кошечкина и К. Н. Вальдмана случилось, и Борис Иванович был убедителен, так как экспозиция Музея-Архива пополнилась из семейного собрания ценнейшими экспонатами, которые будут представлены далее. Не прояви отец-основатель Музея-Архива в тот момент расторопность, они достались бы, скорее всего, Мурманскому областному краеведческому музею.

Николай Фридрихович Вальдман, за право сохранить и представить широкому зрителю наследие которого «боролся» Музей-Архив, родился в Санкт-Петербурге 27 сентября 1893 года в семье потомственного почетного гражданина Митавы — губернской столицы Курляндии, директора Охтинской бумагопрядильной мануфактуры Фридриха Иогановича Вальдмана, евангелическо-лютеранского вероисповедания, и Лидии Васильевны (ур. Ильиной), православного вероисповедания. Николай был крещен по православному обряду. В семье, кроме него, уже росла девочка Ольга (в замужестве — Бенуа), а в 1900 году родился брат Александр¹¹. В 1906 году Николай после окончания двух классов в знаменитой «кузнице гениев», гимназии Карла Мая, был переведен родителями в Митавское Реальное училище. 8 октября 1913 года был зачислен юнкером флота по морской части во 2-й Балтийского Флота экипаж¹².

До 1851 года молодой человек в Российской империи мог рассчитывать на карьеру строевого офицера флота, только если происходил из дворянской семьи или/и семьи морского офицера и прошел обучение в Морском кадетском корпусе (МКК). В 1851 году в Российском императорском флоте появилась возможность стать юнкером флота. Для этого необходимо было поступить вольноопределяющимся во флот и соответствовать общим требованиям поступления на государственную службу: иметь высшее образование и право на производство в офицерский чин [1: 73–75].

После известного исхода Русско-японской войны судостроительная программа Российского императорского флота была серьезно увеличена, поэтому МКК уже не мог обучить в своих стенах необходимое количество «белых» гардемарин, которых так называли по цвету погон, для обеспечения флота офицерским составом (рис. 5)¹³.

В сентябре 1913 года с особого разрешения императора на флот по результатам конкурсного экзамена были приняты 64 юнкера из семей разночинцев со средним образованием, среди которых был и Николай Вальдман. После двух недель строевых занятий они были отправлены в учебное заграничное плавание на крейсере «Олег» [1: 76–77].

После возвращения и сдачи практических экзаменов весной 1914 года юнкеров разместили для занятий в Крюковских казармах 2-го батальона 2-го Балтийского флота экипаж и переименовали в гардемарин. Их форма не отличалась от той, что была у гардемарин МКК, но погоны были черные, поэтому они получили прозвище «черные гардемарин»¹⁴.

Рис. 5. Черные гардемарин¹⁵

В июле 1914 года специально для них были созданы Отдельные гардемаринские классы (ОГК) для прохождения всего теоретического курса «специальных» классов МКК за 28 месяцев, после которого успешных в обучении черных гардемарин допустили к экзаменам на мичмана. Впоследствии наборы учащихся в ОГК продолжались на регулярной основе [1: 76–77].

Звание «мичман» было присвоено Николаю Вальдману 30 января 1916 года, а 15 февраля он был назначен вторым минным офицером на заградитель «Амур». Исполнял обязанности вахтенного начальника и ротного командира. За год до своего назначения 28 февраля 1915 года был награжден медалью «В память 200-летия Гангутской победы».

В процессе аттестации в 1916 году Николай Фридрихович Вальдман был охарактеризован как «способный к строевой и судовой службе хороший морской офицер. Любит дело. Заботливый о команде. Спокоен в опасности. Вполне годеи и желателен к дальнейшей службе. Очень нравственный, хорошего характера и здоровья. Очень воспитан и дисциплинарен. Знает немецкий и французский языки»¹⁶.

В октябре 1917 года Н. Ф. Вальдман принимал участие в Моондзунской операции, на тральщике «Шквал» ходил на постановку минных заграждений в Ирбенском проливе. Приказами командующего флотом Балтийского моря № 508 от 26 июля 1916 года и № 134 от 23 февраля 1917 года за самоотверженность и мужество, а также за усиленные труды в обстоятельствах военного времени Н. Ф. Вальдман был награжден соответственно Орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»¹⁷.

8 сентября 1917 года в Ревеле на минном заградителе «Амур» матросами был поднят красный флаг и принята резолюция о провозглашении России демократической республикой. Подчинившись приказу Центробалта «Амур» отбыл из Ревеля в Кронштадт, а 24 октября судовой комитет получил распоряжение о полном подчинении корабля Военно-революционному комитету петроградского Совета. Приняв на борт штаб и более 2000 моряков сводного кронштадтского отряда под командованием комиссара Г. И. Иванова, «Амур» на следующий день прибыл в Петроград, став на якорь рядом с «Авророй». Амурцы участвовали в штурме Зимнего дворца, в ликвидации мятежа юнкеров, охраняли Смольный и сражались с войсками А. Ф. Керенского [2].

Заполняя анкету в 1947 году капитан 2-го ранга Н. Ф. Вальдман так писал о себе «во время Октябрьских событий»: «...был на заградителе “Амур”. <...> Во время перехода был на мостике. Присутствовал на митингах на корабле. После заградителя “Амур” был назначен помощником на заградитель “Урал” (командир — капитан 2 ранга [Л. Б.] Зайончковский). Был в Кронштадте во время мятежа [в июне 1919 года] на Красной Горке и во время налета английских катеров»¹⁸.

Затем Н. Ф. Вальдман был назначен помощником, далее командиром эскадренного миноносца «Сторожевой». В 1919 году он участвовал во всех боях на эсминце «Сторожевой» в составе кораблей Онежской флотилии до отправления эсминца на Волгу, после чего был назначен флагманом артиллерийской дистанции, а затем начальником Базы «Медвежья гора»¹⁹.

В марте 1920 года после восстановления советской власти на Мурмане военморы Штаба морской обороны Мурманского побережья приступили к созданию флота для охраны северных рубежей нового государства. Эта сложная работа потребовала привлечения специалистов в морском деле. Бывшие черные гардемарины среди прочих стали костяком для решения этой задачи. Руководил Штабом Наобмур В. В. Биллевиц, начальником оперативной части Штаба был назначен А. И. Сергиевский, а начальником распорядительной части Штаба стал Н. Ф. Вальдман. С 6 мая 1920 года по 20 июня 1921 года Штаб находился в подчинении начальника Морских сил Северного моря, и в его ведении оказались: Мурманский военный порт, дивизионы сторожевых судов и катеров-истребителей, полудивизион плавучих батарей, посыльные суда «Русслан» и «Трифон» [3: 529].

Штабные офицеры и служащие вместе с семьями жили буквально под одной крышей в разоренном интервентами Мурманске и делились друг с другом всеми радостями и невзгодами. В эту дружную компанию были с удовольствием приняты и два художника: молодой моряк из самого знатного княжеского рода Голицыных — Владимир Михайлович Голицын (1902–1943) и почтенный академик в летах, знаменитый акварелист Альберт Николаевич Бенуа (1852–1936) [3: 530]. Альберт Николаевич приехал на Мурман в составе научно-исследовательской геологической экспедиции под руководством профессора П. В. Виттенбурга. Сохранились замечательные пейзажи, жанровые зарисовки, шаржи этого периода как двух последних авторов, так и самого Н. Ф. Вальдмана. Несколько из них передал на постоянное хранение из семейного собрания в Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН К. Н. Вальдман.

В экспозиции Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН демонстрируется акварельная работа А. Н. Бенуа «Осенний вечер на Мурманском побережье», написанная в октябре 1920 года и подаренная автором

жене Н. Ф. Вальдмана Елизавете Альбертовне Кюнцли (1895–1958), о чем сообщается в дарственной надписи на пейзаже (рис. 6). Есть небольшой карандашный рисунок мастера на визитной карточке «Сплав леса в Мурманском порту». Представлены портрет академика А. Н. Бенуа, выполненный сангиной самим Николаем Фридриховичем (рис. 7), и уже упоминавшийся дружеский шарж на знаменитого акварелиста авторства В. М. Голицына. Рукотворная афиша, анонсирующая лекцию профессора П. В. Виттенбурга и выставку работ А. Н. Бенуа по окончании экспедиционных работ по поиску железных руд на Мурманском побережье в 1920 году, украшающая соответствующий раздел экспозиции Музея-Архива, также выполнена Альбертом Николаевичем.

Рис. 6. А. Н. Бенуа. Осенний вечер на Мурманском побережье. 15 октября 1920 года. Мурманск²⁰

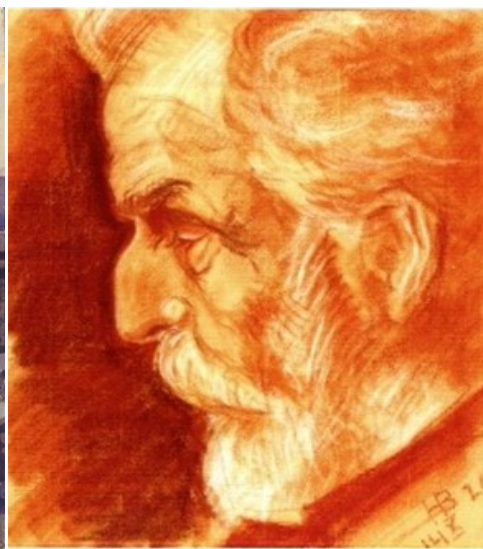

Рис. 7. Н. Ф. Вальдман. Портрет А. Н. Бенуа. 14 октября 1920 года. Мурманск²¹

В 1923 году Н. Ф. Вальдман демобилизуется, оставив пост помощника начальника курса Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе, и полностью отдается изучению искусства ваяния в Петроградском высшем художественно-техническом институте (ВХУТЕИН) на курсе скульптора-монументалиста В. В. Лишева, кстати, также бывшего кадрового офицера-артиллериста. На этом новом поприще первый успех пришел к Н. Ф. Вальдману достаточно быстро. 24 апреля 1924 года ленинградским Обществом архитекторов и Обществом архитекторов-художников был объявлен всесоюзный конкурс на лучший проект памятника В. И. Ленину на площади у Финляндского вокзала. Всего на конкурс было представлено более 60 проектов²². Эскиз Николая Фридриховича стал четвертым в рейтинге у жюри.

В 1930-м памятник принцу Петру Ольденбургскому перед бывшей Мариинской больницей был демонтирован и отправлен в переплавку. Впоследствии на месте памятника появилась чаша со змеёй — сосуд Гигиены (Гигиены) как символа медицины, отлитая по модели скульптора Николая Вальдмана (демонтирована в 2000-е годы) (рис. 8, 9).

В 1935 году в ленинградском Детском саду Дома культуры (бывшем Михайловском саду) установили выполненную Н. Ф. Вальдманом парковую скульптурную группу «Счастливое детство». Она изображала В. И. Ленина в окружении детей (рис. 10). В 1938 году советское почтовое ведомство выпустило серию из семи марок под названием «Дети страны Советов», и на одной из них художник И. И. Дубасов изобразил эту скульптуру вместе с реальными детьми на прогулке в саду (рис. 11). Но имя скульптора ни в одном каталоге советских марок не упоминали, так как его отправили вместе с семьей в ссылку в Саратов [3: 537].

Рис. 8. Н. Ф. Вальдман. Ссосуд Гигеи (Гигиени). Санкт-Петербург. 2000-е годы²³

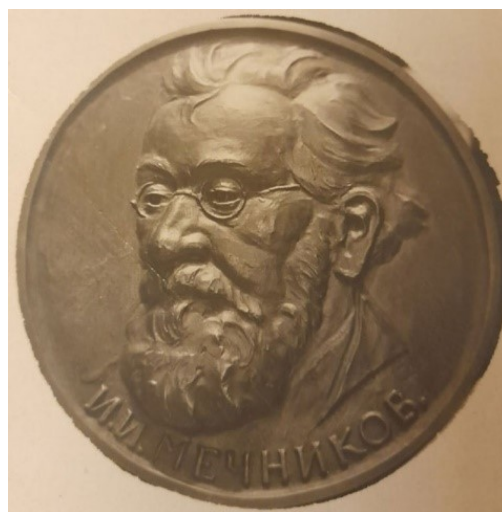

Рис. 9. Н. Ф. Вальдман. Бронзовый барельеф с изображением биолога И. И. Мечникова²⁴

Рис. 10. Л. П. Зиверт. Памятник «Ленин и дети» («Счастливое детство») в Детском саду Дома культуры (б. Михайловский сад). Скульптор Н. Ф. Вальдман. Ленинград. Май 1935 года. Фото²⁵

Рис. 11. Дубасов И. И. Почтовая марка из серии «Дети страны Советов». 1938²⁶

В Саратове Н. Ф. Вальдман брался за любую работу. Он спроектировал Доску почета колхозов Саратовского края. Она была открыта в ноябре 1935 года у парка «Липки» (рис. 12). Демонтирована при установке памятника Н. Г. Чернышевскому летом 1953 года.

В 1936 году всей семье удалось вернуться в Ленинград после письменных обращений на имя наркома обороны К. Е. Ворошилова. И перед началом Великой Отечественной войны скульптор получил от Центрального военно-морского музея заказ на создание масштабной композиции «Моряки в гражданской войне». Она была определена в один из залов музея, открытый в здании Биржи (рис. 13, 14)²⁷.

Рис. 12. Молодые мамы на площади им. Чернышевского в Саратове. Весна, 1952²⁸

Рис. 13. Один из залов Центрального военно-морского музея, открытый в здании Биржи. 1941²⁹

Рис. 14. Николай Фридрихович с сыном на фоне бюста адмирала М. П. Лазарева. Весна, 1941³⁰

Всю жизнь Николай Фридрихович был предан одной породе собак — спаниелям (рис. 15). Какое место они занимали в его жизни, можно судить по его экслибрису — владельческому книжному знаку, который создала для него ленинградский график, театральный художник Визель Татьяна Эмильевна (1904–1976) из известной художественной династии Визелей (рис. 16). Изображение для такого печатного знака всегда символично и наполнено разнообразной информацией о владельце, призванной в художественных образах передать его профессиональную принадлежность, отразить его личность, характер и интересы. И всё это необходимо уместить в рамки небольшого эскиза для изготовления штампа. Концептуальная картина мира Николая Фридриховича Вальдмана в экслибрисе представлена тремя фигурами, вписанными в треугольник. В его основание помещены спиной к зрителю изображения маленького мальчика и черного спаниеля, чьи взгляды обращены на обезличенную скульптуру женщины на высоком станке мастера в вершине композиции, сужающейся практически до точки, за которой только книги. Можно трактовать этот рисунок по-разному. Во многих культурах треугольник, обращенный вверх острием, символизирует мужское начало, а в античной традиции — стремление материи к духу. В данном случае прочитывается триединый образ вселенной Вальдмана, сотканый из книжных идиллий и жизненной эмпирики, куда, наряду со скульптурным изображением его жены-музы, сына, включена любимая собака.

Рис. 15. Н. Ф. Вальдман. Гипсовая статуэтка маленькой Маб. Фото³¹

Рис. 16. Т. Э. Визель. Ex libris Waldman. Художественный экслибрис для книг Н. Ф. Вальдмана. Ленинград. 1920-е годы³²

Николай Фридрихович и его жена Елизавета Альбертовна Кюнцли являлись владельцами четырех спаниелей: Дези, Маб, Мод и Рези. Семейство Кюнцли, проживавшее в Швейцарии после 1918 года, также держало кокер-спаниелей швейцарского разведения. Маб, любимица Николая Фридриховича, черная с небольшой прядкой белых волос на груди, по мнению эксперта-кинолога Всероссийской категории И. Б. Русиной, стала прародительницей всех современных русских спаниелей (рис. 17, 18). Ее сын Негри несколько лет подряд признавался лучшим спаниелем соответствующей секции Ленинградского областного общества кровного собаководства (ЛООКС), а ее правнучка Нейда выжила в блокаду и дала первый помёт в спасённом Ленинграде³³.

Рис. 17. Спаниель Маб,
заводчик Н. Ф. Вальдман. Фото³⁴

Рис. 18. Н. Ф. Вальдман. Маб. Рисунок³⁵

В 1941-м Н. Ф. Вальдман был снова призван на флот, командовал канонерской лодкой «Амгунь», был представлен к званию Героя Советского Союза, но так и не получил его. Он был награжден орденом Красной Звезды. После войны — капитан III ранга, преподавал в Высшем военно-морском училище им. М. В. Фрунзе, на Курсах подготовки офицеров запаса³⁶.

13 марта 1949 года трагическая случайность оборвала жизнь удивительно красивого во всех отношениях человека. По воспоминаниям внучки Н. Ф. Вальдмана Натальи Кирилловны Комаровой, он был любим и уважаем людьми, как близкими, так и едва знакомыми. Современники отмечали его благородство и глубокую порядочность, невероятную волю в сочетании с тонкой душой, скромностью³⁷. Прожив яркую жизнь, Николай Фридрихович Вальдман успел проявить себя и в ратном деле, и в творчестве. Его наследие бережно хранится многими, в том числе и Музеем-Архивом истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН в г. Апатиты.

Список сокращений

ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра
Российской академии наук

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН — постоянно действующая выставка «Музей-Архив истории изучения
и освоения Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН

МКК — Морской кадетский корпус

ОГК — Отдельные гардемаринские классы

ВХУТЕИИ — Петроградский высший художественно-технический институт

ЛООКС — Ленинградское областное общество кровного собаководства

Примечания

¹ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка. Исх. № 126. 1977.

² Валиев М. Т. Биографическая страничка Вальдмана Николая Фридриховича. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=468 (дата обращения: 01.04.2024).

³ Кирилл Николаевич Вальдман. URL: <https://rb.rbook.club/author/11335998/> (дата обращения: 01.04.2024).

- ⁴ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Переписка. Вх. от 26 апреля 1977 года.
- ⁵ Там же. Переписка. Исх. от 21 мая 1977 года.
- ⁶ Там же. НВФ 537.
- ⁷ Там же. ОФ 406.
- ⁸ Там же. Переписка. Исх. от 21 мая 1977 года.
- ⁹ Там же. Переписка. Вх. 540 от 26 сентября 1977 года.
- ¹⁰ Там же. Переписка. Исх. № 513 от 06 октября 1977 года.
- ¹¹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10–1. Д. 4В.
- ¹² Валиев М. Т. Биографическая страничка Вальдмана Николая Фридриховича. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=468 (дата обращения: 01.04.2024).
- ¹³ Гельмерсен, фон Г. М. Страницы истории // Военная быль. 1969. № 101. URL: [//LEPASSEMILITAIRE.RU/STRANICY-ISTORII-G-M-FON-GELMERSEN/](http://LEPASSEMILITAIRE.RU/STRANICY-ISTORII-G-M-FON-GELMERSEN/) (дата обращения: 01.04.2024).
- ¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 3. Д. 16.
- ¹⁵ История воинских званий и формы одежды. URL: [//dzen.ru/a/Xfo-qTizVACuJ-NL](http://dzen.ru/a/Xfo-qTizVACuJ-NL) (дата обращения: 01.04.2024).
- ¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 3. Д. 16.
- ¹⁷ Там же. Ф. 873. Оп. 3. Д. 15.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 201. Л. 46–48.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 18-4. Ед.хр. 27022.
- ²⁰ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 402.
- ²¹ Там же. НВФ 293.
- ²² Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала: история в фотографиях. URL: [//kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/popularizaciya/iz-arhivnogo-sobraniya-kgiop/pamyatnik-vi-leninu-u-finlyandskogo-vokzala-istoriya-v-fotografyah/](http://kgiop.gov.spb.ru/deyatelnost/popularizaciya/iz-arhivnogo-sobraniya-kgiop/pamyatnik-vi-leninu-u-finlyandskogo-vokzala-istoriya-v-fotografyah/) (дата обращения: 01.04.2024).
- ²³ Вальдман Н. Ф. Сосуд Гигиен (Гигиен). URL: [//rodinananeve.ru/vernyotsya-li-bronzovyj-princz-na-litejnuj/](http://rodinananeve.ru/vernyotsya-li-bronzovyj-princz-na-litejnuj/) (дата обращения: 01.04.2024).
- ²⁴ Русина И. Б. Знаменитые спаниелисты. Н. Ф. Вальдман. URL: [//russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm](http://russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm) (дата обращения: 01.04.2024).
- ²⁵ ЦГА КФФД СПб. Бр 8525.
- ²⁶ Дубасов И. И. Дети страны Советов. 1938. URL: [//stamps.ru/catalog/deti-strany-sovetov](http://stamps.ru/catalog/deti-strany-sovetov) (дата обращения: 01.04.2024).
- ²⁷ Русина И. Б. Знаменитые спаниелисты. Н. Ф. Вальдман. URL: [//russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm](http://russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm) (дата обращения: 01.04.2024).
- ²⁸ Саратовский областной музей краеведения. Номер в Госкаталоге: 13241141. URL: [//goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13368245](http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=13368245) (дата обращения: 01.04.2024).
- ²⁹ ЦВММ. 1941. URL: [//navalmuseum.ru/history/1917_1940](http://navalmuseum.ru/history/1917_1940) (дата обращения: 01.04.2024).
- ³⁰ Русина И. Б. Знаменитые спаниелисты. Н. Ф. Вальдман. URL: [//russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm](http://russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm) (дата обращения: 01.04.2024).
- ³¹ Там же.
- ³² Визель Т. Э. Ex libris Waldman. Художественный экслибрис для книг Н. Ф. Вальдмана. URL: [//electro.nekrasovka.ru/books/6185552](http://electro.nekrasovka.ru/books/6185552) (дата обращения: 01.04.2024).
- ³³ Русина И. Б. Знаменитые спаниелисты. Н. Ф. Вальдман. URL: [//russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm](http://russianspaniel-spb.com/ValdmanNF.htm) (дата обращения: 01.04.2024).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-402. Оп. 2. Д. 201. Л. 46–48.
- ³⁷ Валиев М. Т. Биографическая страничка Вальдмана Николая Фридриховича. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=468 (дата обращения: 01.04.2024).

Список источников

1. Назаренко К. Б. Падение барьеров на пути к офицерскому чину: офицерский корпус русского флота накануне и в годы Первой мировой войны // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 24. С. 72–87.
2. Крестьянинов В. Я. Минные заградители типа «Амур» (1895–1941). СПб.: ООО ИТД «ЛеКа», 2008. 92 с.
3. Акулова Т. В. Рукописный журнал «Мурманския мидии» // Север в истории и культуре России. Духовное наследие и традиции. Мат. Ист.-краев. конференции «XXV Феодоритовские чтения» / под ред. митрополита Митрофана (Баданина). Апатиты. Изд-во Кольского научного центра, 2023. С. 528–546.

References

1. Nazarenko K. B. Padenie bar'erov na puti k oficerskomu chinu: oficerskij korpus russkogo flota nakanune i v gody` Pervoj mirovoj vojny` [Falling barriers to the rank of officer: the officer corps of the Russian fleet on the eve and during the First World War]. *Trudy` istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Transactions of the the History department of St. Petersburg University], 2015, no. 7 (33), pp. 72–87. (In Russ.).
2. Krestyaninov V. Ya. *Minny`e zagraditeli tipa "Amur" (1895–1941)* [Minelayers of the “Amur” type (1895–1941)]. Saint Petersburg, 2008, 92 p. (In Russ.).
3. Akulova T. V. Rukopisny`j zhurnal “Murmanskiya midii” [Handwritten journal “Murmansk mussels”]. *Sever v istorii i kul'ture Rossii. Duxovnoe nasledie i tradicii. Mat. Ist.-kraev. konferencii “XXV Feodoritovskie chteniya”* [North in the history and culture of Russia. Spiritual heritage and traditions. Mat. East edges conference “XXV Theodorite Readings”]. Apatity, 2023, pp. 528–546. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Шабалина — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

O. V. Shabalina — PhD (History), Leading Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 94 (470. 22) «1917/1991»
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.010

«ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» ФИНЛЯНДСКОЙ СТОЛИЦЫ И СИМВОЛЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ГЕЛЬСИНГФОРСА ВЕСНОЙ 1917 ГОДА

Елена Юрьевна Дубровская

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр Российской академии наук, Петрозаводск, Россия, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Аннотация

В статье рассмотрена имперская топография Гельсингфорса (Хельсинки), столицы автономного Великого княжества Финляндского, с помощью понятия «пространство» — подхода, привлекающего внимание историков, социологов, культурологов. Город XIX — начала XX столетия изучается как «имперское пространство», в котором различные формы культурной идентичности пересекаются и вступают в конфликт. На материалах российских и финляндских архивов, а также опубликованных источников показано, что в первые дни российской революции 1917 года топографический текст финляндской столицы наполнялся новым символическим содержанием, вбирал продиктованную временем символику преобразования действительности. Автор прослеживает, как политический переворот весной 1917 года сопровождался переворотом символическим, воздействуя на эмоциональную сферу участников событий. Сделано заключение о том, что в обстановке революционных потрясений многое во взаимоотношениях жителей Гельсингфорса и российских военнослужащих определялось стихийными настроениями моряков-балтийцев и солдат, сошедших с кораблей и вышедших из казарм на улицы города.

Ключевые слова:

Финляндия, «имперское пространство» Гельсингфорса, революция 1917 года, российские военнослужащие, символический переворот, политическая топография города

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук (124022000029-0).

Для цитирования:

Дубровская Е. Ю. «Имперское пространство» финляндской столицы и символы революционного времени в политической культуре военнослужащих Гельсингфорса весной 1917 года // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 103–115. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.010.

Original article

"IMPERIAL SPACE" OF THE FINLAND'S CAPITAL AND SYMBOLS OF THE REVOLUTIONARY TIME IN THE POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN SERVICEMEN IN HELSINGFORS IN THE SPRING 1917

Elena Yu. Dubrovskaya

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ldubrovskaya@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-7873>

Abstract

The article considers the imperial topography of Helsingfors (Helsinki), the capital of the autonomous Grand Duchy of Finland, using the concept of "space" - an approach that attracts the attention of historians, sociologists, cultural scientists. The city of the XIX - early XX centuries is studied as an "imperial space" in which various forms of cultural identity intersect and come into conflict. On the materials of the Russian and Finnish archives, as well as published sources, it is shown that in the early days of the Russian revolution of 1917, the topographic text of the Finnish capital was filled with new symbolic content, took in the time-dictated symbolism of the transformation of reality. The author traces how the political coup in the spring of 1917 was accompanied by a symbolic coup, affecting the emotional sphere of the participants in the events. It was concluded that in the context of revolutionary shocks, much in the relationship between the inhabitants of Helsingfors and Russian servicemen was determined by the spontaneous moods of Baltic sailors and soldiers who descended from ships and left the barracks for the streets of the city.

Keywords:

Finland, "imperial space" of Helsingfors, revolution 1917, Russian servicemen, symbolic coup, political topography of the city

Acknowledgments:

the study was funded from the federal budget as part of the state project No. 124022000029-0 assigned to the Karelian Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation:

Dubrovskaya E. Yu. "Imperial Space" of the Finland's capital and symbols of the revolutionary time in the political culture of Russian servicemen in Helsingfors in the Spring 1917. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 103–115. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.010.

Введение

Предлагаемое исследование выполнено в рамках коллективной темы «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации». Под одним из таких сопредельных регионов применительно к XIX — началу XX столетия понимается территория автономного Великого княжества Финляндского, на материале которого предпринята попытка проследить проблемы городской культуры «русского Гельсингфорса» — крупного центра имперской периферии — в контексте имперской культуры, а также взглянуть на пространство «своего» — «чужого» города глазами российских военных. В обстановке революционных потрясений весны 1917 года обнаруживается стремление моряков Балтийского флота и солдат частей, дислоцированных в финляндской столице Гельсингфоре (Хельсинки), к символическому освоению городского пространства, когда политический переворот сопровождался переворотом символическим и поведение военных ритуализировалось в новой ситуации.

Об этом можно судить на основании документов из фондов российских и финляндских архивов. Уникальным источником и памятником культурного наследия переломной эпохи являются «эго-документы», хранящиеся в обширной коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии и в фондах Российского государственного архива Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ). Среди них письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, особенно тех, кто весной-летом 1917 года был избран в русские Советы и комитеты разного уровня, действовавшие в финляндской столице и других армейских и морских гарнизонах Финляндии.

Подлинными и надежными историческими источниками стали и произведения архитектуры, которые «отражают черты породившей их культурной эпохи, свидетельствуют о ходе исторического процесса», и, наряду с художественными произведениями, позволяют судить о его экономических, политических и социальных составляющих. По наблюдению московской исследовательницы Е. Н. Чернявской, это архитектурно-строительное наследие дает возможность увидеть многие процессы, в частности «проникновение “чужих” форм и стоящих за ними культур на самобытную почву этноса» [1: 119].

Специалисты, изучающие вопросы соотношения имперского присутствия в различных городах Российской империи и противодействия этому присутствию, отмечают, что городское пространство и Гельсингфорс не составляют исключения в этом отношении, предстают пространством овеществленным, материальным: здания, улицы, площади, парки. В их работах город показан «как место пересечения разнообразных пространств — экономического, морального, социального, политического», однако «во всех случаях город напоминает пестрое лоскутное одеяло, постоянно меняющее свои цвета, это особое место, все время перемешивающее и искажающее экономические, культурные, социальные, политические, моральные религиозные пространства», а сам город становился тем особым местом, где «наблюдались, переживались и осмыслились все новые явления русской жизни» [2: 8–9].

Символическое присутствие Империи в великокняжеской столице

Городское пространство Гельсингфорса можно представить одним из аспектов той реальности, в которой на рубеже XIX — XX века и в период Первой мировой войны оказались военнослужащие российской армии и Балтийского флота. Основанный в 1550 году родоначальником шведской королевской династии Густавом Ваза, Гельсингфорс изначально был призван играть роль противовеса эстонскому Таллину, набиравшему силу на южном берегу Финского залива и входившему в Ганзейский союз [3: 59]. В 1820-е годы он строился как город, уже не связанный с памятью о шведском прошлом, а к концу XIX века сам стал символом имперской власти в Великом княжестве, противостоявшим прежней древней столице Або (Турку).

В его архитектуре и планировке имперская и административная символика поддерживали друг друга и должны были напоминать российским военнослужащим о могуществе и величии государства, на страже которого они стояли здесь, в Финляндии, прикрывая с моря столицу империи. Под влиянием Петербурга город виделся его строителям и как морской порт России, и как «военная

столица» княжества, и как центр административного управления краем. Идеал военной столицы, олицетворявшей имперскую власть в Финляндии, требовал, чтобы, подобно Петербургу, «город строился, как полк на параде, по струнке» [4].

Частью архитектурного облика гарнизонного города и монументальным выражением могущества империи стали казарменные строения. В годы правления Александра I и Николая I был реализован план строительства Гельсингфорса, который ставил целью с помощью архитектурных образцов формировать «государственное сознание» финляндцев. Он включал в себя создание ансамбля Сенатской площади, возведение казарм и других общественных сооружений [5: 209].

Первоначально войска располагались внутри островной крепости Свеаборг. Но уже в 1820-е годы рядом со Свеаборгским портом на Катаянокка (Скатууден) — в одном из районов современного Хельсинки — были построены Морские казармы, где находилось большинство военнослужащих за пределами крепости [6: 41–44]. Однако гарнизон великокняжеской столицы объединял людей, находившихся здесь временно. Поэтому, прежде чем рассматривать факторы, обусловившие специфичность восприятия «центра» и «периферии» города российскими военными, стоит познакомиться с русским Гельсингфорсом начала XIX века, когда формировалась государственная и имперская символика новой столицы Финляндии. Прежде всего, с его купечеством, которое играло заметную роль в экономическом и культурном развитии города.

Первыми русскими, начавшими торговлю в Гельсингфорсе, были жены офицеров, продававшие выпечные изделия не только на территории гарнизона, но и за казарменными воротами. Многие из маркитантов Свеаборга, самых состоятельных и легко приспособившихся к рынку, вскоре поселились в Гельсингфорсе, сделавшись уважаемыми горожанами. Разносной торговлей занимались и отслужившие свой срок в армии солдаты [7: 49–54].

В 1820-х годах в городском районе Круунунхака появились казармы для жандармских и казачьих войск, строительством которых занимался русский купец Федор Киселев [8: 58]. Вместе с русской армией в Гельсингфорс прибыла специальная инженерная команда для проектирования и строительства казарм. Многие из проектов, разработанных офицерами инженерных войск, так же как и их имена, остались неизвестными. В этой команде служили военные инженеры Козельский и Курочкин — авторы проектов здания Главной гауптвахты и береговых казарм Свеаборгского гарнизона, полковник Бурмейстер, проектировавший Абоские казармы на тогдашней окраине города, вблизи дороги, ведущей в направлении старой финляндской столицы (частично сохранились в комплексе зданий современного автовокзала в Хельсинки). Позже, в 1830–1833 годах, подряд на строительство Абоских казарм взял купец Николай Синебрюхов.

Самым значительным среди гражданских зданий, возведенных в Гельсингфорсе при участии военных инженеров, стал основанный в 1868 году по распоряжению генерал-губернатора Н. В. Адлерберга Александровский театр, призванный удовлетворять культурные запросы русского населения. В 1880-е годы наиболее значительным русским меценатом стал коммерции советник Я. Л. Чернышов, сначала занимавшийся торговлей продовольственными товарами, а позже строительством российских военных объектов за пределами Гельсингфорса. Однако самыми заметными строительными подрядами стало сооружение Александровского театра и православного Успенского собора в финляндской столице [9: 86].

Новое здание, построенное в 1880 году, получило название «Русский Александровский театр» в честь Александра II. Из-за сходства в росписи потолка зала с петербургским театром его называли «малым Мариинским». Близость Петербурга, куда часто мигрировали финны и шведы, влияла на их отношения с коренными русскими жителями Гельсингфорса, ведь «пребывание в Петербурге позволяло поднять свой статус после возвращения в Финляндию или переезда в Швецию, к которой Финляндия культурно тяготела» [10: 277].

На одной из центральных улиц, на Унионской, названной так в 1819 году по распоряжению Александра I в честь унии, заключенной в 1809 году между российским монархом и Великим княжеством, по соседству с казармами был построен русский Военный госпиталь в неоклассическом

стиле. Он действовал в этом качестве вплоть до вывода российских войск из Финляндии в конце апреля 1918 года. Казарменная улица получила название от Гвардейских казарм, на ней же располагался и Гвардейский манеж.

Главным символом императорской и великокняжеской власти в финляндской столице стал один из красивейших городских ансамблей Европы — монументальный комплекс в пышном стиле ампира — административный центр на Сенатской площади. План его строительства составил уроженец Гельсингфорса Й. А. Эренстрём, а в качестве архитектора был приглашен берлинский зодчий Карл Людвиг Энгель, до этого принимавший участие в возведении каменных шедевров Ревеля (совр. Таллин) и Петербурга.

Ансамбль формировался с 1818 года почти полвека, включив здания Императорского Сената и Императорского Александровского университета (канцлерами университета были русские монархи), а также находящуюся чуть поодаль старейшую православную церковь Гельсингфорса — храм Святой Троицы. До сооружения в 1827 году Свято-Троицкого храма православные горожане для совершения религиозных треб обращались к священнику полковой церкви Петровского пехотного полка, стоявшего в Гельсингфорсе после французского похода 1817 года. Небольшая госпитальная церковь, рассчитанная только на нужды больных и едва вмещавшая полсотни человек, не могла тогда удовлетворить всё православное русское население, как и маленькая военная церковь в Свеаборге, куда нужно было добираться на гребной шлюпке. С 1852 года над площадью возвышается здание лютеранского Николаевского (Никольского) кафедрального собора, напоминающего Исаакиевский собор в Петербурге.

К Сенатской площади примыкали улицы, носившие имена членов императорской фамилии, — Николаевская, Константиновская, Марининская, Екатерининская, Еленинская. Софийская получила название в честь матери Александра I Марии Федоровны, принцессы Вюртембергской Софии Доротеи Августы. Их пересекала главная «парадная» улица — Александровская, названная в 1833 году в честь Александра I. Увековечению его памяти служил и бронзовый бюст у университетской библиотеки, которая также выходила фасадом на Сенатскую площадь.

В конце XIX века на Сенатской площади установили памятник Александру II, чье правление было отмечено расширением автономных прав Великого княжества и повышением статуса финского языка. Автор памятника Вальтер Рунеберг, сын известнейшего поэта Йохана-Людвига Рунеберга, изобразил императора в форме офицера Финляндской гвардии, которую он всегда носил во время посещения Великого княжества. Александр II запечатлен в момент произнесения речи на заседании сейма 1863 года — сословного представительства финляндцев, когда впервые после многолетнего перерыва депутатам законодательного органа автономного княжества было разрешено собраться.

На церемонии торжественного открытия памятника, состоявшегося 29 апреля 1894 года, в день рождения императора по новому стилю, присутствовали представители от трехсот российских городов и сельских приходов, которые возложили цветы к монументу. С этого времени Сенатская площадь с памятником Александру II стала традиционным местом «тихих» протестных действий сторонников финского национального движения. Сюда приносили букеты, памятник изображали на плакатах и открытках, его фотографию, помещенную в рамку, хранили дома.

Через пять лет после открытия монумента в 1899 году был принят Февральский манифест Николая II о предоставлении права российскому правительству издавать законы без согласия сейма, что ознаменовало начало похода имперской власти против финляндской автономии. После опубликования манифеста, в основе которого лежали военные задачи Российской империи, у памятника состоялась демонстрация протеста. Ее проведение было назначено на 13 марта (1 марта по старому стилю) — день убийства «царя-освободителя». В начале XX века именно здесь проходили «сходки у памятника Александру II» — демонстрации финляндцев против мер по ограничению автономных прав Великого княжества, принимавшихся генерал-губернатором Н. И. Бобриковым. В апреле 1902 года генерал-губернатор послал на площадь казаков для разгона демонстрации против призыва в российскую армию, что вызвало невиданное обострение конфликта между финляндцами и российскими военными, вошедшее в историю как время «казачьих волнений» [11: 432–435].

Рис. 1. Памятник Александру II на Сенатской площади. Начало XX века [12: 92]

Комплекс улиц и архитектурных сооружений центра финляндской столицы, отмеченных имперской символикой, дополнял архитектурный ансамбль, иллюстрирующий «конституционный период» в истории Финляндии (1860–1890-е годы). По наблюдению профессора М. Клинге, к таким государственным зданиям в районе Николаевской улицы (сегодня носит имя философа Й. В. Снельмана) следует отнести здание Финляндского банка, Государственного (ныне Национального) архива и Дом сословий [6: 209–212].

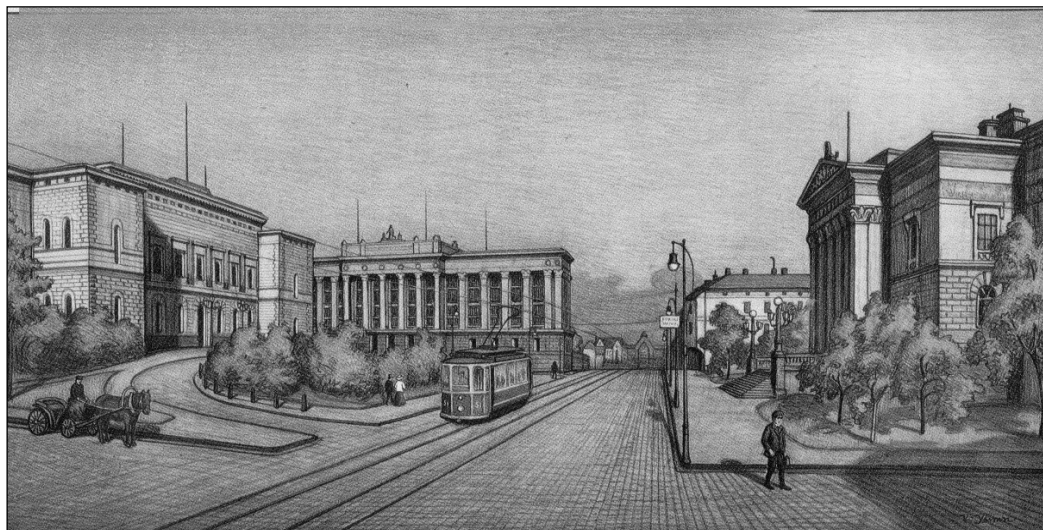

Рис. 2. Гельсингфорс. Николаевская улица (в настоящее время носит имя Йохана Вильгельма Снельмана) [12: 14]

Последний был построен в 1891 году для собраний недворянских депутатов финляндского сейма (до 1906 года сейм состоял из четырех палат и сохранялся таким, каким он был в «шведский» период финляндской истории). Фронтон «Дома сословий» украшает барельеф, изображающий сцену провозглашения Александром I на собрании сословий в Борго (Порвоо) в 1809 году автономного статуса Великого княжества, когда представители Финляндии присягнули на верность императору, а тот обещал сохранять законы шведского времени и лютеранское вероисповедание.

На Торговой площади города с ее Эспланадной пристанью, являвшейся водными воротами Гельсингфорса, приезжего встречали здание Мариинского дворца — финляндской резиденции российского императора — и Дом генерал-губернатора края. В центре площади возвышался «Камень (или Обелиск) Императрицы», увенчанный позолоченным двуглавым орлом — первый городской монумент, установленный в 1835 году в память о посещении Гельсингфорса императорской четой — Николаем I и Александрой Федоровной. Торговая площадь стала традиционным местом появления русских монархов перед финляндцами. Площадь приобрела статус особого, освященного их присутствием городского пространства, что делает ее в дни Февральской революции 1917 года особо притягательной для солдат и матросов, стремившихся «освоить» прежде малодоступную для них имперскую святыню, сделать «своей» территорией.

Рис. 3 Рыночная площадь в Гельсингфорсе. В центре — «Обелиск Императрицы», на заднем плане — Успенский кафедральный собор [12: 16]

Жительница Гельсингфорса вспоминала церемонию встречи Николая II и цесаревича Алексея во время приезда августейших особ в финляндскую столицу в феврале 1915 года: «Помню, как нужно было стоять на Торговой площади, напротив нынешнего президентского дворца, из него вышли царь с сыном, шагали важно, отдавая честь, а мы приветствовали их здравицей в честь Великого князя Финляндского и наследника»¹. Финских школьников расставили шпалерами, через которые прошли высокие гости.

С площади открывался вид на величественный православный Успенский собор из красного кирпича, построенный в конце XIX века на скале по проекту архитектора А. М. Горностаева, автора многих церковных сооружений на острове Валаам. У подножия храма можно было видеть еще один монумент — «часовню мира», установленную в честь заключения мирного договора в городе

Фридрихсгаме (Хамина) в 1809 году, по которому Швеция уступила России Финляндию. Часовня, подобно другим упоминавшимся объектам городской среды, должна была служить для поддержания исторической памяти подданных империи Романовых. Однако этот символ имперской власти нельзя обнаружить на карте современного Хельсинки. Разрушенный после гражданской войны 1918 года, он, по-видимому, больше других ассоциировался с русской властью, которая ушла в прошлое, но еще раз была подвергнута уничтожению, теперь уже ритуальному стиранию. Сходная судьба постигла и православный собор Александра Невского в Свеаборгской крепости — гарнизонную церковь, построенную в 1854 году по проекту К. А. Тона, которую окружала ограда из шведских пушек. Собор был перестроен сначала в маяк, а в 1928 году — в лютеранскую церковь [5: 45 ;12: 28].

Рис. 4. Собор Александра Невского в Свеаборге [12: 18]

Гельсингфорс оставался для военнослужащих особым, отчужденным от русской культурной среды миром, и не только в силу иноязычного окружения. Оппозиция «восток — запад» на уровне восприятия символов остро ощущалась выходцами из России, несмотря на государственную и имперскую семиотику центра великокняжеской столицы.

С конца XIX века здесь строились здания с высокими башнями и толстыми стенами из серого гранита в национально-романтическом направлении северного модерна. Этот стиль получил, как и в Германии, название «югенд». Над городом возвышались католическая церковь Св. Генриха в Кайвопуйсто, немецкая кирха, огромная Бергхальская церковь. Необычными казались здание Рыцарского зала в неоготическом стиле, украшенные растительным и животным орнаментом здания Национального музея и Национального театра, Фонтан Вальгрена — скульптурный комплекс «Хавис Аманда» на Торговой площади, ставший символом города, и монумент жертвам кораблекрушения на холме вблизи Обсерваторской горки. С пьедесталов смотрели незнакомые российским военным собиратель рун эпоса «Калевала» Элиас Лённрот, Фредрик Пациус, написавший музыку национального гимна «Наш край», поэт-классик Йохан Людвиг Рунеберг, автор текста гимна.

Писатель А. И. Куприн, в начале Первой мировой войны служивший офицером в Великом княжестве и посещавший Финляндию более десяти раз в различные периоды жизни, неизменно относился к ней с любовью и уважением. В 1933 году в последней из своих статей, посвященных стране Суоми, он отметил переплетение «своего» и «чужого» в культуре независимой Финляндии. Куприн перечислил те «знаковые» явления, которые «будут надолго, если не навсегда, напоминать ее жителям о русской культуре»: «Это во-первых, лиственничная аллея, посаженная Петром I в Куоккала, во-вторых, Сайменский канал, где на последнем шлюзе выгравирована четкая надпись «Построен русскими солдатами по повелению Николая I в таком-то году», в-третьих, Свеаборгская морская крепость, в-четвертых, памятник императору Александру II против Сената и в-пятых, Александровская улица, Александерсгатан» [13: 44, 424].

Примечательно, что писатель, хорошо знакомый с историей края, упомянул Свеаборгскую крепость, построенную шведами в XVIII веке, как памятник русского военно-инженерного искусства. Рядовые же военнослужащие безоговорочно воспринимали крепость как «освоенное» пространство, «островок» России, защищенный от внешнего, подчас враждебного мира.

Политический переворот и символический переворот

Возникает вопрос об условной топографии «русского Гельсингфорса»: каковы были его границы, были ли места городского пространства, которые преимущественно выбирали солдаты и матросы?

Разумеется, главным таким местом был порт. За более чем вековой период кладбища, где покоились сотни соотечественников, становились для военнослужащих «кусочком» российской территории и неофициальным местом поклонения далекой родине. Нижние чины хоронили на русском военном кладбище. По детским воспоминаниям уроженцев Гельсингфорса, погребение «знати и офицеров» проходило на русском православном кладбище в Лаппинлахти. Мусульманские и еврейские кладбища города, однако, в отличие от православных, не разделялись на «офицерские» и «солдатские».

Другим местом, напомиравшим рядовым о России, но не наделявшим сакральным смыслом, стали безлюдные скалы в живописных окрестностях города, которые солдаты и матросы называли «Карпатами». Как отметил петербургский исследователь проблем флотской повседневности Д. А. Бажанов, это характерное название могли носить удобные для азартных игр скалистые площадки, находившиеся как в юго-восточной части города — в парке развлечений Брунспарк, так и в северной — в парке Альдхютен [14: 139–140]. Это было излюбленное место досуга, которое в 1917 году в обстановке наступившей «свободы» стало синонимом веселого и праздного времяпровождения с игрой в «орлянку» и алкогольными излишествами².

«Карпаты», как и другие городские пространства, удаленные от парадных улиц и площадей (парки Кайсаниemi, Цисперия и др.), воплощали представления военнослужащих о символике «периферии», оппозиционной официальному «центру», с допустимыми для маргинальных территорий нарушениями поведенческих норм, функционированием бытовых практик «социальных низов», криминогенностью. Об этом сохранилось множество свидетельств.

В письмах рядовых, буквально хлынувших в редакцию «Известий Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих» весной 1917 года, приводятся конкретные адреса таких заведений, где собирались и финны, и русские солдаты и матросы. Невзирая на запреты, там производилась продажа крепких напитков, процветала проституция, а бродячие торговцы сбывали всевозможные вещи, преимущественно краденые. Авторы заметок предостерегали рядовых от посещения таких мест, где «зараженная атмосфера спиртом», советовали не ходить на знаменитый «еврейский» рынок возле Абоских казарм, на котором из-под полы велась торговля обмундированием и казенным имуществом.

Примечательно, что обсуждение матросами и солдатами первых неофициальных сведений о революции в Петрограде происходило 3 марта 1917 года в «известных столовых и кофейнях», в этом маргинальном пространстве города. Здесь нижние чины собирались группами по 5–12 человек,

договаривались выступить на следующий день по орудийному сигналу³. Такое же постановление вынесли участники матросского митинга за Петроградским мостом⁴. Однако восстание на линкоре «Андрей Первозванный» в ночь на 4 марта опередило эти намерения [15: 81–83].

Как и повсюду на пространстве рухнувшей империи, военнослужащие и жители Гельсингфорса в обстановке радикальных перемен ориентировались в своей повседневной практике на определенные образцы политического поведения и революционную традицию [16: 14–37].

Исключительное значение общественного ритуала совместного освоения городского центра проявилось в использовании всех знаковых средств, включая язык жестов, пение, музыку, цвет и т. п., что создавало необходимый психологический эффект сопричастности новым ценностям [17]. Горожане оказывались свидетелями и торжественных уличных шествий матросов и солдат, и кровавых сцен самосудов над офицерами. Многие местные жители при помощи хорошо известных символов спешили приветствовать восставших военнослужащих. Они подчеркивали свою солидарность с ними, приглашая к совместному освоению городского пространства и разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку.

Примечателен рассказ унтер-офицера Г. Звонарева о ритуальном обмене красным бантом с незнакомой жительницей Гельсингфорса: «Трамвай не двигался, и публика наполняла все тротуары. Мужчины, женщины, девушки и даже дети — все были украшены кровавыми знаками революционной солидарности — красными бантами и ленточками». Женщина остановила пехотинца и, улыбаясь, что-то говорила ему по-фински, указывая на его шинель. «Я осмотрел себя и не нашел ничего предосудительного в своем, правда, не особенно привлекательном костюме солдата, — вспоминает автор, — хотел было продолжать свой путь, не понимая, что ей нужно, но она быстро сорвала с своей груди красный бантик и, прежде чем я понял, в чем дело, бантик уже красовался на моей шинели. После этого она, смеясь, быстро удалилась, и я не успел даже ее поблагодарить...» [18: 8–9].

Пространство города становилось сценой, на которой разворачивалось ритуальное действие, связанное с десакрализацией павшей власти и являвшееся продолжением символических актов сжигания портретов царя в казармах и на кораблях [19]. И военнослужащие, и финны проявляли осведомленность о неотъемлемых для подобной ситуации клишированных жестах. Красный бант в этом контексте выполнял присущую политическим символам функцию маркировки «своего» пространства, передачи информации и, наконец, установления контактов между единомышленниками.

Политическое пространство революции превращалось в арену противоборства добра и зла, где ритуальное поведение людей диктовалось их попаданием в экстремальную, кризисную ситуацию смены власти. Уроженка Гельсингфорса А. Йортиikka в детстве оказалась свидетельницей драматических событий марта 1917 года. Она вспоминала, как по пути в школу, расположенную в центре города на Георгиевской улице (Юрьенкату), слышала выстрелы на улице, видела убитого офицера на крыльце школы, рассказала о распоряжении учительницы не приходить в класс до появления в газетах соответствующего объявления. На обратном пути домой школьниц остановили русские солдаты и финн, вооруженные винтовками. «Они сняли с нас скаутские значки и вручили полоску красной материи 3–4 см. шириной». На вопрос «Что с этим делать?» финн приказал прикрепить ленту к крючку на одежде, «чтобы нас пропустил следующий патруль. Патрули стояли на каждом перекрестке»⁵.

В соответствии с традициями городской политической культуры рядовые стремились проводить митинги, демонстрации и шествия в центральной части Гельсингфорса — там, где располагалась бывшая царская резиденция, дом генерал-губернатора, правительственные здания, модные магазины, кафе и рестораны, где собирались высокопоставленные чиновники, офицеры, промышленники и коммерсанты. Эта территория воспринималась ими как место нахождения социального противника, которое необходимо было завоевать, освоить, сделать «своим» [20].

С конца XIX века фланировать по парку Эспланады мимо памятника Й. Л. Рунебергу считалось модным и свидетельствовало об определенном социальном статусе прогуливавшихся. Во время революции именно эта улица — место праздного времяпровождения «богачей» — стала оппозицией митинговой стихии Сенатской площади. Подтверждением тому письмо корабельного машиниста

Я. Цыбина. Возмущенный тем, что офицеры, вопреки призывам к «единению» с рядовыми, не участвуют в митингах, он писал: «Ведь видно же им, проходя по Эспланаду, тысячную толпу, но ни один не присоединился к митингу солдат, матросов и рабочих, которые слушали ораторов от социалистических партий»⁶.

Такое восприятие Эспланадной улицы не изменилось и после того, как в мартовские дни ее пространство оказалось «присвоенным» восставшими. В. Картавец, автор заметки «Впечатления финляндца», по-видимому, повествует о событиях 4 марта: «толпится народ, здесь и там стоят солдаты с винтовками на плечах, у некоторых сосредоточенный серьезный вид, другие весело разговаривают, покуривая папироску. А по Казарменной улице надвигается несметное число матросов и армейцев с музыкой. Руководят процессией матросы. Увидев офицера, два матроса подбегают к нему и приставляют револьвер к груди, приказывая “руки вверх”. Офицер подчиняется, его обезоруживают и отпускают». Затем восторженный тон автора сменяется недоумением по поводу нелепости стихийных действий восставших. Он испытывает «невыразимую боль» от их бессмысленной жестокости. «Бессмысленной», впрочем, эта жестокость кажется ему, если не принимать во внимание семиотическое значение этих действий: «На Гвардейской площади послышались выстрелы. Передали, что убили трех моряков, не подчинившихся приказанию. С трудом пробиваюсь через Эспанад Рунеберга на Северную Эспанадную улицу. Она тоже полна войсками и народом. Около памятника раздается выстрел, за ним другой, третий и т. п., присоединяется пулемет, пошла жатва, как оказалось впоследствии, по воздуху, за исключением двух убитых и одного раненого, народ, среди них и я, давай Бог ноги, кто куда. Было жутко, думая, что тебя прихлопнет, как собаку, шальная пуля». И все же, несмотря на «мрачные кровавые картины», «финляндский очевидец» благословляет перемены, принесенные революцией: «Да будет крепка и благотворна доставшаяся так скоро, как наикрасивейшая сказка, свобода многострадального русского народа»⁷.

Примечательно, что именно пространство возле памятника Рунеберга, а не Сенатская площадь, весной 1917 года «освоенная» российскими военнослужащими, стало местом проведения манифестаций финнов. В частности, во время их совместной демонстрации с приехавшей в Гельсингфорс в начале апреля делегацией французских социалистов⁸. Помимо Сенатской площади, «сакральной» точкой на плане Гельсингфорса оказалась и Вокзальная. Вокзал — ворота и лицо города — связывал военных и жителей бывшей великокняжеской столицы с «внешним миром», прежде всего с Петроградом, центром революции.

Исследование отношений российских военнослужащих с пространством города и объектами городской среды дает представление о том, как в политическом общественном сознании шло утверждение «революционных» символов взамен прежних, связанных с памятью о рухнувшей империи. Политический переворот воспринимался как ритуально-праздничное действие, в которое включалось городское пространство финляндской столицы. Трансформация старого в новое коснулась и самого консервативного из ритуалов — похорон жертв революции 17 марта. Новой городской святыней стала могила павших героев. Захоронение вне традиционных городских кладбищ было уникальным для Гельсингфорса, но вписывалось в контекст новой общероссийской политической культуры, которая только начинала формироваться.

Заключение

Долгое время в отечественной исторической литературе наблюдался заметный крен в сторону выпячивания «пролетарской солидарности» российских военных и трудящихся Финляндии. Но не следует допускать и иной крайности, говоря о полной изолированности финляндцев от военнослужащих в силу языкового барьера или различия интересов. Тогда трудно объяснимым становится факт участия 17 марта 120 тысяч финляндцев в похоронах убитых во время революции матросов. Необъяснимой становится и общая эйфория, охватившая и русских, и финнов весной 1917 года. Превращению сферы «чужого» в «свое» пространство способствовало использование общих музыкальных символов, обмен красными лентами, бантами.

Разумеется, переворот способствовал развитию конфликтов, в том числе конфликтов этнических. Однако взаимное недоверие и настороженность, противоречия между жителями Финляндии и военнослужащими не могли свести на нет все контакты горожан с российскими

военными. В пользу этого утверждения свидетельствуют факты восприятия нижними чинами городских традиций протеста, совместное с горожанами освоение коммуникативного пространства финляндской столицы в дни революции, во время массовых ритуальных шествий и проведения новых праздников. В ходе совместных политических акций русских и финнов речи ораторов переводились специальными переводчиками, двуязычие такого рода оказывало особое воздействие на ситуацию.

Исследование отношений российских военных с пространствами Гельсингфорса и объектами городской среды дает представление о том, как в их политической культуре шло утверждение «революционных» символов взамен прежних представлений, связанных с памятью о рухнувшей империи.

Список сокращений

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота

КА — Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии)

SKS Arkisto — Архив фольклора Финского Литературного общества. «1918» kokoelma (коллекция «1918 год»)

Примечания

¹ SKS Arkisto (Архив фольклора Финского Литературного общества). «1918» kokoelma. Side 41. S.92.

² Карикатура «Веселье на Гельсингфорских Карпатах» // Моряк. 1917. № 4. С. 95.

³ Гри-Кри. Две встречи // Моряк. 1918. № 6. 2 марта. С. 127.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36.

⁵ SKS Arkisto. «1918» kokoelma. Side 41. S. 105.

⁶ КА. Коллекция «Русские военные бумаги». Д. 11970 — Письма в редакцию «Известий Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих». Дела коллекции нередко состоят из разрозненных документов и не имеют общей нумерации листов, как и в случае с письмами в редакцию гельсингфорских «Известий».

⁷ Там же.

⁸ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 11 апреля.

Список источников

1. Чернявская Е. Н. «Чужое», «свое» и «общее» в архитектурном облике исторических городов // *Фундаментальные проблемы культурологи: Т. VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему / отв. ред. Д. Л. Спивак. М.; СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. С. 119–126.*
2. Предисловие // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург 14–17 июня 2004 года). СПб.; Изд-во «Европейский Дом», 2009. С. 7–12.*
3. Хяккинен И., Цеттерберг С. Финляндия вчера и сегодня / пер. с финск. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1997. 168 с.
4. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. *История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 208–220.*
5. Юнтунен А. Свеаборг: страж Хельсинки и форпост Петербурга. 1808–1918 годы / пер. с финск. М.: «Весь Мир», 2018. 320 с.
6. Клинге М. На чужбине и дома / пер. с финск. СПб.: Изд. Дом «Коло», 2005. 302 с.
7. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.*
8. Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 434 с.
9. Pogreboff S. *Helsingin venäläisten kauppiaitten kultuuriperintö // Venäläiset kauppiat Helsingin historiassa. Keuru: Otavan Kirjapaino Oy, 2002. S. 67–96.*
10. Черняев В. Ю. (Дискуссия) // *Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург 14–17 июня 2004 года). СПб.; Изд-во «Европейский Дом», 2009. С. 276–277.*

11. Клинге М. Имперская Финляндия / пер. с финск. СПб.: Изд. Дом «Коло», 2005. 616 с.
12. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии: общественные настроения и трансформация христианских ценностей в годы Первой мировой войны // Религиоведение. 2024. № 1. С. 26–37.
13. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб.: Журнал Нева, 2001. 431 с.
14. Бажанов Д. А. Служебные будни балтийских дредноутов (1914–1917 гг.). Изд. 2-е. СПб.: Астерион, 2022. 384 с.
15. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.
16. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 348 с.
17. Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 356–365.
18. Звонарев Г. Л. Наши пехотные части в дни революции в Гельсингфорсе: из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского. Гельсингфорс, 1917.
19. Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
20. Колоницкий Б. И. Политические топографии Петрограда и революция 1917 г. (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 327–341.

References

1. Chernjavskaja E. N. “Chuzhoe”, “svoe” i “obshhee” v arhitekturnom oblike istoricheskikh gorodov [“Alien”, “own” and “common” in the architectural appearance of historical cities]. *Fundamental'nye problemy kul'turologi: T. VI: Kul'turnoe nasledie: ot proshlogo k budushhemu* [Fundamental problems of cultural studies: Vol. VI: Cultural heritage: from the past to the future]. Moscow, Saint Petersburg, Novyj hronograf, Jejdos, 2009, pp. 119–126. (In Russ.).
2. Predislovie [Preface]. *Kul'tury gorodov Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov (Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg 14–17 iyunja 2004 goda)* [Cultures of cities of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (Materials of the international colloquium, St. Petersburg June 14–17, 2004)]. Saint Petersburg, Publishing House “Evropejskij Dom”, 2009, pp. 7–12. (In Russ.).
3. Hjakkinen I., Cetterberg S. *Finljandija vchera i segodnja* [Finland yesterday and today]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997, 168 p. (In Russ.).
4. Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city]. *Lotman Yu. M. Istorija i tipologija russkoj kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2002, pp. 208–220. (In Russ.).
5. Juntunen A. *Sveaborg: strazh Hel'sinki i forpost Peterburga. 1808–1918 gody* [Sveaborg: guard of Helsinki and outpost of Petersburg. 1808–1918]. Moscow, “Ves' Mir”, 2018, 320 p. (In Russ.).
6. Klinge M. *Na chuzhbine i doma* [In a foreign land and at home]. Saint Petersburg, Publishing House “Kolo”, 2005, 302 p. (In Russ.).
7. Luntinen P. *The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918*. Helsinki, SHS, 1997, 486 p.
8. Musaeu V. I. *Rossija i Finljandija: migracionnye kontakty i polozhenie diaspor (konec XIX v. — 1930-e gg.)* [Russia and Finland: migration contacts and the situation of diasporas (late XIX century — 1930s)]. Saint Petersburg, Polytechnic University Publ., 2007, 434 p. (In Russ.).
9. Pogreboff S. Helsingin venäläisten kauppiaitten kulttuuriperintö [Cultural traditions of the Russian merchantry in Helsinki]. *Venäläiset kauppiat Helsingin historiassa* [The Russian merchants in History of Helsinki]. Keuru, Otavan Kirjapaino Oy, 2002, pp. 67–96. (In Finn.).

10. Chernjaev V. Ju. Diskussija [Discussion]. *Kul'tury gorodov Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov (Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma, Sankt-Peterburg 14–17 ijunja 2004 goda)* [Cultures of cities of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (Proceedings of the international colloquium, St. Petersburg June 14–17, 2004)]. Saint Petersburg, Publishing House “Evropejskij Dom”, 2009, pp. 276–277. (In Russ.).
11. Klinge M. *Imperskaja Finljandija* [Imperial Finland]. Saint Petersburg, Publishing House “Kolo”, 2005, 616 p. (In Russ.).
12. Dubrovskaja E. Yu. Rossijskie voennosluzhashhie v Finljandii: obshhestvennye nastroyeniya i transformacija hristianskih cennostej v gody Pervoj mirovoj vojny [Russian servicemen in Finland: public sentiment and the transformation of Christian values during the First World War]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2024, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.).
13. Kuprin A. I. *My, russkie bezhency v Finljandii... Publicistika (1919–1921)* [We, Russian refugees in Finland... Journalism (1919–1921)]. Saint Petersburg, Zhurnal Neva, 2001, 431 p. (In Russ.).
14. Bazhanov D. A. *Sluzhebnye budni baltijskikh drednoutov (1914–1917 gg.)* [Official everyday life of the Baltic dreadnoughts (1914–1917)]. Saint Petersburg, Asterion, 2022, 384 p. (In Russ.).
15. Dubrovskaja E. Yu. *Rossijskie voennosluzhashhie i naselenie Finljandii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Russian servicemen and the population of Finland during the First World War]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, 128 p. (In Russ.).
16. Kolonickij B. I. *Simvolj vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniju politicheskoj kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 goda* [Symbols of power and struggle for power: on the study of political culture of Russian revolution 1917]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2001, 349 p. (In Russ.).
17. Kornakov P. K. *Simvolika i ritualy revoljucii 1917 g.* [Symbols and rituals of the 1917 revolution]. *Anatomija revoljucii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'* [Anatomy of Revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power]. Saint Petersburg, Glagol Publ., 1994, pp. 356–365. (In Russ.).
18. Zvonarev G. L. *Nashi pehotnye chasti v Gel'singforsе (Iz lichnyh vospominanij unter-oficera Sveaborgskogo pehotnogo polka)* [Our infantry units in Helsingfors (From private recollections of the officer of the Sveaborg Infantry Regiment)]. Helsingfors, printing-house of “The Helsingfors Soviet Proceedings”, 1917, 31 p. (In Russ.).
19. Buldakov V. P. *Krasnaja smuta: priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija* [Red Turmoil: Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 1997, 376 p. (In Russ.).
20. Kolonickij B. I. *Politicheskie topografii Petrograda i revoljucija 1917 g. (Nevskij prospekt)* [Political topographies of Petrograd and the revolution of 1917 (Nevsky Prospect)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, 2003, vol. 6 (124), pp. 327–341. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Ю. Дубровская — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. Yu. Dubrovskaya — PhD (History), Senior Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 30.03.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 30.03.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 94(470) «19»
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.011

ВОЕНИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В 1920-е ГОДЫ: СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ИТОГИ

Елена Александровна Калинина

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
kalinka46@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-3674>*

Аннотация

Военная реформа Вооруженных Сил Советского Союза 1924–1925 годов была направлена на улучшение руководства и совершенствование качества подготовки командного состава, создание новой системы комплектования Вооруженных Сил, организацию стройной системы прохождения воинской службы гражданами страны. Перед физкультурными организациями были поставлены задачи военизации физической культуры и спорта для решения проблемы военно-физической подготовки допризывной молодежи. На основе материалов центральной и региональной периодической печати довоенного периода в статье представлены способы и формы военизации на Европейском Севере Советского Союза. Новизна исследования определяется тем, что в работе впервые анализируются проблемы развития физкультуры и спорта в свете политики военизации в северных регионах страны. Автор доказывает, что в 1920-е годы данное направление находилось на начальной стадии своего развития, ограничиваясь агитацией и пропагандой среди населения, а также проведением показательных спортивных соревнований по отдельным видам спорта.

Ключевые слова:

физическая культура, спорт, военизация, Осовиахим, Совет физической культуры, профсоюзы, спортивные соревнования

Для цитирования:

Калинина Е. А. Военизация физической культуры и спорта в 1920-е годы: способы организации, итоги // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 116–121. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.011.

Original article

MILITARIZATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE 1920s: METHODS OF ORGANIZATION AND RESULTS

Elena A. Kalinina

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, kalinka46@yandex,
<https://orcid.org/0000-0002-8837-3674>*

Abstract

The military reform of the Armed Forces of the Soviet Union in 1924–1925 was aimed at improving leadership and improving the quality of training of command personnel, creating a new system for recruiting the Armed Forces, and organizing a coherent system for military service by the country's citizens. Physical education organizations were tasked with militarizing physical culture and sports and solving the problem of military physical training of pre-conscription youth. Based on materials from the central and regional periodicals of the pre-war period, the article presents the methods and forms of militarization in the European North of the Soviet Union. The novelty of the study is determined by the fact that the work is the first to analyze the problems of the development of physical education and sports in the light of the policy of militarization in the northern regions of the country. The author proves that in the 1920s this direction was at the initial stage of its development, limited to agitation and propaganda among the population and holding demonstration sports competitions in certain sports.

Keywords:

physical culture, sports, militarization, Osoviakhim, Council of Physical Culture, trade unions, sports competitions

For citation:

Kalinina E. A. Militarization of physical culture and sports in the 1920s: Methods of organization and results. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 116–121. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.011.

Военная реформа 1924–1925 годов предполагала мероприятия по перестройке Вооруженных Сил Советского Союза. Реформаторы отводили большое значение военно-физической подготовке молодежи допризывного возраста и пропаганде военных знаний среди трудящихся. Предполагалось, что регулярные физические упражнения повысят физические способности (силу, ловкость, быстроту, выносливость и др.) будущих бойцов Красной армии. Особое внимание уделялось ликвидации безграмотности, политической подготовке и знакомству с основами военных знаний. Исследователь советской военной истории В. В. Жарков указал, что после окончания Гражданской войны призывники и допризывная молодежь вносили ряд проблем при проведении призывной кампании. В резолюции Реввоенсовета СССР о ходе призыва 1923 года говорилось: «Прибывшие 10–11 мая красноармейцы-переменники для отбывания трехмесячных сборов находятся в плохом физическом состоянии (70 % пришедших из сел совершенно истощены). Отдельные красноармейцы 30 километров от села до лагерей едва могли пройти в течение трех дней» [1: 195].

Данная тема достаточно хорошо изучена в исторической литературе. Исследователями подробно рассмотрены вопросы организации и проведения военной реформы 1924–1925 годов с точки зрения военной истории Советского Союза [1; 2]. Современными авторами исследована также и политика военизации в области физической культуры и спорта как в целом по стране [3], так и по отдельным регионам [4]. Следует заметить, что в настоящее время нет работ по истории введения военизации в данную сферу в регионах Европейского Севера СССР. Целью данной статьи является изучение способов и форм внедрения военного направления в 1920-е годы в Карелии, Вологодской и Мурманской областях.

Такое положение дел активизировало введение элементов «военизации» в сфере физической культуры и усилило внимание к тем видам спорта, которые были важны в современной войне, — стрелковый, конный спорт, фехтование, борьба и др. Инициаторы реформы предполагали проводить физическую подготовку мужского населения, начиная со школьного возраста. Одновременно с общим физическим развитием молодежь должна была осваивать военное дело. Как отметил в своей заметке в газете «Красная Карелия» корреспондент Нидолов: «Спортивные организации этим самым помогут Советскому правительству создать боеспособную, физически развитую многомиллионную армию рабочих и крестьян, которая потребуется в случае войны»¹.

В центральной периодической печати публиковались статьи о необходимости введения военных элементов в физическую культуру. Например, в легкую атлетику (в многоборье) следовало включить стипл-чез, бег по полевому городку с преодолением ряда препятствий, перешагивание, эстафету с переноской груза, метание гранаты в цель, бег в противогазах по пересеченной местности. В плавании — передвижение по воде в одежде с оружием и с конем, переправы через реку на плотках, бревнах, поплавах. Важная роль отводилась проведению военизированных игр на местности².

Что было сделано на Европейском Севере СССР в направлении «военизации» в сфере физической культуры и спорта в 1920-е годы? Особая роль в деле военизации отводилась региональным Советам физической культуры, профсоюзам и Осовиахиму. Эти организации должны были принять меры к распространению военных знаний, вовлечению широких масс рабочих и крестьян в физкультурное движение, развитию спортивных кружков, обустройству стрелковых тиров. В 1927 году повсеместно прошли региональные съезды профсоюзов, на которых рассматривались проблемы военизации населения. Например, на VI Всекарельском съезде профсоюзов в сентябре 1927 года было подчеркнуто, что в настоящее время особое внимание должно быть обращено «на внесение в работу физкультурных кружков элементов военных знаний, навыков и начал общественно-политического воспитания... Необходимо всемерно развивать работу по постройке как союзных, так и межсоюзных спортзалов, спортплощадок, водных и лыжных станции и т. д.»³.

Областные, республиканские Главные Советы физической культуры настоятельно рекомендовали всем спортивным организациям развивать стрелковый, конный спорт, фехтование, самооборону без оружия, борьбе джиу-джитсу⁴. Руководителям спортивных кружков предлагалось включить в отдельные виды спорта ряд военно-прикладных видов. Однако относительно практических дел в военизации населения было сделано немного.

Одной из форм организации работы, направленной на военизацию физической культуры и спорта, явились «Недели спорта». Такие мероприятия проходили по всему Советскому Союзу в 1927 и 1928 годах. По официальным рекомендациям из центра каждый регион составлял индивидуальные программы их проведения.

В Карелии «Неделю обороны» провели с 10 по 17 июля 1927 года. Ниже представлен Календарь проведения «Недели обороны» в г. Петрозаводске.

Календарь проведения «Недели обороны» в г. Петрозаводске 10–17 июля 1927 г.⁵

10 июля

- легкая атлетика (бег на дистанции 60 и 100 м, метание гранаты, прыжки в высоту);
- плавание вольным стилем;
- футбол между командами Первой сборной и Второй сборной г. Петрозаводска;
- стрельба в тире.

11 июля

- парад физкультурников под духовой оркестр;
- открытие стрелкового тира;
- парад велосипедистов и мотоциклистов;
- показательная стрельба в тире;
- метание диска и прыжки в длину с разбега;
- конно-показательные состязания;
- футбол между командами «Совторгслужащих» и «Железнодорожников»;
- баскетбол между командами «Профклуба» и «Просвещенцев».

12 июля

- парад красноармейцев;
- митинг;
- парад участников химических курсов в противогазах;
- показательные химические действия;
- соревнования по легкой атлетике для красноармейцев;
- футбол между командами красноармейцев и пограничников.

13 июля

- игра в рюхи (городки) между командами Онегзавода, Комитета профсоюзов и красноармейцев;
- велосипедные соревнования.

14, 15, 16 июля — футбольные матчи и футбольные эстафеты (выбивание на дальность мяча защитой, обводка мяча вокруг колышек и удар по защищенным воротам, вбрасывание мяча на дальность полузащитой).

17 июля

- бег на дистанцию 7120 м вокруг города;
- стрелковые соревнования в тире.

Важно отметить, что такие масштабные мероприятия были организованы только в Петрозаводске. На местах «Недели обороны» прошли более скромно. Например, в Пудоже 12 июля 1927 года состоялось праздничное шествие физкультурников, митинг и соревнования по стрельбе в новом тире, устроенном в городском клубе, для женщин в этот день открыли военно-санитарный кружок. Стрелковые состязания привлекли много участников и зрителей, однако мишени для стрельбы были сделаны «непрочно и в первый день выбыли из строя с такими повреждениями, что надо было их заново ремонтировать»⁶. В Сороке и Кеми провели пешие походы с тактическими военизированными занятиями с имитацией боевых действий.

В организации «Недели обороны» в Мурманске в 1927 и 1928 годах активную позицию занял окружной совет Осовиахима. В эти дни повсеместно проводился сбор денежных средств в фонд массовой работы Осовиахима, велась запись в кружки военных знаний. Газета «Полярная правда»

ежедневно освещала ход проведения Недели, публиковала списки жителей г. Мурманска, вступивших в Осовиахим, сведения о выплате ими членских взносов. В учебных заведениях военнотружущие читали лекции на тему «Усиление связи Красной армии и флота», проводили стрелковые соревнования.

Ярким событием в мурманских «Неделях обороны» явились военные походы с проведением тактической игры на местности. В них участвовали городские жители, допризывники, красноармейцы и моряки. В июле 1928 года было организовано два таких похода. В первом походе между «красными» и «синими» разыгрывался бой в окрестностях Мурманска. По плану «красные» должны были «взять с боем Колу и вернуться в Мурманск»⁷. Во втором походе был организован бой «красных» и «синих» «с высадкой морского десанта в 5 км севернее Мурманска»⁸. Примечательно, что в обеих играх победу одержали «красные», а после их окончания между участниками проводились товарищеские встречи по футболу.

В Вологде «Недели обороны» проводились в течение июля. Этому событию областная газета «Красный Север» уделяла большое внимание. Ежедневно на страницах этого периодического издания публиковались агитационные материалы о «смычке» Красной армии и народа, об организации сбора средств в фонд Осовиахима, о создании «тысячи» военно-оборонных кружков в крае, о повсеместном распространении военной литературы и т. д.⁹ Вологодскими железнодорожниками был организован агит-вагон Осовиахима, который с 14 по 28 июля прошел по маршруту от Вологды до железнодорожной станции Пундуга. Во время продвижения на остановках для местного населения проводились агитационные беседы и соревнования по стрельбе в передвижном тире¹⁰.

В программе Недели были заявлены массовые народные гуляния, соревнования красноармейцев и железнодорожников по легкой атлетике и стрелковому спорту, проведение субботников по обустройству спортивных площадок и стрелковых тиров. Особое внимание горожан уделялось военно-тактическим играм у с. Кавырино и организации переправы из понтонных мостов через реку в центре Вологды у Соборной горки¹¹.

«Недели обороны» в дальнейшем не были продолжены. В 1929 году попытки их проведения ограничились публикацией агитационных объявлений в республиканской периодической печати. Провести конкретные мероприятия не удалось.

Необходимо отметить, что в 1920-е годы предпринимались лишь отдельные попытки развития стрелкового, конного спорта, фехтования и борьбы без оружия. Конные соревнования организовывались в Вологодской области и Карелии. В Вологде их ежегодно проводили в течение трех лет (1924–1926 годы). В сентябре 1924 года в состязаниях «на резвость» и по «перевозке тяжести» участвовало 23 лошади (из них 10 — крестьянских)¹², в феврале 1925 года — 28 лошадей (из них 15 — крестьянских), в феврале 1926 года — 37 лошадей (из них 26 — крестьянских). Несомненно, призовой фонд соревнований, состоящий из орудий сельскохозяйственного производства (веялок, плугов, сеялок) и неплохого денежного поощрения, привлекал крестьянское население.

В Петрозаводске единственные конные соревнования прошли в марте 1924 года. В них приняли участие лошади из крестьянских хозяйств, совершенно не приспособленные для участия в конкурсах «на резвость». В газете «Красная Карелия» о результатах этих соревнований появилась критическая заметка: «Ну и племенные! Иронически заявляет другой... В прежние времена таких племенных таскали за хвост на задворки. На этих племенных только простолудинов возить! Круг для бега не годиться. На поле состязания выступило до 20 лошадей. В большинстве крестьянские лошадки — финки... Из местных, однако, не было ни одной с настоящей рысью. Расстояние в одну версту в среднем лошадыми покрывалось в 2 мин 30 сек...»¹³.

В этот период в региональной периодической печати стали появляться агитационные статьи о необходимости военизации физической культуры¹⁴, о способах подготовки бойцов Красной армии. Корреспонденты газеты «Красная Карелия» в своих статьях давали советы о том, как могут помочь в военной подготовке летние и зимние виды спорта. «Настоящий боец должен уметь передвигаться самыми различными способами шагом, бегом, ползком, зимой на лыжах... быть метким». Лучше всего в этом помогут гимнастика, игры, спорт», — отметил В. Стариков¹⁵. «Лыжи нужны на войне, — писал

А Тарасов. — Необходимо развивать интерес в массах к лыжам, разъяснять наглядность лыж не только для развития, но и для легкого и быстрого передвижения... Лыжи нужны сельскому почтальону, милиционеру, крестьянину, железнодорожному линейному рабочему, рабочему, живущему вдали от завода»¹⁶.

Постановление Президиума ВЦИК от 13 февраля 1928 года требовало усилить работу по боевой физической подготовке трудящихся, обратить особое внимание на всемерное развитие стрелкового и лыжного спорта. В октябре 1929 года был издан приказ Реввоенсовета СССР. В нем работа по постановке физического воспитания в армии и на флоте была признана недостаточной. Укрепление боевой мощи РККА напрямую связывалось с повышением уровня ее физической подготовки. Признавалось «необходимым включить методы физической тренировки во всю систему тренировки и обучения войск, они должны были содействовать лучшему и массовому овладению такими воинскими 125 специальностями, как «сапер, пулеметчик, водолаз, минер»¹⁷.

Таким образом, военизация физической культуры и спорта в 1925–1929 годы только делала свои первые шаги. Как правило, основные мероприятия были направлены на агитацию и пропаганду военных знаний и необходимость военно-физической подготовки допризывников. Советы физической культуры, профсоюзные организации Осовиахим агитировали граждан заниматься физическими упражнениями, становиться членами спортивных кружков, принимать участие в соревнованиях, военно-тактических играх, осваивать военную науку. Повсеместно шло устройство «военных уголков», организация передвижных библиотек с военной литературой, среди населения распространялись брошюры и листовки с военной тематикой и призывами стать членами Осовиахима и других военных организаций. Спортивная деятельность была эпизодической. Как правило, показательные соревнования проводились среди военнослужащих по двум видам спорта (легкая атлетика и стрелковый спорт) без введения военизированных элементов. Другие виды, рекомендованные Советами физической культуры (фехтование, борьба и др.), не получили своего развития. Несомненно, отсутствие регулярного учебно-тренировочного процесса не могло повысить физическую подготовленность допризывной молодежи, которая оставалась по-прежнему на низком уровне. Действительное усиление военного направления в сфере физической культуры и спорта произошло с сентября 1929 года после Постановления ЦК «О физической культуре», начавшего перестройку всей системы физкультуры в направлении ее подчинения нуждам подготовки граждан к обороне страны.

Примечания

¹ Нидолов. О военизации // Красная Карелия. 1926. 2 июня.

² Пора начать готовиться // Красный спорт. 1927. 12 июня.

³ О физкультуре // Резолюции VI Всекарельского съезда профессиональных союзов. Петрозаводск, 26–31 сентября 1927 г. Петрозаводск, 1927. С. 29–30.

⁴ Голь. Задачи физкультурников // Красная Карелия. 1927. 1 июля; Стрелков. Надо развивать стрелковый спорт // Красная Карелия. 1927. 1 июля; Эвальд. Как метко стрелять из винтовки // Красная Карелия. 1927. 10 августа.

⁵ План-календарь проведения «Недели обороны» // Красная Карелия. 1927. 8, 9 июля.

⁶ Неделя обороны в Пудоже // Красная Карелия. 1927. 27 июля.

⁷ Наш первый военный поход // Полярная правда. 1928. 3 июля. С. 2.

⁸ Архипчиков К. Мурманцы в походе // Полярная правда. 1928. 26 июля. С. 2.

⁹ Усилить подготовку к Неделе обороны // Красный Север. 1928. 3 июля.

¹⁰ Агит-вагон Осовиахима // Красный Север. 1928. 13 июля.

¹¹ Тактические учения сводного полка «Осовиахима» с частями военного гарнизона // Красный Север. 1928. 14 июля.

¹² Конские состязания в Спасском-Куркине // Красный Север. 1924. 12 сентября; Результаты конских испытаний на резвость // Красный Север. 1925. 11 февраля; Результаты конских испытаний // Красный Север. 1926. 5 февраля.

¹³ Конские состязания в Петрозаводске // Красная Карелия. 1924. 20 марта.

¹⁴ Кивьякас А. Спорт в Красной армии // Красная Карелия. 1927. 24 июля; Стрелков. Надо развивать стрелковый спорт // Красная Карелия. 1927. 1 июля.

¹⁵ Стариков В. Спорт-работу необходимо связать с военизацией // Красная Карелия. 1927. 30 апреля.

¹⁶ Тарасов А. Даешь лыжи! // Красная Карелия. 1927. 19 ноября.

¹⁷ Из приказа Революционного Военного Совета от 31 октября 1929 года // Физкультура и спорт. 1929. 16 ноября.

Список источников

1. Жарков В. В. Реформирование Красной армии в 1920-е годы // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2 (59). С. 192–202.
2. Мухин В. Б. Военная реформа 1924–1928 гг. в СССР // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. 2022. № 1 (61). С. 28–43.
3. Ульянова С. Б., Крепкая Т. Н. Милитаризация массового спорта в СССР в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2019. № 12–3. С. 281–287.
4. Сарычева Т. В. Организация военно-физкультурной деятельности в Западной Сибири на этапе становления Советской власти (Томская губерния, начало 1920-х гг.) // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2012. № 6. С. 19–21.

References

1. Zharkov V. V. Reformirovanie Krasnoj Armii v 1920-e gody [Reform of the Red Army in the 1920s]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2009, no. 2 (59), pp. 192–202. (In Russ.).
2. Muhin V. B. Voennaya reforma 1924–1928 gg. v SSSR [Military reform 1924–1928 in the USSR]. *Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: history], 2022, no. 1 (61), pp. 28–43. (In Russ.).
3. Ulyanova S. B., Krepkaya T. N. Militarizaciya massovogo sporta v SSSR v 1920–1930-e gody [Militarization of mass sports in the USSR in the 1920s–1930s]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2019, no. 12–3, pp. 281–287. (In Russ.).
4. Sarycheva T. V. Organizaciya voenno-fizkul'turnoj deyatelnosti v Zapadnoj Sibiri na etape stanovleniya Sovetskoj vlasti (Tomskaya guberniya, nachalo 1920-h gg.) [Organization of military-physical training activities in Western Siberia at the stage of formation of Soviet power (Tomsk province, early 1920s)]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* [Physical culture: upbringing, education, training], 2012, no. 6, pp. 19–21. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Калинина — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания.

Information about the author

E. A. Kalinina — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Education, Institute of Physical Culture, Sports and Tourism.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 902.2 (470.21)
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.012

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КАНДАЛАКШСКОГО ЗАЛИВА БЕЛОГО МОРЯ

Марк Михайлович Шахнович

Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Аннотация

Статья посвящена результатам работ археологической экспедиции Кольского научного центра РАН на северном берегу Кандалакшского залива Белого моря около города Кандалакша и на реке Колвица в 2023 году. Зафиксированы три новых памятника археологии: валунная яма Нива XXIII, углежогные ямы Кандалакша XVI и Колвица — каменные сложения. Валунная яма находится на древней морской террасе, на западном склоне горы Волосяная, в 1 км от реки Нива. Три углежогные ямы находятся на северном берегу залива Малая Питкуля, около южного склона горы Крестовая, недалеко от лабиринта. Это первая находка таких объектов в Русской Лапландии, и они датируются финалом XV — XVI веком. Семь сложений из валунов располагаются на северном берегу реки Колвица, около порогов. Аналоги им известны в других местах Русской Лапландии. Валунные ямы есть еще на реке Хлебная и на побережье Баренцева моря. Датировка и этническая принадлежность конструкций из валунов пока предположительны.

Ключевые слова:

Русская Лапландия, река Нива, памятники археологии, валунные сложения, углежогные ямы

Благодарности:

статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024-0002.

Искренняя признательность за помощь Д. Лоскутову, П. Овчинникову, Н. Орнатской, О. Киндинову, П. Кривовичеву, А. Шарাপовой, А. Шаропову, И. Михайловой.

Для цитирования:

Шахнович М. М. Новые памятники археологии на северном побережье Кандалакшского залива Белого моря // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 122–131. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.012.

ARCHEOLOGY

Original article

NEW ARCHEOLOGICAL MONUMENTS ON THE NORTH COAST OF KANDALAKSHA BAY OF THE WHITE SEA

Mark M. Shakhnovitch

Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>

Abstract

The article is devoted to the results of the archaeological expedition of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences on the northern shore of the Kandalaksha Bay of the White Sea near the city of Kandalaksha and on the Kolvitsa River in 2023. Three new archaeological monuments have been recorded: Niva XXIII — boulder pit, Kandalaksha XVI — charcoal pits and Kolvitsa — stone structures. The boulder pit is located on an ancient sea terrace, on the western slope of Mount Volosyanaya, 1 km from the Niva River. Three charcoal pits are located on the northern shore of Malaya Pitkulya Bay, near the southern slope of Mount Krestovaya, not far from the labyrinth. This is the first discovery of such objects in Russian Lapland and they date back to the late 15th–16th centuries. Seven formations of boulders are located on the northern bank of the Kolvitsa River near the rapids. Analogs are known to them in other places of Russian Lapland. There are also boulder pits on the Khebnaya River and on the coast of the Barents Sea. The dating and ethnicity of the boulder structures are still speculative.

Keywords:

Russian Lapland, Niva River, archaeological monuments, boulder formations, charcoal pits

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002. The authors express their sincere gratitude to D. Loskutov, P. Ovchinnikov, N. Ornatskaya, O. Kindinov, P. Krivovichev, A. Sharapova, A. Sharapov and I. Mikhailova for their help.

For citation:

Shakhnovich M. M. New archaeological monuments on the northern coast of the Kandalaksha Bay of the White Sea. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 122–131. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.012.

В полевой сезон 2022–2023 годов Лапландская археологическая экспедиция Кольского научного центра РАН проводила поиск памятников археологии на побережье Терского, Кандалакшского и островах Карельского берегов Белого моря. Цель данной публикации — ввести в научный оборот три новых объекта, найденных во время полевых работ в Кандалакшском районе Мурманской области.

История археологического изучения устья реки Нива

Первое известное упоминание об археологических находках из окрестностей села Кандалакша принадлежит С. Н. Дурылину, описавшему знаменитый лабиринт — «вавилон» — на острове в местечке Питкуль¹. В 1928 году первые, малорезультативные археологические изыскания в устье реки Нива осуществлены сотрудниками Палеоэтнологической партии Антрополого-Этнографического отряда Кольской экспедиции МАЭ под руководством А. В. Шмидта². В 1934–1935 годах геологи Г. И. Горецкий и И. А. Карасёв обнаружили на древних террасах правого берега реки, на участке между селами Кандалакша и Пинозеро, восемь стоянок эпохи неолита. Четыре из них располагались в черте Кандалакши на высоте 25–40 м над уровнем моря. Собранный материал: отщепы кварца и кремня, многочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и изделия из «светлого зеленовато-серого диабазового сланца с включением мелких кристаллов халькопирита». На песчаных террасах левого берега Нивы были отмечены только следы культурного слоя без находок — «места будущих открытий неолитических стоянок»³. В 1946 году Н. Н. Гурина (ЛОИА АН СССР) также обследовала правый берег реки Нива, где нашла четыре новых местонахождения кварцевого и кремневого материала и асбестовой керамики⁴.

В 1969–1974 годах археологи КФ АН СССР Г. А. Панкрушев, Ю. В. Титов, П. Э. Песонен и А. В. Анпилогов «полностью обследовали левый берег р. Нива от Пинозеро до Кандалакшской губы. Здесь открыто более 30 древних поселений, из которых 22 частично или полностью раскопаны»⁵. Тогда же небольшие стоянки каменного века были найдены в устье реки Лувенга и Питкуль губе (Лувенга I, II, Питкуль губа I, II). Самые древние стоянки эпохи мезолита располагались на высоте 43–53 м над уровнем моря [1: 95]. В 2004 году А. М. Жульников обследовал стоянку Нива III около железной дороги, на левом берегу реки Нива. В 2013 и 2015 годах М. М. Шахнович провел раскопки в алтарной части церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Монастырском Наволоке, выявив культурный слой и объекты XVII–XIX веков [2].

В районе губы Малый Питкуля (2,7 км к юго-востоку от устья р. Нива) Н. Н. Гуриной в 1946 году на второй и третьей морской террасах, в 0,25 км к северу от лабиринта, найдены два поселения с керамикой типа лууконсаари и кварцевыми отщепами в шурфах⁶. В 1971 и 1972 годах П. Э. Песонен вторично провела их обследование, дав им названия Питкуль губа I и II и датировав периодом раннего металла⁷.

В 2006 году поселение Питкуль губа I около лабиринта дополнительно осмотрел А. М. Жульников (КГКМ), обозначив ее как Кандалакша III⁸. Им были впервые проведены инструментальные высотные измерения памятника и описаны 11 валунных сложений «позднего возраста», находящиеся в западной части памятника⁹. Северо-восточнее лабиринта, в районе залива Большой Питкуля, были зафиксированы еще четыре поселения (Кандалакша XII–XV), по материалу и высоте расположения над уровнем моря датированные раннежелезным веком.

В 2022 году Е. М. Колпаковым (ИИМК РАН) проведены дополнительные работы по определению границ Кандалакша III (два шурфа по 1 м²). Впервые описаны «остатки позднего (производственного?) комплекса (не исключено, что это остатки тони)», расположенные на первой террасе, в 170 м к северу от лабиринта, в 40 м от моря¹⁰.

В 2023 году в окрестностях города Кандалакша зафиксированы два новых памятника: Нива XXIII — валунная яма¹¹ и группа впадин Кандалакша XVI.

Описание объектов

Валунная яма **Нива XXIII** находится на краю древней морской террасы, на западном склоне горы Волосяная (475 м), в 1 км к западу от реки Нива¹². В рельефе — это природный выход обнаженного валунника (30 × 20 м) — единственный известный нам пример такого рода на левом берегу реки Нива. Открытый участок окружает смешанный лес. Дерновый покров, песчаный грунт и мох поверх камней выхода отсутствуют и, соответственно, нет культурных напластований. Подобные локальные участки открытых «полей камней» сформировались в период финального ледниковья и встречаются на северном побережье Белого моря, обычно на удалении до 1 км от линии отлива, выше ступеней песчаных террас.

Интересующий нас объект — хорошо заметная на поверхности яма в валуннике, имеет четкие очертания и состоит из двух конструктивных элементов: небольшого внутреннего заглубления в слой камней и выкладки-валика по окружности. В плане она имеет овальную форму, с направлением длинной оси параллельно линии склона берега — северо-запад — юго-восток. Размеры внешнего контура сооружения — 3,3 × 2,4 м, внутреннего — 2,4 × 1,5 м. Высота верхнего уровня стенки над дном в центре — 0,5 м. По краю ямы, с западной и северной сторон, сделан хорошо заметный, аккуратный валик высотой до 0,15 м над внешней современной поверхностью. Он замкнутый, без разрывов-«проходов», ровиков по внешнему периметру и специально оформленных, примыкающих площадок. Наклон внутренних стенок около 80 °. Для формовки внешнего края сооружения использованы небольшие по величине камни (до 0,3 м). Дно плоское и в настоящее время покрыто тонким слоем современной лесной органики толщиной до 5 см (рис. 1).

Рис. 1. Нива XXIII. Валунная яма. Вид с востока. 2023. Фото М. Шахновича

Яма хорошо сохранилась и воспринимается как не потревоженная. Следы очевидных разрушений (естественное осыпание, вандализм), подновлений или перестройки отсутствуют. Система конструкции (форма, размеры, характер кладки) легко «читается», расчистка камней от грунта не требуется. Следы на камнях от термического воздействия, обработки (подтёска, раскалывание) не отмечены. Видимые следы раскрытия или разброски, которые остались бы при функционировании ямы как «закрытого» объекта, не фиксируются. Находки на поверхности отсутствовали.

Искусственный характер исследованной валунной ямы не вызывает сомнения. Она одноактно, тщательно выкладывалась из камней, вынутых при углублении в грунте или собранных рядом с сооружением. Морфология сложения может определяться технологическим процессом, особенностями эксплуатации или определенной смысловой моделью.

Изначальный внешний облик сооружения реконструируется преимущественно на основании субъективных представлений о возможной его функции. Предположительно, конструкция из камней могла дополняться деревянной постройкой, например, столбовым сооружением типа чума с берестяным покрытием или «крышей», накрывающей яму, или внешним срубом-рамой. Возможно, внутренняя полость выстилалась берестой или кожей. Четко установить назначение данного объекта затруднительно. По нашему мнению, он связан с древней погребальной обрядностью [3].

По сходному характеру топографии расположения, общим конструктивным особенностям (одна технология изготовления, простое, единообразное устройство, похожие конфигурация и линейные характеристики) валунная яма на склоне горы Волосяная идентична другим подобным объектам, известным на побережье и островах Белого моря. Ближайшие, археологически зафиксированные группы валунных ям — это комплексы сложений (26 штук) на реке Хлебной (Терский район Мурманской области) и в бухте Корабельной (12 штук) на южном берегу Чупинского залива (Лоухский район Республики Карелия). Подобные ямы есть на северном побережье Кольского полуострова, на островах и в удаленном от моря высокогорье Финмаркена.

На современном этапе изучения валунных ям Беломорья отсутствуют данные для окончательного заключения об их датировании и этнической принадлежности. Единственная «зацепка» — на островах архипелага Кузова (Жилой и Средний) Белого моря валунные ямы расположены на нижней морской террасе, на высоте 2–4 м над уровнем моря, что позволяет предварительно отнести их к периоду Средневековья. Возможно, это так называемые «саамские древности».

Группа впадин **Кандалакша XVI** располагается на второй морской террасе северного берега губы Малая Питкуля, на высоте 16–17 м над уровнем моря. В памятник входят три единообразные впадины. Песчаная площадка, где они находятся, ровная, шириной до 30 м, с небольшим повышением к северу, к скальному выходу южного склона горы Крестовая (321 м). С юга ее ограничивает крутой склон на нижележащую террасу. Впадины располагаются вдоль края террасы на удалении от него на 9–23 м, на одинаковом расстоянии друг от друга (12–13 м). Они в плане подпрямоугольной формы, одинаковых размеров — 5,5 × 3,5 м, глубиной 0,6–1 м, с валиком выброса по периметру. Для самой западной впадины, в отличие от двух других, выбран участок с каменистым грунтом, что делало процесс ее создания более трудоемким (рис. 2).

Рис. 2. Кандалакша XVI. Яма 2. Вид с запада. 2023. Фото М. Шахновича

Во всех ямах наблюдается большое содержание разновеликих фрагментов древесного угля и зольности в песке под дерном. Опираясь на опыт работ в регионе можно предположить два варианта использования этих сооружений: термическая переработка древесины для получения угля и сухая тепловая вытопка жира морских животных для получения ворвани. Окончательный ответ дадут только археологические раскопки.

Из образца угля, взятого из-под дерна в центральной яме, сделано радиоуглеродное определение — 372 ± 25 BP (SPb 1834), две сигмы: 1455–1516 calAD вероятность 50 % и 1446–1527 calAD вероятность 56,3 %¹³. Таким образом, данный комплекс из трех ям может быть датирован периодом 2-я половина XV — 1-я половина XVI века (рис. 3, 4).

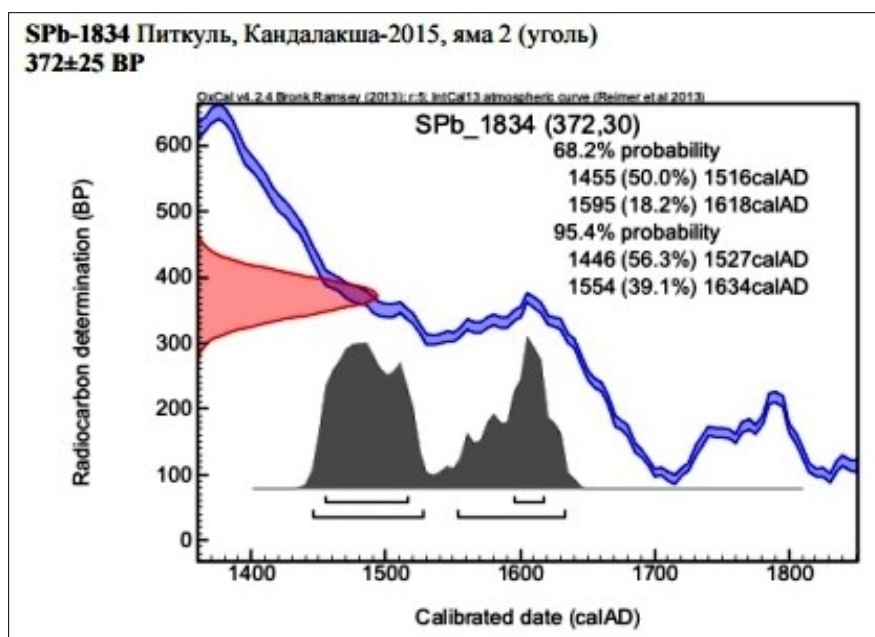

Рис. 3. Кандалакша XVI. Углежогная яма 2. Радиоуглеродное определение

Рис. 4. Питкуль губа. Валунное сложение. Вид с запада. 2023. Фото М. Шахновича

Вероятнее всего, производством древесного угля для своих потребностей занимались насельники поселения в устье реки Нива. Это были двиняне или корела, которым уже давно была известна технология изготовления кричного железа путем переработки болотных руд и особенности кузнечнойковки, требующие использования при работе древесного угля, дающего бóльшую температуру при сгорании, чем обычная древесина.

Наиболее древний, «ямный» способ получения древесного угля и, при определенной конструкции сооружения, сопутствующих продуктов (смола, скипидар) как отдельный вид крестьянского промысла практиковался повсеместно на территории Русского Севера и Карелии вплоть до 1930-х годов, что отмечено многочисленными археологическими объектами. Остатки «угольных и смоляных ямин» стали изучаться археологами только с начала XXI века. Исследованные раскопками памятники преимущественно относятся к XVIII–XIX векам — времени активного использования древесного угля на северороссийских металлургических заводах. Более ранние известные памятники углежжения, например периода позднего Средневековья, редки. Из территориально близких к устью реки Нива — это две ямы на острове Большой Соловецкий — 545 ± 50 BP (Le 7558) и 450 ± 45 BP [4: 25] и яма на острове Лиетесуари на озере Верхнее Куйто в Северной Карелии — 270 ± 50 л. н. (ca 1580 \pm 110 н. э.) (SPb-4) [5: 136]. В любом случае группа впадин в губе Малый Питкуля — это первый зафиксированный памятник углежжения или салотопления в Русской Лапландии.

Археологические работы на реке Колвица

Озеро Колвицкое — это крупный материковый водоем (8×17 км) в 34 км к востоку от города Кандалакша. С глубоко вдающейся в материк Колвицкой губой Белого моря озеро соединяется порожистой рекой Колвица (длина 9 км).

Первые археологические изыскания на реке Колвица проведены в 1946 году Н. Н. Гуриной (ЛОИА): «на правом берегу реки близ ее устья, на третьей террасе ... и в двух километрах от с. Колвица, против 2-х больших порогов, в обресе берега», собраны кварцевые скребки, отщепы кварца и кремня. На южном берегу озера Колвицкое, в 1 км от истока реки Колвица, найдены два небольших местонахождения каменного века с кварцевым инвентарем и ямочно-гребенчатой керамикой¹⁴. В 1972–1973 годах поиск памятников каменного века продолжила П. Э. Песонен (ИЯЛИ КарФ АН СССР), открывшая в юго-западной части озера, около истока реки Колвица и в ее верхнем течении, 11 стоянок преимущественно с кварцевым инвентарем «мезолитического облика» (Колвица I–XI) и три размытые стоянки на полуострове Сосновый Наволок¹⁵. В 2019 году М. М. Шахнович в южной части озера, около ручья Верес, обследовал камень с надписью XV века [6], и в 2023 году в центральной части реки Колвица зафиксирована группа валунных сложений.

Памятник **Колвица** — **каменные сложения** находится на правом берегу реки, в 4 км к востоку от п. Колвица¹⁶. Семь валунных сложений и одна яма располагаются на северном берегу, на высокой каменистой площадке (4 м над уровнем воды), небольшого речного расширения между двумя порогами. С востока памятник ограничен крутым спуском к воде, с севера — подъемом на вышележащую террасу.

Валунные сложения располагаются двумя рядами по линии северо-восток — юго-запад на удалении 5–19 м от берегового обрыва. Из семи зафиксированных объектов три целые, одно сильно разрушено и три представляют начальную стадию создания. Шесть сложений по морфологическим признакам относятся к условному типу так называемых «платформ» [7: 155]. Это аккуратно сложенные из среднего размера необработанных валунов конструкции, прямоугольной в плане формы, с прямыми углами и высотой 0,8–1 м. Только одно сложение имеет округлую форму, но это крупный валун ($1 \times 0,9$ м, высотой 0,8–0,9 м), обложенный по окружности камнями. Характер конструкции этого объекта опровергает предположение, что это места заготовки строительного материала. Данную группу сложений можно рассматривать как единый и одновременный памятник (рис. 5, 6).

В 2,5 м к западу от края берегового обрыва в каменистом грунте выкопана большая яма. В плане она овальной формы. Задернована. Размеры по линии север — юг 4,6 м (внутренний контур) и 6,3 м (внешний контур), запад — восток соответственно 3,2 и 6,2 м. Глубина — 1,3 м. Профиль конусообразный. Присутствует невысокий валик выброса по окружности шириной до 1 м. Вероятно, это остатки углубленного строения (ледник?). Пока не ясен характер соотношения ямы с валунными сложениями. В западной части территории памятника найдены три фабричных железных гвоздя квадратного сечения (конец XIX — начало XX века) (рис. 7, 8).

Рис. 5. Река Колвица. Валунное сложение 1. Вид с севера. 2023. Фото М. Шахновича

Рис. 6. Река Колвица. Валунное сложение 6. Вид с востока. 2023. Фото М. Шахновича

Рис. 7. Река Колвица. Яма. Вид с запада. 2023. Фото М. Шахновича

Рис. 8. Колвица — валунные сложения. Гвозди железные

Группы валунных сложений, идентичные обследованному в 2023 году памятнику на реке Колвица, ранее фиксировались археологами на территории Мурманской области и Республики Карелия: Каклолакши I на озере Среднее Куйто, Чёрный I на острове Кильдин в Баренцевом море, на озере Окунёвое около г. Ковдора, на реках Западная Майка (Печенгский район) и Ура (Кольский район), озере Топорное (Лоухский район Республики Карелия). Искусственный характер их очевиден, но датировка, назначение и культурная принадлежность не ясны. Как рабочая гипотеза была предложена идея, что это православные погребальные объекты позднего Средневековья — кенотафы, вероятно, для символических похорон утонувших [7: 158].

Заключение

Новые находки производственных ям и разнообразных валунных сооружений на северном берегу Кандалакшского залива Белого моря хорошо вписываются в широкий контекст археологических памятников периода Средневековья — Нового времени Восточной Фенноскандии. Результаты начальной работы по фиксации состояния этих объектов на начало XXI века и предварительные выводы в целом интересны и могут быть полезны при последующем изучении данных типов археологических объектов.

Несколько слов о валунных сложениях (ямы, «платформы»). Из-за отсутствия стандартных археологических критериев для датирования и культурной атрибуции (антропогенный слой, находки) их интерпретация во многом дискуссионная, и в настоящее время они находятся в некотором «подвешенном состоянии» среди традиционных видов археологических памятников. Но, по нашему мнению, работа по данным объектам должна продолжаться. Целенаправленные полевые исследования по выявлению и детальному комплексному изучению разновидных конструкций из валунов региона приведет к постепенному увеличению информативной базы и предоставит ответы на пока открытые вопросы. В исследовательском процессе это позволит выйти на уровень определения новых этнодифференцирующих маркеров для малоизученных культур аборигенов Фенноскандии.

Представленные результаты изысканий на Кандалакшском берегу Белого моря еще раз подтвердили тезис «результативность поиска памятников археологии прямо пропорциональна сумме профессионального опыта и упорности рабочего коллектива».

Список сокращений

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИЯЛИ КФ АН СССР — Институт языка, литературы и истории Карельского филиала академии наук СССР

КГКМ — Карельский государственный краеведческий музей

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии академии наук СССР

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Примечания

¹ Дурьлин С. Н. Кандалакшский «вавилон» (К изучению северных лабиринтов). М.: Тип-я А. Снегирев, 1914. С. 3.

² Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Л.: АН СССР, 1930. С. 120.

³ Стоянки №№ 5, 6, 9 по публикации 1937 года. В настоящее время они разрушены многолетней застройкой и хозяйственным освоением приустьевоего участка города. См.: Горецкий Г. И. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Советской секции INQUA. 1937. Вып. III. М.; Л.: АН СССР. С. 108–110, 118.

⁴ Пункты №№ 2, 3, 10, 11 по отчету 1946 года. Отчетные описания в настоящее время не позволяют точно локализовать на местности эти памятники. См.: Гурина Н. Н. Отчет об археологическом обследовании южного побережья Кольского полуострова в 1946 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 153. С. 6–12.

⁵ Стоянки Нива I, IA, II–XXI. См.: Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Лобанова И. Ю. Кольская археологическая экспедиция // Археологические открытия — 1974. М.: Наука, 1975. С. 41.

⁶ Пункты № 1 и 4 по тексту отчета 1946 года. См.: Гурина Н. Н. Отчет об археологическом обследовании южного побережья Кольского полуострова в 1946 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 153. С. 16–24.

⁷ На поселении Питкуль губа I в 1971 году заложены два шурфа (8 м²), где «обнаружено большое количество кварцевого инвентаря» и в 1972 году — раскоп 24 м², в котором были собраны шесть фрагментов тонкостенной неорнаментированной керамики с примесью асбеста в тесте и 70 орудий: кварцевые скребки (28), скребла (17), нуклеусы (14), отщепы кварца (169), кальцинированные кости (28). См.: Титов Ю. В. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР за 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4424. С. 44; Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Песонен П. Э. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР за 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4787. С. 25–29.

⁸ Продолжена нумерация Н. Н. Гуриной 1946 года.

⁹ «На территории поселения имеется два каменных сложения 3 × 8 м, высотой до 1,6 м. За пределами стоянки имеется еще девять подобных сложений, расположенных на первой и третьей морских террасах. Размеры сложений колеблются от 2,5 до 3 м в ширину и от 7 до 10 м в длину. Высота — 1,2–1,8 м. Все сложения имеют сходную конфигурацию и размеры. Они производят впечатление поздних и, видимо, относятся к новому или к новейшему времени. Несколько аналогичных кладок имеется непосредственно на берегу моря (ближе к Кандалакше), что указывает на их поздний возраст.

Сходные каменные сложения имеются в Карелии, на местах, где заготавливался камень для строительных работ». Жульников А. М. Отчёт о работах Беломорской археологической экспедиции КГКМ в 2006 году // Архив ИА РАН. Ф. Р. 1. Оп 1. Кн. 55. № 53819. С. 31.

¹⁰ «Прямоугольная яма $5 \times 3 \times 1,2$ м, два задернованных каменных сложения $3 \times 2,5 \times 0,5$ м и впадина с валиком по периметру 9×9 м по его внешним границам». См.: Колпаков Е. М. Отчёт о выполнении работ по определению границ территории и предметов охраны объектов археологического наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, расположенных на территории Мурманской области. СПб., 2022. С. 13.

¹¹ В реестре выявленных объектов культурного наследия по Мурманской области в 2023 году на левом берегу р. Нива значатся стоянки Нива I–XXII.

¹² Информация жителя г. Кандалакша П. Н. Овчинникова.

¹³ Радиоуглеродные определения произведены д. г.-м. н. М. А. Кульковой (изотопная лаборатория РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Для калибровки радиоуглеродных дат была использована программа OxCal. v4.4 и атмосферная кривая IntCal20. См.: Reimer P. J., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R. L., Friedrich M. et al. The IntCal20 northern hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. 62 (4). P. 725–757.

¹⁴ Пункты №№ 6–9 по отчету 1946 года. Гурина Н. Н. Отчет об археологическом обследовании южного побережья Кольского полуострова в 1946 г. // ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 153. С. 26–27.

¹⁵ Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Песонен П. Э. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции... С. 2–9.

¹⁶ Информация получена от Н. Орнатской (Санкт-Петербург).

Список источников

1. Песонен П. Э. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск: КФ АН СССР. 1978. С. 94–160.
2. Шахнович М. М. Археологическое изучение церкви Рождества Пречистой Богородицы Кандалакшского монастыря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 23–35.
3. Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды Кольского научного центра. 2021. 4 (12). Вып. 21. С. 104–125.
4. Мартынов А. Я. Радиоуглеродные даты в археологии Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. 2016. Вып. 12. С. 21–34.
5. Шахнович М. М. Позднесредневековое смолокурное производство на озере Верхнее Куйто. К вопросу о «лопарских древностях» в Западном Прибеломорье // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Вып. 22. Т. 13, № 2. С. 130–141.
6. Авдеев А. Г., Шахнович М. М. Колвицкий камень: новый памятник русской эпитафии на Кольском полуострове // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 1–8.
7. Шахнович М. М. Валунные кенотафы Восточной Фенноскандии: к вопросу об одной разновидности православного погребального обряда в позднем Средневековье // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 152–160.

References

1. Pesonen P. E. Mezoliticheskie pamyatniki Kandalakshskogo berega [Mesolithic monuments of the Kandalaksha coast]. *Mezoliticheskie stoyanki Karelii* [Mesolithic sites of Karelia]. Petrozavodsk, 1978, pp. 94–160. (In Russ.).
2. Shakhnovitch M. M. Arheologicheskoe izuchenie cerkvi Rozhdestva Prechistoj Bogorodicy Kandalakshskogo monastyrya [Archaeological study of the Church of the Nativity of the Mother of God of the Kandalaksha Monastery]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2023, 45 (8), pp. 23–35. (In Russ.).

3. Shakhnovich M. M. Valunnye jamy Belomor'ja [Boulder pits of the White Sea Region]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian Studies], 2021, series 21, vol. 12, no. 4, pp. 104–125. (In Russ.).
4. Martynov A. Ya. Radiouglerodnye daty v arheologii Soloveckogo arhipelaga [Radiocarbon dates in the archeology of the Solovetsky archipelago]. *Soloveckij sbornik* [Solovetsky collection], 2016, vol. 12, pp. 21–34. (In Russ.).
5. Shakhnovitch M. M. Pozdnesrednevekovoe smolokurennoe proizvodstvo na ozere Verhnee Kujto. K voprosu o “loparskih drevnostyah” v Zapadnom Pribelomor'e [Late medieval tar production on the Lake Verkhnee Kuito. On the question of “Lopar antiquities” in the Western White Sea region]. *Trudy KNC RAN* [Transactions of the Kola Science Centre of RAS], 2022, vol. 13, no. 2, pp. 130–141. (In Russ.).
6. Avdeev A. G., Shakhnovich M. M. Kolvickij kamen': novyj pamjatnik russkoj jepigrafiki na Kol'skom poluostrove [Stone of Kolvitsa: A new monument of Russian epigraphy on the Kola peninsula]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2022, vol. 44, no. 6, pp. 5–8. (In Russ.).
7. Shakhnovitch M. M. Valunnye kenotafy Vostochnoj Fennoskandii: k voprosu ob odnoj raznovidnosti pravoslavnogo pogrebal'nogo obryada v pozdnem Srednevekov'e [Boulder cenotaphs of Eastern Fennoscandia: on the question of one kind of the orthodox funeral rite in the late middle ages]. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2022, vol. 11, no. 3, pp. 152–160. (In Russ.).

Информация об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья
УДК 903.27
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.013

ПЕТРОГЛИФЫ КАНОЗЕРА: НОВЫЕ ФИГУРЫ ПАНЕЛИ КАМЕННЫЙ 4

Вадим Алексеевич Лихачев^{1, 2}

¹Музей «Хибинариум» Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, lihva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

²Лапландский университет, Рованиemi, Финляндия

Аннотация

В работе представлена новая документация панели с петроглифами Каменный 4 канозерского комплекса наскального искусства. Сделаны прорисовки петроглифов и элементов микрорельефа на основе 3Д-модели, полученной с помощью методики фотограмметрии. Уточнения известных фигур и выявленные новые изображения необходимы для детального композиционного анализа скопления и выдвижения гипотез по интерпретации данной композиции петроглифов.

Ключевые слова:

Фенноскандия, Канозеро, петроглифы, наскальное искусство, мотив беременной, мотив плодородия

Благодарности:

автор благодарит Алексея Василину и Музей Ловозерского-горнообогатительного комбината за предоставленные фотографии; Владимира Яковлевича Шумкина за поддержку в изучении наскального искусства Кольского полуострова; музей "Петроглифы Канозера" за возможность изучать петроглифы Канозера.

Для цитирования:

Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: новые фигуры панели Каменный 4 // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 2. С. 132–138. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.013.

Original article

KANOZERO ROCK ART COMPLEX: NEW FIGURES OF THE KAMENNY 4 PANEL

Vadim A. Likhachev^{1, 2}

¹Khibinarium Museum, KSC RAS, Apatity, Russia, lihva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-6468>

²University of Lapland, Rovaniemi, Finland

Abstract

The paper presents new documentation of the Kamenny 4 panel with petroglyphs of the Kanozero rock art complex. Drawings of petroglyphs and microrelief elements are made based on 3D model obtained with the help of the photogrammetry technique. Refinements of known figures and revealed new images are necessary for detailed compositional analysis of the cluster and hypotheses on interpreting this composition of petroglyphs.

Keywords:

Fennoscandia, Kanozero, petroglyphs, rock art, pregnancy, fertility ritual

Acknowledgments:

author would like to thank Alexey Vasilina and the Museum of the Lovozero Mining Company for providing the photos, Vladimir Yakovlevich Shumkin for support in studying the rock art of the Kola Peninsula, Museum "Petroglyphs of Kanozero" for providing an opportunity to study the petroglyphs of Kanozero.

For citation:

Likhachev V. A. Kanozero rock art complex: New figures of Kamenny 4 panel. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2024, Vol. 3, No. 2, pp. 132–138. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.2.013.

Петроглифы Канозера на данный момент крупнейший комплекс наскальных рисунков на Кольском полуострове [1–3] (рис. 1). С 2017 года выявлено пять новых скопления, а также выявлены новые фигуры в задокументированных ранее 18 скоплениях [4; 5]. Предлагаемая к рассмотрению документация панели наскальных рисунков¹ Каменный 4 (рис. 2) выполнена с помощью фотограмметрии [6] и продолжает публикации о новых скоплениях и фигурах [7–9]. Описание фигур на данной панели предлагается как основа для композиционного анализа и интерпретации, которые будут рассмотрены в последующих публикациях.

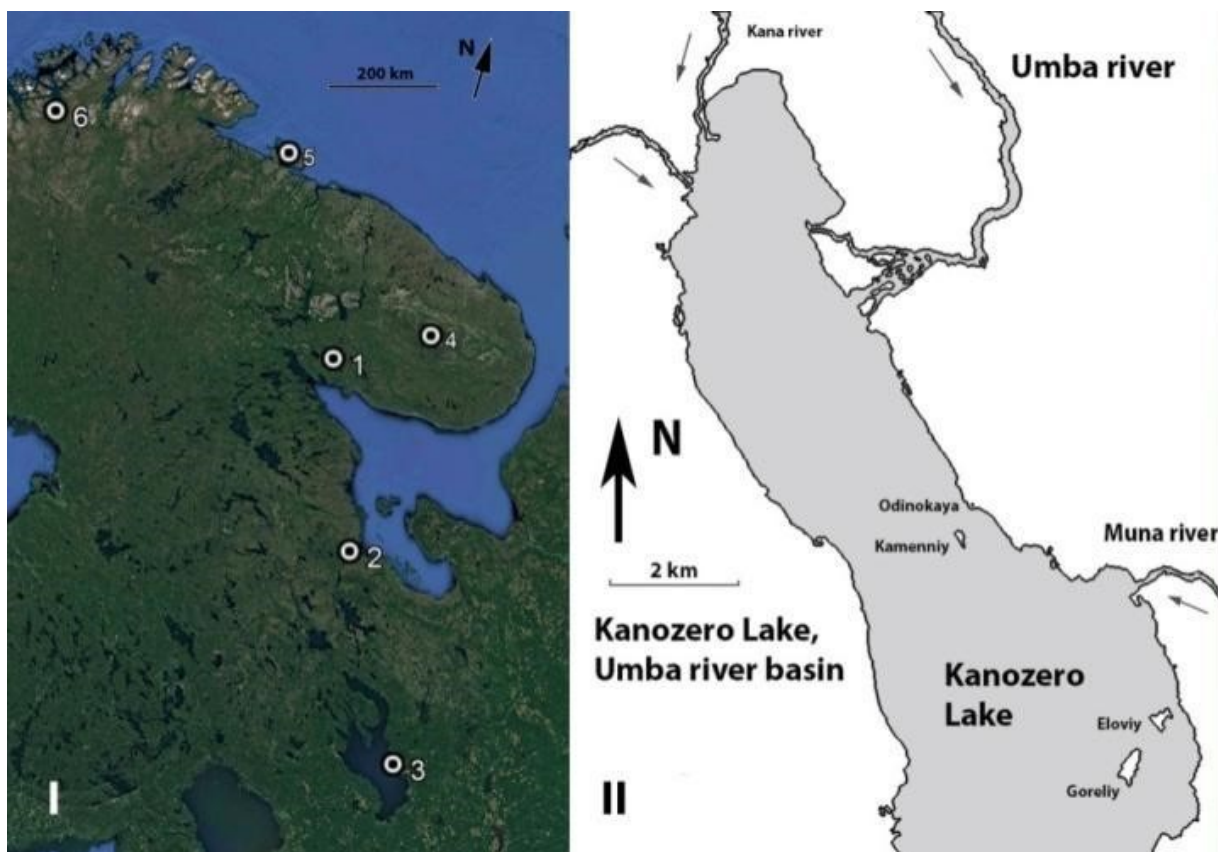

Рис. 1. Места основных скопления наскальных рисунков Восточной Финноскандии (I): 1 — Канозеро; 2 — устье реки Выг (Залавруга, Бесовы следки); 3 — Онежское озеро; 4 — Чальмны-Варрэ; 5 — писаницы п-ова Рыбачий; 6 — Алта; Космоснимок HereWeGo. Карта Канозера (II). Иллюстрация В. Лихачева

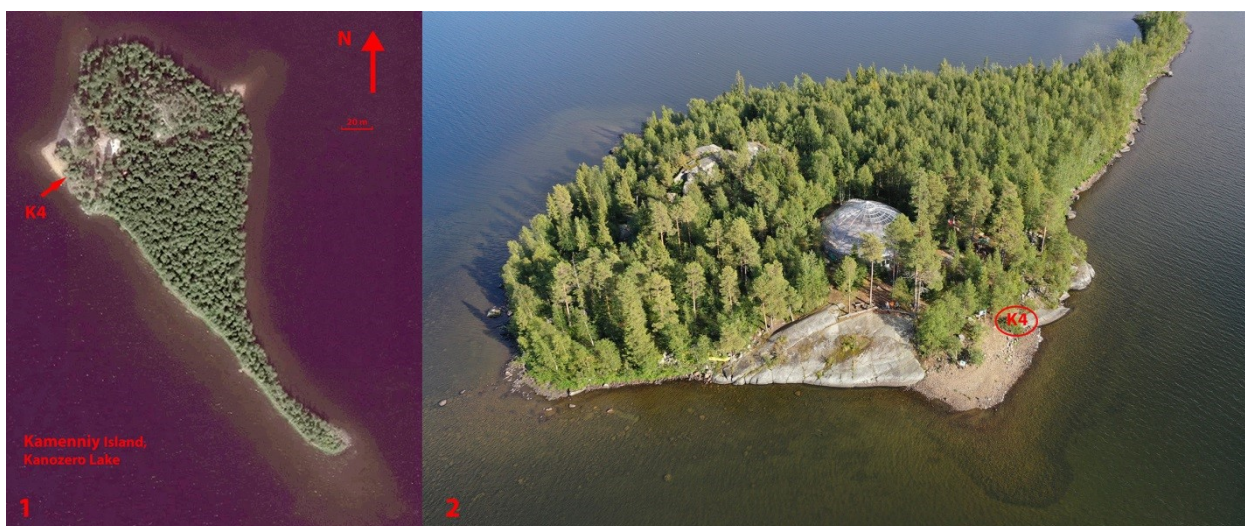

Рис. 2. Остров Каменный (1). Стрелкой указана панель Каменный 4. Космоснимок HereWeGo. Вид на остров Каменный (2). Красным кружком указана панель Каменный 4. Съемка с квадрокоптера А. Василены, 2017 год

Рис. 3. Различные способы документирования петроглифов панели Каменный 4:

1 — подкраска контуров фигур красной краской. Самая первая фотофиксация данной панели с петроглифами. Июнь 1998 год. Фото В. Лихачева; 2 — фотографирование смоченных водой петроглифов. Июнь 1999 год. Фото В. Лихачева; 3 — ночная фотосъемка с подсветкой. Сентябрь 1999 год, из архива музея ЛГОКА (пос. Ревда). Фото А. Клера; 4 — подкрашивание петроглифов измельченным дерном, 2005 год. Фото Г. Александрова

Панель с петроглифами Каменный 4 была выявлена автором данной статьи в июне 1998 года (рис. 3). Плоскость с рисунками расположена на наклонном участке скалы в северо-западной части острова Каменный и обращена на юго-запад к воде. Выбивки «расположены на площади 1.6×1.2 м, в 3 м от уреза воды, на высоте 1.5–1.9 м над уровнем озера» [2]. Согласно каталогу, группа Каменный 4 представляет из себя «17 фигур, почти все составляющие одну композицию ... 4 антропоморфа, 5 «человеческих» следов, 3 чашевидных углубления, топор-жезл (в руке антропоморфа), лодка, абстрактная фигура и неясная фигура» [2].

Скальная поверхность частично уходит под наносы валунов, гальки и песка. Не исключено, что при дальнейшей расчистке скалы можно будет обнаружить продолжение панели влево и вверх, а также в сторону панели Каменный 10 [4], расположенной правее в нескольких метрах выше (рис. 4). Панель петроглифов Каменный 4 продолжает находиться под разрушительным воздействием прибойной волны и весенних ледоходов. Последние ежегодно перемещают по поверхности скалы валуны и гальку (рис. 4, 5), которые разрушают поверхность с петроглифами.

В период с 2017 по 2020 год панель Каменный 4 была задокументирована с помощью фотограмметрии. Обработка созданной 3D-модели позволила выявить следы еще нескольких изображений (пять фигур и четыре чашечных углубления), а также уточнить детали известных изображений (рис. 6–8). Таким образом, площадь плоскости с петроглифами увеличилась до $1,6 \times 2,3$ м, а количество петроглифов в группе возросло до 26 фигур.

Рис. 4. Вид на панель Каменный 4 с северо-западной стороны:
1 — лед у скалы в начале мая; 2 — Каменный 4 и Каменный 10, вид с воды. Фото В. Лихачева

Рис. 5. Расположение петроглифов на панели Каменный 4 (1). Черным показаны известные фигуры, красным цветом — новые выявленные изображения. 3D-модель петроглифов (2). Иллюстрация В. Лихачева

Среди них определяемы: перевернутая зооморфная фигура, у которой показаны две ноги, возможно, «олень» (возле рук антропоморфа с жезлом) (см. рис. 6, 2, фигура 1); фигура «китообразного» в нижней части скопления (см. рис. 6, 2, фигура 5); фигура, напоминающая «рогатку» —верху справа (см. рис. 6, 2, фигура 2; рис. 8, 2). В левом углу панели, ниже и левее от известной фигуры лодки, мы видим фрагмент выбивки, похожий на носовую часть еще одной лодки, корпус которой предположительно скрыт под песчано-галечниковым наносом (см. рис. 6, 2, фигура 3). Также под изображением «человека» с копьем имеется сильно стертая выбивка, по форме напоминающая изображенную выше и правее профильную антропоморфную фигуру с «жезлом», которую также можно интерпретировать как фрагмент лодки (см. рис. 6, 2, фигура 4; рис. 8, 3). Задokumentировано еще четыре лунки и ряд плохо сохранившихся выбивок, которые сложно трактовать в рамках известных мотивов. Среди уточняющих деталей известных изображений выявлены: ступни ног у фигуры беременной; левая нога у профильной антропоморфной фигуры с жезлом (см. рис. 6).

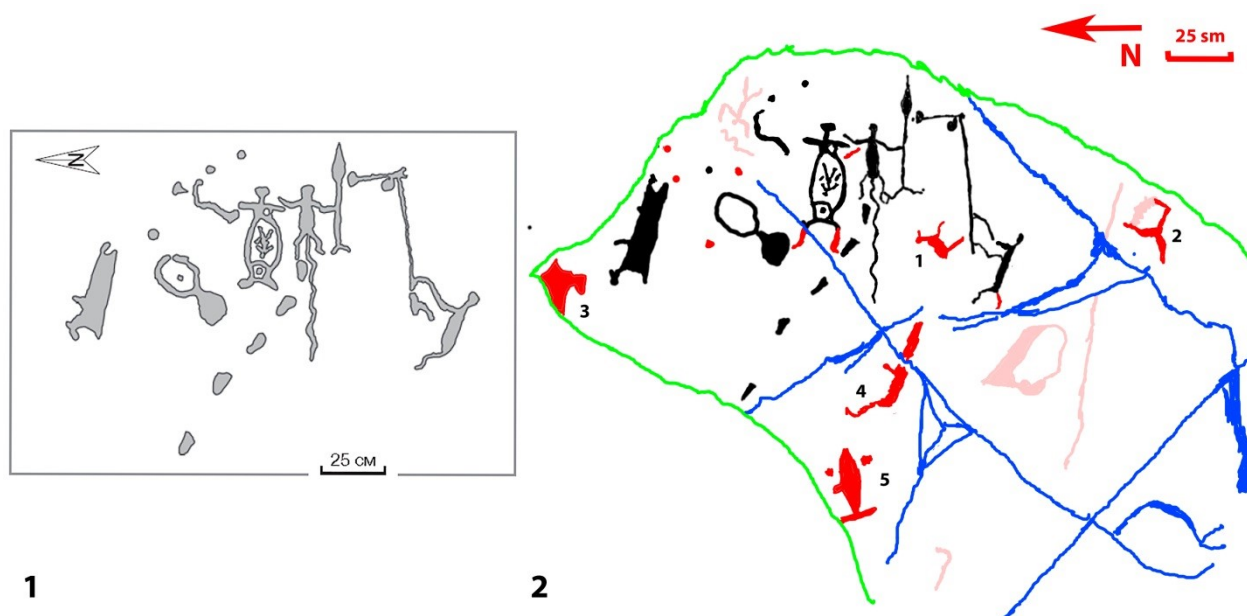

Рис. 6. Панель Каменный 4:

1 — композиция согласно каталогу «Петроглифы Канозера» [2]. Иллюстрация Е. М. Колпакова и В. Я. Шумкина;
2 — прорисовка петроглифов и трещин на основе 3D-модели. Иллюстрация В. Лихачева

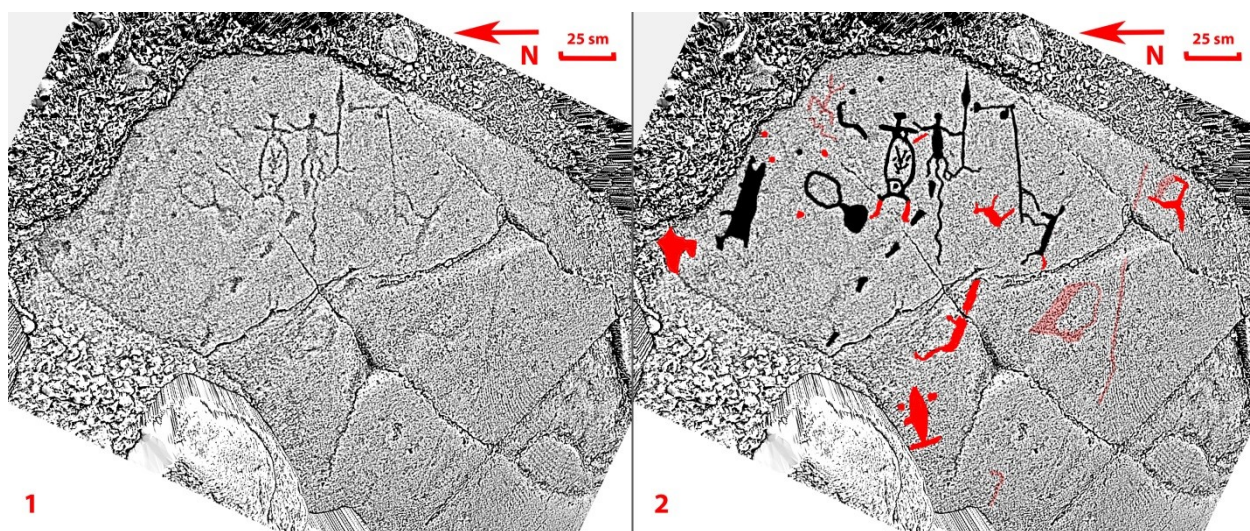

Рис. 7. Панель Каменный 4:

1 — 3D-модель на основе фотограмметрии; 2 — прорисовка по 3D-модели.
Иллюстрация В. Лихачева

Рис. 8. Петроглифы панели Каменный 4 (1). Фигура «Рогатка» (2) — № 2 согласно схемы на рис. 6, 2. Фигура № 4 (3) согласно схемы на рис. 6, 2. Фото В. Лихачева

Выявленные фигуры и уточненные детали изображений позволят точнее провести композиционный анализ и интерпретацию данного скопления петроглифов.

Примечания

¹ Здесь и далее под панелью наскальных рисунков (панель) подразумевается поверхность скалы, включающая в себя петроглифы. В отличие от простого «скопления фигур» панель подразумевает также элементы микрорельефа, в некоторых случаях играющие роль в построении композиции наскальных рисунков.

Список источников

1. Лихачев В. А. Рисунки Канозера. Апатиты: Кольский центр охраны дикой природы, 2011. 124 с.
2. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
3. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation // Adoranten. 2018. P. 48–71.
4. Лихачев В. А. Новые находки скоплений петроглифов на Канозере (период 2017–2019) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2020. № 18. С. 85–108.
5. Likhachev V. New motives and compositions of the Kanozero petroglyphs (On materials of new findings of 2016–2019) // Adoranten. 2021. P. 72–87.
6. Лихачев В. А. Петроглифы Канозера: новые методы изучения и новые находки // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 9. С. 113–120.
7. Лихачев В. А. Древняя «каменоломня» на Канозере: следы разработки камня и новые петроглифы панели Каменный 5 // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. № 1 (1). С. 185–195.
8. Лихачев В. А. «Охота с луком на лося»: композиция из скопления «Каменный 7», Канозеро // Труды Кольского научного центра РАН. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 142–152.
9. Likhachev V. A. “Bow elk hunt” composition of the Kanozero Petroglyph Complex // Adoranten. 2022. С. 76–84.

References

1. Likhachev V. A. *Risunki Kanozera: otkrytiye, izucheniye, sokhraneniye* [Rock art of Kanozero: discovery, study, preservation]. Apatity, Kola Biodiversity Conservation Center, 2011, 124 p. (In Russ.).
2. Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya. *Petroglify Kanozera* [Petroglyphs of Kanozero]. Saint Petersburg, Iskusstvo Rossii, 2012, 424 p. (In Russ.).
3. Likhachev V. Kanozero petroglyphs: history of discovery and investigation. *Adoranten*, 2018, pp. 48–71.
4. Likhachev V. A. Novyye nakhodki skopleniy petroglifov na Kanozere (period 2017–2019) [New findings of petroglyph clusters on Canozero (period 2017-2019)]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS], 2020, No. 18, pp. 85–108. (In Russ.).
5. Likhachev V. New motives and compositions of the Kanozero petroglyphs (On materials of new findings of 2016–2019). *Adoranten*, 2021, pp. 72–87. (In Russ.).
6. Likhachev V. A. Petroglify Kanozera: novyye metody izucheniya i novyye nakhodki [Rock carvings of Kanozero: new documentation methods and new findings]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS], 2017, No. 9, pp. 113–120. (In Russ.).
7. Likhachev V. A. Drevnyaya “kamenolomnaya” na Kanozere: sledy razrabotki kamnya i novyye petroglify paneli Kamenny 5 [Ancient quarry at Kanozero: traces of crystalline schist quarring at the Kamenny 5 panel]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS GI], 2022, No. 1 (1), pp. 185–195. (In Russ.).
8. Likhachev V. A. “Okhota s lukom na losya”: kompozitsiya iz skopleniya “Kamenny 7”, Kanozero [“Bow hunting for elk”: composition from Kamenny 7 panel of the Kanozero petroglyph complex]. *Trudy KNTS RAN GI* [Proceedings of the KSC RAS], 2022, No. 2 (22), pp. 142–152. (In Russ.).
9. Likhachev V. A. “Bow elk hunt” composition of the Kanozero Petroglyph Complex. *Adoranten*, 2022, pp. 76–84.

Информация об авторе

В. А. Лихачев — аспирант факультета дизайна и искусств Университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия), сотрудник музея «Хибинариум», КНЦ РАН.

Information about the author

V. A. Likhachev — post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland), specialist of Hibinarium museum, KSC RAS.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.
The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

